

СЕВЕРО-КАВКАЗСКАЯ КРАЕВАЯ ЮБИЛЕЙНАЯ КОМИССИЯ
ПО ПРОВЕДЕНИЮ ПРАЗДНОВАНИЯ 10-Я ГОДОВЩИНЫ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И С.-К. КРАЙИСПАРТ

R 134
32

Н. Л. ЯНЧЕВСКИЙ

801-14
314

ГРАЖДАНСКАЯ БОРЬБА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

ТОМ II

„СЕВКАВКНИГА“
РОСТОВ н-Д. 1927

Изд. № 478.

2011094125

Гостипография им. Коминтерна Госдонполиграфоб'единения в Ростове на Дону.
Крайлит № 1440. Заказ № 423. Тираж—1000

СОВЕТСКИЕ РЕСПУБЛИКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1917-19 Г.

В великих муках рождалась Советская власть на Северном Кавказе. Пролетариат завоевывал здесь власть вместе со всем крестьянством, вместе со всем иногородным населением, вместе с революционным казачеством. Классовая борьба на Северном Кавказе в 1918 году развивалась в той же последовательности, что и в остальной России. В своей речи на VIII Съезде партии В. И. Ленин говорил:

„В октябре 1917 г. мы брали власть вместе с крестьянством в целом. Это была революция буржуазная, поскольку классовая борьба в деревне еще не развернулась... только летом началась настоящая пролетарская революция в деревне. Если бы мы не сумели поднять эту революцию, работа наша была бы негодна. Первым этапом было взятие власти в городе, установление советской формы правления. Вторым этапом было то, что для всех социалистов является основным, без чего социалисты-не социалисты: выделение в деревне пролетарских и полупролетарских элементов, сплочение их с городским пролетариатом для борьбы против буржуазии в деревне“. (Цит. по сб. „Тактика большевизма“, стр. 437).

И мы видим, что в понятие „Власти Совета Народных Комиссаров“ вначале не везде вкладывалась диктатура пролетариата. В некоторых станицах на Дону, на Кубани, на Тереке „Советская власть“ сводилась к тому, что атаманов переименовали в комиссаров—и дело с концом. Так, по рассказу А. Рондо, казачество станицы Славянской (в начале января 1918 года), высказываясь за необходимость избрания Отдельского Совета, предлагало атамана переименовать в комиссара—„пусть дохаживает срок“.

Характерным образцом творчества первых дней революции является положение о местных Советах, принятое Таманским Отдельским Революционным Демократическим Съездом на Кубани в начале 1918 г.

„Таманский Отдельский Революционный Демократический Съезд на заседании 25 января, рассмотрев вопрос об организации Советской власти на местах, утвердил следующее положение о Совете Народных Депутатов:

1. Советская власть является единственной законной властью в Таманском отделе и все постановления ее обязательны для населения отдела и подлежат исполнению.

2. Во всех станицах, селах, аулах, хуторах и прочих населенных пунктах отдела революционно-демократическое население должно приступить немедленно к организации Советов Народных Депутатов, в ведение которых переходит вся власть на местах. Должности атаманов, их помощников и сборы упраздняются, как не отвечающие требованиям жизни. Канцелярии станичных, сельских, хуторских и прочих административных правлений со всеми делами и архивами переходят в ведение Советов Народных Депутатов.

3. Советы избираются революционно-трудовым населением, достигшим 18-ти летнего возраста, без различия национальности и пола.

4. В Советы могут быть избираемы граждане и гражданки, достигшие 18-ти летнего возраста, без различия национальности.

Примечание: 1) Совет Рабочих, Солдатских, Казачьих, Крестьянских и прочих депутатов вливается в Совет Народных Депутатов, передавая все свои дела и средства.

2) Несколько малонаселенных пунктов объединяются для совместной организации Совета.

5. Советы выделяют из себя исполнительные комитеты, в количестве не менее трех человек, как власть исполнительную.

Примечание: В малонаселенных пунктах председатель Совета одновременно может быть и председателем исполнительного комитета.

6. Председатель исполнительного комитета называется комиссаром.

7. Отдельский Совет переизбирается Отдельским Революционно-Демократическим Съездом, который созывается по опросу местных Советов, если о созыве съезда поступило предложение, хотя бы от одного совета и если на созыв съезда при опросе согласилась $\frac{1}{4}$ часть Советов, организованных в отделе". (А. Рондо. „Из истории Южного фронта“, „Путь Коммунизма“, книга 3-я, Краснодар 1922 г., стр. 40—41.)

Этот документ является характерным образцом подмены диктатуры пролетариата мелко-буржуазной демократией, с сохранением, однако, внешних атрибутов Советской власти, за исключением самого существенного—Совета Рабочих Депутатов. А. Рондо сопровождает переданные выше положения следующим замечанием: „Из приведенного документа видно, как трудно было лавировать между требованиями момента и неподготовленностью (темнотою) масс“.

В казачьих областях первым шагом от казачьего управления была мелко-буржуазная демократия и часто—„паритет“. Лишь по мере организации пролетариата, иногородной и казачьей бедноты, по мере освобождения их от влияния социал-соглашателей, по мере усиления влияния большевиков,—пролетариат становится организующей силой, и всякого рода суррогаты Советской власти сменяет подлинная диктатура пролетариата.

Попутчики: левые эсеры, анархисты, соц.-дем.- интернационалисты и всякого рода мелко-буржуазные бунтари наложили свою печать на Октябрь Северного Кавказа. Среди них было много честных революционеров, героически погибших в борьбе (Серадзе, Пашковский, Подтелков, Кривошлыков), но было много и авантюристов, которые принесли не мало вреда революции (войсковой старшина Голубов, главком Сорокин, Нижевиясов). Грязная пена уголовщины, авантюризма порой захлестывала Советскую власть на Северном Кавказе, как это мы увидим дальше. Подобные явления мы наблюдаем всюду: на Дону, на Кубани, на Тереке и в Ставропольи. От разъяренной мелко-буржуазной стихии, используемой авантюристами, партийным организациям приходилось иногда уходить в подполье, как это было, например, в Пятигорске.

В организации Советской власти и условиях ее деятельности между неказачьими областями—Ставропольской и Черноморской губерниях—и казачьими было существенное различие.

В Ставропольской губернии Советская власть была признана первым съездом Советов (Народным Собранием) в ночь на 1—14 января 18 года. В резолции Ставропольское крестьянство решительно отмежевалось от Юго-Восточного Союза.

В состав Советов Народных Комиссаров вошли большевики, максималисты и даже два меньшевика (вопреки постановлениям своей организации), которые, впрочем, вскоре покинули Совет. Председателем Губернского Исполнительного Комитета был избран максималист Мещеряков, председателем Совета Народных Комиссаров—Пономарев (большевик), военным комиссаром Анисимов (большевик), комиссаром продовольствия—Мацкевич (большевик), комиссаром финансов—Ратнер (меньшевик), комиссаром по земельной реформе—Гладков (меньшевик), комиссаром юстиции—Тесленко, путей сообщения—Петров.

Губернский Совет был избран в составе—180 человек: 130 от крестьян, 30 от солдат, и 20 от рабочих. Из Губернского Совета был выделен Губисполком в составе 30 человек, а из последнего—Совет Народных Комиссаров.

Первой задачей новой власти явился захват правительственных учреждений и банков. 3—16 января была конфискована кадетская газета „Северо-Кавказский Край“, против чего протестовала городская дума. В этот же день были заняты банки, затем губернская земская управа, продовольственный комитет и другие учреждения. Городская дума продолжала существовать, и, протестуя против контроля над банками, даже пригрозила Совету, что, за недостатком средств, она остановит электростанцию и водопровод. Городскую управу поддерживали городские районные попечительства и профсоюзы. Вместе с ними городская управа организовала „коалиционный совет“, борющийся с Советом организацией забастовок, воззваниями и т. д. Так, 3—16-го января в знак протеста, забастовали служащие почты, телеграфа и правительственные учреждения, бастовавшие до 9—22-го января. Сопrotивление городской управы продолжалось до 25-го марта, когда управление города было передано временному Совету.

Как была организована Советская власть в этой сплошь крестьянской губернии?

„Избранием правительства в губернский исполнительный комитет Городской Совет Рабочих и Солдатских Депутатов почти заканчивал свое политическое существование—читаем мы в воспоминаниях т. Пономарева,—Губернские Советские Органы брали на себя общее регулирование жизни губернии, а след., и разрешение всех вопросов рабочей и крестьянской жизни. Все лучшие силы Городского Совета были втянуты губернским исполнительным комитетом“. (Восп. Пономарева. Рукопись).

Несмотря на подавляющее большинство крестьянства, крестьяне согласились, чтобы из 30-ти членов Исполнительного Комитета 18 были избраны от Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и лишь 12 от „крестьянской курии“.

Совет Народных Комиссаров привлек к строительству Советской власти широкую массу крестьянства. В январе состоялись Народные Съезды, по одному представителю на 5000 человек населения, на которых были избраны Советы Крестьянских, Солдатских и Рабочих Депутатов.

По земельному вопросу в своем воззвании от 11 января 1918 г. Совет Народных Комиссаров передал помещичьи, кабинетские, церковные, частновладельческие (отрубные) и прочие земли со всем живым и мертвым инвентарем в ведение и распоряжение сельских и уездных земельных комитетов, которым было предложено немедленно принять на учет земли и имущество для распределения по трудовой норме.

Вальцово-мукомольные мельницы, маслобойные заводы, круподерки и другие промышленные заведения были переданы в распоряжение сельских обществ тех сел, где они находятся, при чем обслуживание вальцовых мельниц, маслобойных заводов и круподерок было предоставлено в распоряжение самого общества.

Началась борьба за землю, сопровождавшаяся кулацкими восстаниями (в г. Св. Кресте 20 апреля, под предводительством Кузнецова, в селе Левокурском, Урожайном и других). Однако, крестьянство вооруженной силой подавляло эти восстания.

Экономическая политика Ставропольского Совета Народных Комиссаров была очень осторожна. Банки не были национализированы, над ними лишь был установлен контроль. Что касается промышленности (в Ставропольской губернии наиболее развито мельничное производство), то мельницы, круподерки, маслобойные заводы перешли в ведение местных Советов. Советом Народных Комиссаров, были приняты меры к улучшению положения рабочих и изданы правила, регулирующие отношения предпринимателей и рабочих. Совет Народных Комиссаров не прибегал к контрибуциям, не муниципализировал домов, что послужило поводом к обвинению председателя Совнаркоматов. Пономарева в „правизне“ и повлекло за собой стихийный взрыв, которым воспользовались авантюристы.

В продовольственной области Совет Народных Комиссаров не встречал особых затруднений, так как в губернии имелся запас зерна в 25-30 мил. пудов. Здесь довольно успешно заготавливался хлеб для Москвы и Закавказья. 13—26 февраля Губернский Совет Рабочих Солдатских и Крестьянских Депутатов постановил взять на учет предметы сельского и городского производства и объявил излишки „собственностью всего трудового народа губернии“.

В соответствующем постановлении Совета говорится: „Продовольственное дело должно разрешить следующие задачи: а) взятие на учет и равномерное распределение постепенно всех предметов производства в губернии как по сельскому хозяйству (хлеб, мясо, продукты, молочное хозяйство и т. д.), так и по промышленному; б) об исчислении распределения всех предметов, поступающих в губернию; организация одного губернского оптовика; централизация отдела снабжения, организация единых общественных распределителей на местах“. Предполагалось ввести в первую очередь хлебную и кожевенную монополии и заменить частную торговлю общественными лавками, но развивавшиеся военные события помешали осуществить эту программу.

Несмотря на оторванность от центра, Советская власть Ставрополя, правда, довольно робко, приступила к реорганизации юстиции. Была введена выборность судей, упрощено судопроизводство, организованы местные суды, был издан декрет о гражданском браке, а также учреждены революционные трибуналы.

8—21 февраля состоялся 2-й Съезд Советов, который главное внимание уделил вопросам организации и укреплению власти. Съезд Советов, несмотря на протесты меньшевиков и эсеров, продолжил полномочия Совнаркомата. Однако, очень немногое удалось осуществить: в Медвеженском уезде вставал фронт. Бежавшая из Ростова Добровольческая армия, спасаясь с Дона на Кубань, покатила по Ставропольской губернии, заставляя крестьян взяться за оружие. Для борьбы с белогвардейцами в Медвеженском уезде за короткое время было собрано до 5000 человек крестьян. Надо сказать, что ставропольский Совнарком пользовался полной поддержкой крестьянства, ему удалось положить начало крестьянской армии.

В апреле левые эсеры, во главе с председателем исполкома Мещеряковым, в союзе с „левыми“ большевиками при участии некоего Коппе, который был прислан из Москвы для организации Красной армии организовали заговор.

Создав Временный Революционный Комитет, они в ночь с 28-го на 29-е апреля (с 11 на 12-е мая) арестовали наиболее деятельных комиссаров: Пономарева, Петрова, Медведева и военкома Мирошникова. По настоянию губисполкома, революционный комитет был распущен, а арестованные освобождены.

Избранная для расследования чрезвычайная следственная комиссия нашла, что „причиной событий 29-го апреля является политика Пономарева, не считавшегося ни с мнением Совета и партии, ни с насущнейшими требованиями рабочих и солдатских масс, и тем самым подрывая ее доверие не только к себе, но и к Советской власти вообще“. На основании этого комиссия нашла необходимым отстранение Пономарева от занимаемых должностей и ответственной советской работы.

Для ликвидации этого события 9—22 мая был созван 3-й по счету Чрезвычайный Съезд Советов. Против председателя Совета Народных Комиссаров Пономарева выдвигалось обвинение в том, что он вел слишком „правую“ политику: противился созданию Красной армии, не национализировал банков, не обложил контрибуцией буржуазию и т. д. В отношении Мещерякова и других следственная комиссия вынесла довольно уклончивую резолюцию, по смыслу которой они не имели желаний свергнуть Советскую власть. Съезд постановил передать всю полноту власти губернскому исполнительному комитету, поставив под его контроль Совет Народных Комиссаров.

Несмотря на то, что Чрезвычайный Съезд Советов не только оправдал Пономарева и других комиссаров, арестованных Мещеряковым, но даже почти единогласно избрал тов. Пономарева членом губисполкома, — руководители Красной армии (Коппе и другие), потребовали исключения Пономарева из членов губисполкома. Председателем губернского исполнительного комитета был избран Дейнеко, а членами президиума: военный комиссар Петров, Морозов и другие. Пономарев бежал из Ставрополя. В новом губисполкоме из 60-ти человек были лишь 11 большевиков (3 от рабочих, 3 от партии и 5 от крестьян).

Новый губисполком главное внимание уделил борьбе с контрреволюцией. Для борьбы с белогвардейцами была объявлена мобилизация, но она не удалась. Когда же ставропольские крестьяне взялись за оружие, то было уже поздно.

Между тем, примазавшиеся к Красной гвардии деклассированные и преступные элементы, во главе с Коппе, позорили Советскую власть, а белогвардейцы готовили восстание и выступили 27-го июня. В Ставрополе стихийно вспыхнул массовый террор.

В дальнейшем Ставропольская губерния превращается в плацдарм гражданской войны, в июле белые заняли Ставрополь. Перед отступлением красных войск в Астраханские степи, были выбиты 14-27 октября частями Таманской армии, но не надолго: 15 ноября белые снова заняли Ставрополь. Окончательно Ставропольская губерния была оставлена красными войсками в 20-х числах января 1919 года.

С оставлением Ставрополя, губисполком продолжал существовать, при чем главное внимание было сосредоточено на вооруженной борьбе с белогвардейцами. После оставления Ставрополя в Благода-

ренском и других уездах были организованы „военные совещания“, и к сентябрю 1919 года состав Красной армии был доведен до 30.000 человек.

В Черноморской губернии, где власть Советов была взята „под расписку“, мирным путем, была провозглашена Черноморская республика, объединившаяся в июне 1918 года с Кубанью, под названием Кубано-Черноморской республики.

О возникновении Черноморской республики и ее ликвидации рассказывает Э. Лехно („Путь Коммунизма“, книга 3-я, Краснодар, 1922 г., стр. 115), в общем верно передающий простоту возникновения и исчезновения „государств“ того времени.

„В начале марта 18-го года бывшая Черноморская губерния была в сильном возбуждении, пишет он, в городах происходило завоевание, правда, почти мирное, власти, ее внедрение и укрепление, изыскивались формы объединения, улаживался вопрос с демобилизованными войсками Кавказской армии, потоком двигавшейся с фронта через порты губернии, происходила конфискация земель и дач, принадлежащих столичной знати, решались вопросы труда заводских рабочих. Словом, жизнь кипела.

В Туапсе был созван первый губернский съезд Советов (в марте 1918 г. Н. Я.), уже как действительный орган власти пролетариата. На этом съезде мне быть не пришлось, так как я и еще двое товарищей были посланы в Москву на экстренный Всероссийский 4-й Съезд Советов, созданный для подписания Брест-Литовского договора. Вернувшись, узнал, что меня выбрали в ЦИК Черноморской губернии; пришлось уехать из Сочи в Новороссийск.

С приключениями доехал. Долго искал по городу ЦИК. Наконец, в одной из комнат бывшего губернаторского дома в маленькой комнатке застал народного комиссара финансов тов. Рубина. Он спокойно сидел и подписывал чеки—то были деньги, во множестве ходившие по городу и очень неохотно принимавшиеся населением из-за своей простоты: клочка белой бумаги. Оказалось, что все 7 членов ЦИК'а, избранные на съезде, раз'ехались кто куда, только остался один Рубин.

Начал я ему помогать: занялся организацией аппарата губернской власти, кое-как сколотил. Хрипела машина, плохо двигалась. А тут несчастье—война на Кубани начиналась и почувствовали мы, что нельзя нам одним противостоять волнам контр-революции, поднимающимся все выше.

Завязали связи с кубанскими большевиками. Они тоже были рады объединению. В первых числах мая, перед самым отъездом в Екатеринодар, Рубин спросил меня, как-же мы со своим ЦИК'ом порешили. Я в ответ предложил вывесить объявление на двери о том, чтобы обращались прямо в Екатеринодар, а в Новороссийске оставить Горсовет.

Так и сделали. На завтра были на заседании Кубанского ЦИК'а, где с места в карьер, пришлось решать вопрос о назревавшем конфликте с Автономовым. К вечеру выбрали президиум, председателем назначили Рубина, народным комиссаром (тогда ведь везде наркомы были), тов. Самарского, совнархозником тов. Волошина. Я пошел в штаб—заведывать политическим отделом, словом, черноморцы захватили власть, как заметил Балис. Так мы аннулировали черноморскую губернскую власть без лишнего слов, объединились для одной задачи—борьбы за Советскую власть на Северном Кавказе, в наиболее его отсталой области, зажиточной и хорошо вооруженной“.

В Новороссийске после взятия власти служащие правительственных учреждений объявили однодневную забастовку в знак протеста. Началась полоса саботажа.

Членам городской управы было предложено сдать полномочия, но дума заявила протест и настояла на плебисците. Совет согласился и организовал широкую агитационную кампанию на заводах и среди рабочего населения.

В плебисците принимали участие 14000 человек. Население высказалось за переизбрание городской думы, и на выборах победили большевики.

После перехода власти в руки Совета, перед угрозой со стороны наступившей с Кубани контр-революции сформировался из рабочих отряд Красной гвардии, был даже конный отряд, но в силу своей неорганизованности и недисциплинированности эти отряды вначале не представляли из себя серьезной военной силы.

Надо заметить, что в Новороссийске переворот произошел 1—14 декабря 1917 года, а в Екатеринодаре лишь 1—14 марта 1918 года и, таким образом, в течение 3-х месяцев Новороссийск был отрезан от Кубани и лишен продовольствия, которое оттуда получалось, находясь под угрозой со стороны Бардижа-Филимонова. Революционный Новороссийск сосредоточил главное внимание на борьбе с контр-революционным Екатеринодаром и на вопросах продовольствия, которые остро вставали в связи с тем, что через Новороссийск катилась с турецкого фронта демобилизованная Кавказская армия.

Тем не менее Советская власть на Черноморьи, по словам работников того времени, крепла не „по дням, а по часам“. Председателем исполнительного комитета был избран тов. Рубин, заведующим административным отделом Яковлев, военным комиссаром—Толмачев. Большинство новороссийских комиссаров состояло из большевиков, участвовали там и левые эсеры (Языков—комиссар юстиции) и беспартийные. Вначале в исполком входили даже меньшевики (Прохорович), эсеры и даже был один толстовец (Михайловский).

На первых порах меньшевики и эсеры пользовались полной свободой и в своих органах вели травлю против большевиков, но 14 марта „Черноморская мысль“ была закрыта.

Были в Новороссийске попытки к анархическим выступлениям, но анархисты были разоружены.

До взятия Екатеринодара много затруднений новой власти создал продовольственный вопрос. Не лучше обстояло дело и с финансами (Так, на просьбу тов. Рондо о деньгах для удовлетворения фронтного казачества, тов. Рубин ответил: „Власти много, а денег нет“).

С такой же легкостью, как создавались республики, разрешался и финансовый вопрос. В своих воспоминаниях бывший комиссар финансов тов. Митусов рассказывает об остроумной „эмиссии“.

„В Народном Банке находилось до 9000000 рублей, в купюрах краткосрочного и др. займов, на которых были неиспользованы купоны. Вот я и решил обрезать купоны, проштемпелевать и пустить в оборот, как мелкую кредитку, а купюры тоже пустить как полную номинальность. Таким образом, у меня увеличилась до некоторой степени, понятно, с этим получились и мелкие кредитки из купонов. Разработанный мною план был представлен на рассмотрение и утвержден Сов. Рабочих и Солдатских Депутатов, который заслушал мой доклад. Принимая во внимание, что финансовое положение в это время поправить иначе ни чем нельзя, кроме представленного мною плана, Совет утвердил его“. (Рукопись. Сев.-Кав. Истпарт).

Несмотря на активную поддержку рабочих, Новороссийские работники столкнулись с недостатком организаторских сил.

В июне 1917 года в Новороссийске был потоплен Черноморский флот, который прибыл туда 1 мая с красными флагами. К этому времени здесь скопилось 19 военных судов под командой адмирала Саблина; линейные корабли „Воля“, „Свободная Россия“, эскадренные миноносцы: „Дерзкий“, „Беспокойный“, „Пронзительный“, „Пылкий“, „Громкий“, „Поспешный“, „Керчь“, „Гаджи-бей“, „Калиакрия“, „Фидониси“, „Лейтенант Баранов“, „Лейтенант Шестаков“, миноносцы „Живой“, „Жаркий“, „Сметливый“, „Стремительный и б. румынский пассажирский пароход „Троян“.

Немцы, захватив Ростов, развивали одновременно наступление в Крыму, угрожая Новороссийску. Через некоторое время, по прибытии флота в Новороссийск, командующий флотом Саблин получил от главнокомандующего немецкими вооруженными силами на востоке Эйхгорна телеграмму с требованием возвращения судов в Севастополь, в противном случае Эйхгорн угрожал наступлением на Черноморское побережье. 10 июня Германия предъявила Совнаркому ультиматум о выводе к 19 июня флота из Новороссийска в Севастополь.

Еще ранее (2 июня) в Новороссийск прибыли из центра тов. Вахромеев и комиссар флота Глебов-Авилов. Флоту по радио было дано предписание из Москвы идти в Севастополь, а в шифровке—затопить флот в Новороссийске („Пролет. революц.“ № 6, 1925 г., стр. 161). Вопрос о потоплении флота стал предметом горячего обсуждения делегатских собраний матросов и Новороссийского Совета Народных Комиссаров.

Референдум, произведенный среди команд военных судов, решил: „флота не топить, пока ему не будет угрожать реальная непосредственная опасность“. И. о. командующего флотом Тихменов (в виду отъезда Саблина в Москву) занял неопределенную позицию. Не было единого мнения ни среди моряков, ни среди членов Новороссийского Совета Народных Комиссаров. По воспоминаниям Кукеля, 14-го июня на делегатском собрании появились представитель Кубано-Черноморской республики—Рубин и представитель от армии той же республики, какой-то разбойничьего вида субъект, увешанный револьверами. Рубин в пространной, почти часовой речи, пытался склонить собрание не исполнять распоряжение центральной Советской власти и не топить флота...

Возражали против потопления и рабочие. Так, собрание железнодорожников, по докладу Губернского, постановило: „Просить моряков воздержаться от потопления флота и оказать им поддержку в борьбе всеми силами, для чего произвести всеобщую мобилизацию трудового класса“.

Митинг на Соборной площади решил „защищать город и флот до последней возможности“ („Приморский Край“ № 30 от 15 июня 1918 года. Матер. С.-К. Истпарта).

17 июня истек срок ультиматума Германии о выводе судов в Севастополь. 16-го июня был произведен референдум команд. За поход в Севастополь высказалось, по словам Кукеля, более 500 голосов, за потопление судов около 450, высказалось за борьбу „до последнего снаряда“ около 100 человек (Кукель, стр. 162).

По словам лейтенанта Алексева, на референдум были поставлены два вопроса:

1. „Ити в Севастополь“. 2. „Затопить флот“. 3. „Вопрос об обороне был поставлен еще ранее, в виду полной его неосуществимости. Подсчет голосов был на линейном корабле „Воля“ 16-го июня; после

полдня референдум дал следующие результаты 939 голосов за Севастополь и 640 затопить, остальные воздержались от голосования. На кораблях отдельно результат таков:

„Воля“—360—Севастополь,
140—топить.

„Свободная Россия“—350—Севастополь,
240—топить.

После референдума было объявлено положение второе и приказано готовиться к походу. (Донесение ГЛАПОР'у. Материалы С.-К. Истпарта).

Несмотря на приказ командующего флотом Тихменева, деморализации команд и разногласий среди новороссийских большевиков, все же удалось настоять на потоплении флота.

„На заседании Новороссийского Совета Народных Комиссаров,—пишет в своих воспоминаниях тов. Кузьмин,—посвященном исключительно вопросу о потоплении флота, на которое прибыли тов. Рубин, бывший в то время председателем Кубано-Черноморского Совнаркома, т. т. Авилов-Глебов и Вахромеев, сразу же заявили: несмотря на то, что тов. Рубин, ссылаясь на общий протест рабочих всего края, склонился к тому, чтобы флот не топить—вопрос решен в Москве, наше дело подчиниться и говорить лишь о том, как потопить флот. Заседание было настолько бурным, что доходило до того, как группа товарищей готова была организовать свою республику, а флот все же не топить. В 3 часа ночи, я и тов. Шерстнев (левый эсер), были командированы на броненосец „Воля“—сообщить о состоявшемся постановлении о потоплении флота. В то время в кают-компании происходило не менее бурное собрание уполномоченных судовых команд и после моего заявления о состоявшемся постановлении о потоплении флота чуть не был выброшен за борт, так как многие матросы предупреждали, что флот топить они не будут, и кто попытается это сделать, то раньше флота потонет.“ („Октябрь на Кубани и Черноморья“, стр. 142).

Утром 17-го июня по сигналу командующего флотом вышли в море эскадренные миноносцы „Дерзкий“, „Поспешный“, „Беспокойный“, „Громкий“, „Живой“, „Жаркий“, линейный корабль „Воля“. Не подчинились приказу и остались в гавани: эскадрен. миноносцы „Керчь“, „Гаджи-бей“, „Фидониси“, „Калиакрия“, „Пронзительный“, „Лейтенант Шестаков“, „Капитан лейтенант Баранов“, „Смелый“, „Стремительный“, линейный корабль „Свободная Россия“ и другие суда.

Нашлись сторонники потопления флота и среди командного состава (командир миноносца „Керчь“ Кукель, командир эск. миноносца „Гаджи-бей“ лейтенант В. Алексеев, командир эск. миноносца—„Лейтенант Шестаков“ Анненский и другие).

Решающее значение имел приезд Ф. Ф. Раскольников, прибывшего в Новороссийск лишь утром 18-го июня, которому удалось склонить массы к потоплению оставшихся судов.

Описание потопления флота мы находим в донесении капитана транспорта „Ефрат“:

„18-го июня корабль „Свободная Россия“ вместо Андреевского флага поднял красный флаг. Миноносцы оставшиеся, тоже подняли красный флаг. В 6 часов утра миноносец „Лейтенант Шестаков“ воз-

вратился в бухту, опустил Андреевский флаг и поднял красный, подошел к миноносцу „Калиакрии“, который держал сигнал „не сдаюсь“, взял его на буксир за корму и вывел из бухты. Потом поставил его на якорь на внешнем рейде в полумиле от входа. Затем „Лейтенант Шестаков“ вывел из бухты и поставил на якорь миноносец „Гаджи-бей“, который через некоторое время, подняв пары, пошел в море самостоятельно. После полдня была выведена из бухты „Свободная Россия“, на буксире портового катера „Греза“ и тр. № 42 „Чиатура“. Около часу дня на миноносце „Калиакрии“ последовали два взрыва в средней части судна, после чего миноносец стал постепенно наполняться водой и садиться кормой и часа через два после взрыва вертикально кормой пошел на дно, выровнялся на киль, мачты его видны ниже сигнальных рейков. Следующий миноносец „Гаджи-бей“ затонул на форваторе на створе Цемесских знаков, приблизительно в пяти милях от бухты. Потом были подорваны и затонули два миноносца типа „Шестаков“ в луче белого дня Доабского маяка, приблизительно немного южнее 16-ти футов банки на глубине 15 сажень. Мачты их не видны из воды.

Миноносец „Фидониси“ был выведен из бухты, около 4-х часов вечера на буксире моторного катера и оставлен в 1/4 мили от восточного мыса. Вышедшим вскоре за миноносцем „Фидониси“ миноносцем „Керчь“ была выпущена мина в левый борт „Фидониси“, который быстро стал крениться на левый борт и когда совершенно лег на борт, кормой пошел на дно. Мачт его не видно.

Около шести часов вечера корабль „Свободная Россия“ был затоплен приблизительно на параллели Доабского маяка в расстоянии 6 1/2 мили от бухты и в 1 1/2 мили от Доабского маяка. В „Свободную Россию“ было пущено 4 мины миноносцем „Керчь“ в переднюю часть правого борта. Мины пускались через каждые пять минут. От первой мины не было заметно погружения дредноута, от второй мины начал погружаться нос дредноута, от третьей мины дредноут стал крениться на правый борт, от четвертой мины дредноут перевернулся в верх килем и в таком положении медленно затонул, после чего миноносец „Керчь“ ушел в море, по направлению Туапсе, где и взорвавшись затонул, высадив всю команду на берег близ Туапсе. Последними около 8—9 часов вечера были взорваны и затоплены близ восточного мола два миноносца типа „Стремительный“, мачты одного из них видны из воды. После потопления военных судов Центральный Областной Комитет Водного Транспорта, совместно с местным Совдепом, стал настаивать на потоплении коммерческих пароходов и в первую очередь назначены были к потоплению пароходы союзных держав. Утром 20 июня в 5 часов начали выходить под своими парами пароходы союзников. Первый выше „Оксоюз“ № 43 и став к восточному берегу в одной миле от мола, открыл кинстоны и быстро затонул, все-таки мачты его видны. Вторым вышел „Эльбрус“, который также став на якорь, южнее „Оксоюза“ стал накачивать в трюм воду и к 6 часам вечера после взрыва в машинном отделении, затонул кормой к восточному берегу, мачты его видны. После полудня вышли „Сербия 110“, „Фредерика 101“ и „Женероза 26“, которые были подорваны внутри и затонули на протяжении восточного берега, по направлению к Пинальскому маяку. Мачты затопленных транспортов видны.

28-го июня, в день прихода в Новороссийск дредноута „Гебен“, был взорван в порту близ пристани Цементного завода транспорт „Траварней“. (Мат. С.-К. Истпарта).

Гибель „Свободной России“ описывает Кукель. (Цит. выше соч., стр. 170—1).

„Медленно поворачиваясь „Свободная Россия“ представляла из себя удручающую картину: лязг и звон (при полной окружающей тишине) падающих и переваливающихся на палубе и внутри корабля предметов, шлюпок, паровых котлов и т. д. Наиболее грандиозное впечатление произвело обстоятельство, что корабль переворачивался столь медленно, что было видно, как башни 12 дюймовых орудий целиком, со страшным шумом и лязгом вываливались в воду. От начала крена до полного переворачивания корабля прошло 3 мин. 42 сек. Из всех клинкетов и кингстонов все время били высокие фонтаны воды. Все потопление лин. „Свободная Россия“ продолжалось один час 20 м. Картина его гибели незабываема. Вся команда миноносца „Керчь“ стоит на верхней палубе и мрачно молча смотрит на переворачивающегося вверх килем гиганта“.

Миноносец „Керчь“ сыгравший исключительно важную роль в уничтожении флота, был затоплен 19-го июня в 4 часа 30 минут утра.

Сдавшиеся Германии суда перешли в руки союзников, служили Деникину и Врангелю, а затем были переданы Франции.

На 3-й день после потопления флота в Новороссийск прибыла германская эскадра во главе с „Гебенем“ и „Бреслау“. Между представителями Новороссийского Исполкома (Рубин и другие) и германскими представителями начались переговоры.

Об этих переговорах сообщает газета „Заря“ (от 1-го июля 1918 г, № 1):

„На вопрос адмирала о нахождении советского военного флота и о пребывании миноносцев „Керчь“ представители совета заявили, что часть флота прибыла в Севастополь, остальная затоплена в море. Миноносец „Керчь“ ушел. По слухам он взорвался в Туапсе. 29 июня советская делегация задала ряд вопросов по поводу политических отношений между Германией и РСФСР. (Рос. Фед. Сов. Респ.). Относительно высадки германских войск в Тамани, Ростове и др. местах, адмирал дал приблизительно такой ответ: „В Тамани производилась стрельба по германским судам. Во время обстрела был убит австрийский офицер. На Ростовском фронте германские войска нигде не идут. Если были отдельные случаи столкновения, то не с советскими войсками, а с определенными бандами. Во внутреннюю жизнь советской России Германия не может вмешиваться. Кстати, почему ваши войска не разоружены, что должно быть проведено по Брест-Литовскому миру“. (Мат. С.-К. Истпарта).

Неоднократно посещал Новороссийск германско-турецкий флот, и порой дело доходило чуть не до стычек, однако, с немцами даже наладилась торговля: они покупали подсолнечное масло, нефть, керосин, бензин, зерно в обмен на обувь, мануфактуру и „николаевские“ деньги. Что касается промышленности, то цементные заводы были национализированы, но сбыта не было, точно так же, как и для вина, которое производилось в Черноморской губернии.

В Туапсе, где Советская власть возникла ранее официальной даты октября, на своем пути она встретила целый ряд препятствий: отсутствие указаний из центра, саботаж чиновников и т. д. К тому же контрреволюционная Кубань не пропускала продовольствия. Все продовольственные припасы в городе были взяты на учет, товары в мага-

знах конфискованы, была введена карточная система, с прикреплением потребителей к определенным хлебопекарням и лавкам. Земли монастыря, расположенного близ Туапсе, Туапсинский Совет передал крестьянам. В городе был установлен строгий порядок, поддерживаемый патрулями. В правлении Черноморской железной дороги был установлен рабочий контроль, на завод Баратова и в порт назначены комиссары. В дальнейшем туапсинские большевики стали действовать более решительно. Был создан целый ряд съездов представителей сельских советов губернии и даже съезд учителей с целью реформы народного образования.

В Геленджике первый большевистский исполком точно также наткнулся на саботаж интеллигенции. При поддержке черноморского флота, исполком провел обложение контрибуцией буржуазии, реквизировал виноградные вина у лиц нетрудового элемента. На эти деньги была отремонтирована пристань, произведены другие работы и уплачено жалованье. Буржуазия была обезоружена и произведено вооружение рабочих.

В Сочи, где Советская власть просуществовала с 5 января по 15 июля 1918 года, когда Сочи было занято грузинами, в апреле состоялся съезд советов, при чем в новый исполком вошло большинство крестьян. С конца мая началась война с Грузией, а 15 июля работники эвакуировались сначала в Туапсе, а затем в Майкоп.

Несмотря на все затруднения, стоявшие перед Советской властью в Ставропольской и Черноморской губерниях, несмотря на то, что в Советах заседали меньшевики, эсеры и даже „убежденные толстовцы“, первые шаги в Ставропольской и Черноморской губерниях были направлены к созидательной работе. При отсутствии указаний при саботаже интеллигенции и разлагающей работе меньшевиков и эсеров—рабочие и крестьяне проявили максимум революционной самостоятельности и, под руководством партии, нащупывали правильный путь. Крестьянство Ставропольской и Черноморской губ. целиком поддерживало власть „Советов Народных Комиссаров“. И здесь, и там Советская власть пала под давлением внешней силы: в Ставропольи под ударами казачества и Добровольческой армии, в Черноморской губернии—под ударами Добровольческой армии и грузинских меньшевиков. Чрезвычайно характерно то обстоятельство, что крестьянство Ставропольской губернии совершенно сознательно признало гегемонию пролетариата и чуть не поголовно мобилизовалось на защиту Советской власти. Ту же смычку рабочего класса с крестьянством мы наблюдаем и в Черноморской губернии, где диктатура пролетариата опиралась на полную поддержку крестьянства (в Сочи, в Туапсе).

В неказачьих областях власть Совнаркома была установлена мирным путем, в казачьих областях пролетариату приходилось с боем расчищать путь к власти. Важнейшей предпосылкой к победе здесь послужил раскол казачества: благожелательный нейтралитет массы казачества на Кубани и активное участие в борьбе за Советскую власть фронтового казачества на Дону. В этой борьбе казачьи верхи оказались генералами без армии. Главнейшей опорой контр-революции явилась Добровольческая армия. Иногородное население, а на Дону и крестьянство, целиком оказалось на стороне Советской власти.

Какой социальный сдвиг произошел в казачьих областях в первый период Советской власти? Масса казачества, сохранявшая благожелательно нейтралитет или активно участвовавшая в борьбе с генералами, с чуждыми хлеборобу панами (вспомним, что донские казаки боролись под лозунгом: „Долой атаманов и офицеров, вся власть

казачьим советам“),—как только речь зашла о дележе земли с иногородными и об учете хлеба, нашла общий язык с „атаманами и офицерами“ и с Добровольческой армией, выступив против пролетариата, против иногородных, против всей „иногородной“ крестьянской России.

В центре Донской области—Ростове Советская власть просуществовала в 1918 г. недолго: с 24 февраля по 8 мая. Календинщина была свергнута наспех сколоченными отрядами Красной гвардии и фронтовым казачеством, во главе с Подтелковым и Кривошлыковым, образовавшим в ст. Каменской Областной Военно-Революционный Комитет.

12—25 февраля в Ростове состоялось первое заседание Военно-Революционного Комитета, на котором был избран президиум в составе: председателя—Жук, секретарь—Равикович. Была образована комиссия по налогам, в составе: Власова, Орлова и Дунаевского. Комиссаром по санитарной части Ростова-Нахичевани был назначен Чеботарев, комендантом дома Военно-Революционного Комитета—Зявкин, комиссаром по охране города—Винберг, телефонной станцией—Морозов. Газеты „Приазовский Край“ и „Ростовская речь“, как явно контр-революционные, были закрыты, а дом, в котором они помещались, объявлен собственностью Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. (Известия Ростово-Нахичеванского ВРК № 1, 18 т. Мат. С.-К. Истпарта).

Антонов-Овсеенко 25 февраля объявил Ростов и Нахичевань на военном положении и назначил военным комиссаром Войцеховского, которому предложил провести целую программу мероприятий. „С разработанной программой обратитесь в ВРКТ,—писал, он,—и предложите совместную работу, на основе этой программы. Если не захотят, то ищите других, кто захочет, из представителей партии большевиков и левых эсеров“. Программа эта охватывала все области жизни. Наиболее важными пунктами являлись: сдача оружия населением, конфискация имущества спекулянтов, роспуск городской думы и создание комиссий, учет товаров, контроль над производством, прекращение квартирной платы малоимущими, уравнильное пользование квартирами, муниципализация аптек, бесплатная медицинская помощь, национализация банков, борьба с контр-революцией, закрытие газет, выборы Советов, обложение налогом имущих и полная конфискация имущества контр-революционеров, арест комитета общественной безопасности, организация революционного полка и т. д. („Записки о гражданской войне“, том I, стр. 265).

Вскоре в Ростов переехал и Донской Областной Военно-Революционный Комитет, во главе с Подтелковым. С 28 февраля—8 марта в президиум его входили: председатель—Подтелков, заместитель его Сырцов, товарищи председателя—Ермилов, Власов и Ченцов, секретарями Кривошлыков и Дорошев. Были организованы следующие отделы: управления, военный, Совет народного хозяйства, финансовый, путей сообщения, народного образования, земельный, судебный, врачебно-санитарный, труда, почт-телеграфный, отдел общественных недвижимых имуществ, призревания и продовольственный.

Таким образом в Ростове создалось многовластие, которое усугублялось наличием различных анархистских и полу-анархистских отрядов, в свою очередь, претендовавших на власть, и, во всяком случае, далеко не всегда подчинявшихся какой бы то ни было власти. Это многовластие являлось одной из причин слабости Советской власти на Дону и повлекло за собой очень тяжелые последствия.

Между тем, несмотря на решительную борьбу с остатками календинщины, контр-революция далеко не была вырвана с корнем, а лишь

притаилась. Важнейшей задачей первых дней Советской власти на Дону являлась организация вооруженных сил и Военно-Революционный Комитет немедленно приступил к созданию Красной гвардии. В течение нескольких дней ряды Красной гвардии выросли до 1500 человек.

Перед лицом надвигающейся со стороны Германии опасности Донской Областной Военно-Революционный Комитет организовал 21-го марта Чрезвычайный Штаб в составе: Подтелкова, Фролова, Ермилова, Василенко, Шамова, Крылова, Антонова и тогда же постановил образовать Донскую Советскую республику.

Соответствующее постановление гласит:

„Всем! Всем! Всем!

Окружным, станичным, волостным, хуторским и сельским советам депутатов.

23 марта 1918 года.

Ко всем трудящимся Донской республики.

Мир подписан и, несмотря на это, немецкие белогвардейцы продолжают наступать и встречают дружную поддержку среди украинских и русских контр-революционеров. Для защиты завоеванных революцией свобод, Областной Военно-Революционный Комитет, как высшая власть на Дону до полномочного Съезда Советов, объявляет самостоятельную Донскую Советскую республику, в кровной связи с Российской Советской республикой, и выделяет Совет Народных Комиссаров в следующем составе:

Председатель совета народных комиссаров—Подтелков.

Комиссар по делам управления—Кривошлыков.

Комиссар по военным делам—Подтелков.

Комиссар по борьбе с контр-революцией—Шамов.

Комиссар по делам народ. хоз. и зам. пред.—Сырцов.

Комиссар Труда—Бабкин.

Помощник комиссара труда—Блохин.

Комиссар по народному просвещению—Дорошев.

Комиссар земледелия—Власов.

Комиссар финансов—Болотин.

Комиссар путей сообщения—Безруких.

Комиссар почты и телеграфа—Александров.

Комиссар по делам призрения—Жук.

Управляющий делами совета народн. комиссаров—Орлов.

Границы этой республики считать совпадающими с существующими границами Донской области впредь до соглашения с соседними Советскими органами и Центральной Советской властью“.

Некоторое время меньшевики оставались в Совете, и вели бешеную кампанию против большевиков в своей газете „Рабочее дело“ и в своих выступлениях в Совете. Они были рупором притихшей буржуазии. Но рабочие массы протестовали против меньшевистской травли. 7—20-го марта общее собрание рабочих первой дистанции Владикавказской железной дороги протестовало против травли представителей рабоче-крестьянской власти в газете „Рабочее дело“, которое было „рабочим“ только по заголовку. Лойальная оппозиция Каледина превратилась в бешеного врага рабочей власти.

22-го февраля (7-го марта) на объединенном собрании С. Р. Д., ф. З. К. и правлений профсоюзов было решено произвести перевыборы Совета. „Всеми делами г.г. Ростова и Нахичевани управляет Совет Рабочих Депутатов, который является высшим органом местной власти. Устраняется из Совета всякое непролетарское представительство. Для более успешного проведения диктатуры пролетариата, в

Совете не должно быть места соглашателям и саботажникам“. Было принято постановление о перевыборах делегатов на предприятиях, вместо ушедших меньшевиков и правых социалистов-революционеров, а мелко-буржуазные учреждения решено было вообще к выборам не допускать (№ 1/25 от 30-го марта „Изв.“). Меньшевики и эсеры были исключены из Совета, а декретом № 1 меньшевики и эсеры (правые и центра) объявлены контр-революционерами.

В президиум временного Ростово-Нахичеванского Комитета РСДРП (большевиков) были избраны: председателем—Власенко, товарищем председателя—Чернышев, секретарем—Васильченко, тов. секретаря—Тулевич.

29 марта (9 апреля) в Ростове открылся, под председательством Ковалева, Донской Областной Съезд Советов, на котором присутствовало—759 человек (из них 656 человек с правом решающего голоса). Первым стоял вопрос о войне и мире. Левые эсеры (Комков, Штемберг) выступали на этом съезде против Брестского мира, но большинство пошло за большевиками. За резолюцию левых эсеров голосовали 126 делегатов, против 336 при 41 воздержавшемся. Резолюция большевиков была принята большинством 348 против 106 при 42-х воздержавшихся и за резолюцию меньшевиков голосовало 2 человека, воздержалось 5, а все остальные—против. Пытавшемуся выступить меньшевику Гроссману не дали говорить. Левые эсеры потерпели поражение и в дальнейшем утратили то влияние, которым они пользовались среди некоторой части рабочих Ростова.

Но те силы, которые помогли пролетариату в борьбе с калединщиной, обратились вскоре против Советской власти. По словам Френкеля и других участников гражданской войны на Дону, сюда, под напором немцев, покатились с Украины красногвардейские отряды, к которым примазалось не мало бандитских и уголовных элементов, дискредитировавших Советскую власть. В первых числах апреля в Ростове были сосредоточены отряды анархистов во главе с Васильевым, Бароном, Марусей Никифоровой, и прочие занимавшиеся грабежами (захват кассы „Румчерода“), обысками и арестами. По словам начальника Красной гвардии того времени тов. Зявкина, в городе творились безобразия. Эти легучие отряды представляли довольно серьезную силу. Попытка их разоружения по постановлению президиума исполнительного комитета 7-го апреля кончилась неудачей и привела к избиению анархистами начальника Красной гвардии тов. Зявкина, который чуть было не был поставлен „к стенке“.

По словам Френкеля, „преступные бандитские и деклассированные, недемобиализованные еще, анархически настроенные солдатские элементы, примазавшиеся и втесавшиеся в эти отряды, нещадно чернили и пятнали всю пришедшую на Дон Красную партизанскую рать“. (Сборн. „Октябрь“ 17 г. Ростов на Дону, 1921, стр. 42).

Если в Ростове Советской власти грозила опасность со стороны распоясавшейся мелко-буржуазной стихии, прикрывшейся революционной фразой, то в казачьей станице, вместе с переломом настроения среди казачьих масс, начался ряд восстаний. Этим воспользовались казачьи верхи, бросившие в казачьи массы лозунг „Долой Красную гвардию“.

Об этом переломе в настроении фронтового казачества наиболее ярко говорит измена войскового старшины Голубова, ловившего в свое время Каледина, боровшегося за Советскую власть на Дону, разогнав-

шего 12-25 февраля Донской Войсковой Круг и закончившего восстанием против Советской власти. После взятия Новочеркасска, Голубов отправился в Сальский округ для поимки бежавшего туда помощника войскового атамана, Митрофана Богаевского, который 4 марта был арестован.

Богаевский в своем воззвании, выпущенном 11 марта, призывал к прекращению борьбы: „Вы спросите,—писал он,—к чему же была борьба с большевиками“. „Я прямо и решительно отвечаю“: „Она была политической ошибкой и лишние жертвы с обеих сторон только вредили России“. (Дон. Изв., № 7. Дон. Архив.).

Возвратившись в Новочеркасск, вместе с арестованным **Богаевским**, Голубов занял анти-советскую позицию. Он организует собрание казачества, на котором **Богаевский** произнес 3-х часовую речь—и казаки, с которыми Голубов шел на защиту Советской власти, обещают „не выдавать“ **Богаевского**.

По словам Антонова-Овсеенко („Гражданская война“, том I, стр. 267) начало подготовки переворота Голубова относится к моменту назначения Саблиным комендантом Новочеркасска, Медведева, чем был обижен Голубов. О Голубове в своих воспоминаниях тов. Широких пишет, что еще в первых числах февраля, когда Голубов появился в **Александро-Грушевске**, он, принимая делегацию из ст. **Грушевской**, говорил: „Мы-ж—донцы и со своими кровными нечем нам драться и плохо будет нам, казакам, если займет (Новочеркасск. Н. Я.) первый **Мокроусов**, то от Новочеркасска, как от столицы Дона, останется одно воспоминание“. (Мат. С.-К. Испарта).

Засадавший в это время первый съезд Советов Донской Советской республики потребовал приезда в Ростов Голубова, **Смирнова** и **Богаевского**, но они отказались. 27 марта—10 апреля против Новочеркасска были двинуты вооруженные отряды. Голубову удалось бежать, а **Богаевский** был захвачен. 7—20 мая Голубов был убит в ст. **Заплавской** по приговору станичного схода.

Опираясь на кулацкую часть казачества, контр-революция подымала Дон.

На местах в этот период контр-революционерами создавались „Советы Обороны“, которыми руководили белогвардейские офицеры. (В станице **Константиновской**—генерал **Краснов**, в **Раздорской**—генерал **Черячукин**, в **Богаевской**—полковник **Денисов**, в 2-м **Донском округе**—полковник **Мамонтов**, в станице **Урюпинской** прапорщик **Дудаков** и т. д.).

19 апреля в станице **Константиновской** на **Окружном съезде** казачьего и неказачьего населения 1-го **Донского округа** постановлено передать всю полноту власти по военным делам округа **окружному атаману** и создать чрезвычайный штаб обороны.

13 апреля—31 марта, под начальством полковника **Растегаева** возстала **Суворовская станица**. О переломе в казачьих массах говорит и то, что революционные 2, 10, 27 и 44 запасные казачьи полки в этой борьбе объявили нейтралитет.

В ночь на 1—14 апреля произошло восстание станиц **Кривянской Заплавской**, **Бессергеновской** и других, под начальство полковника **Фетисова**, которому удалось захватить **Новочеркасск**.

Во время Съезда Советов в Ростове шло разоружение партизанских отрядов, превратившихся в анархические банды и угрожавшие самому существованию Советской власти. Всюду кишели офицерские

контр-революционные организации. Мятельники, заняв **Новочеркасск**, где сорганизовался „Совет Обороны“ (командующим армией был назначен полковник **Поляков**), подошли было к окраине **Ростова**.

Что происходило в это время в **Новочеркасске**?

В заседании Съезда **Донских Советов** 14 апреля 1918 г. председатель **Ковалев** заявил, что **Новочеркасск** требует **Богаевского**, и если он будет убит, обещает расстрелять 1000 человек.

Съезд постановил послать **Фетисову** ультиматум.

Одновременно в **Ростове** выступили бандитские элементы.

В воззвании исполнительного комитета мы читаем:

„Сплотившиеся вокруг **Новочеркасской** контр-революции генералы овладели городом и вынудили советские войска отступить. Теперь эти негодяи ведут наступление на **Ростов**. А здесь в **Ростове** банды **этиганов**, прикрываясь именем анархистов, ложно называя себя революционерами, творят свое гнусное дело провокации. Тесная связь событий с походом **калединцев** несомненна. Когда в субботу вечером на **Большой Садовой** раздались первые выстрелы, повлекшие за собой жертвы, и когда вслед за этим некоторые отряды **красноармейцев** начали, несмотря на категорические запрещения исполнительного комитета, несмотря на несомненное наличие провокации, разоруживать милицию,— в это самое время наши отряды отступали из под **Новочеркасска**. Они требовали помощи, но им помощи не дали, ибо те, кто могли дать помощь, были заняты разоружением милиции. В ночь на воскресенье было решено покончить с бандитами, пришли рабочие, пришли представители **Советских революционных войск** и предложили свои услуги разделаться с теми, кто сознательно или бессознательно играет на руку контр-революции.

В воскресенье утром несколько десятков человек, в том числе ряд **главарей**, были арестованы, остальные, побросав оружие, разбежались“.

Против восставшего **Новочеркасска** были двинуты войска и рабочие **Ростова**. 17 апреля белые были оттуда выбиты, еще ранее 1—14 апреля **Богаевский** был расстрелян.

Заседания съезда были прерваны.

1—14 апреля съезд избрал исполнительный комитет, куда вошли: от большевиков 26 человек (**Ковалев**, **Дорошев**, **Сырцов**, **Александров**, **Ермилов**, **Власов**, **Орджоникидзе**, **Ермилов М**, **Креушов**, **Турло**, **Бродский**, **Изварин**, **Ксендз**, **Федорцев**, **Лагутин**, **Крылов**, **Башкевич**, **Фролов**, **Жук**, **Богуславский**, **Кудинов**, **Краснолюбов**, **Ларин**, **Кизгила**, **Безруков**, **Болотин** и др.), от левых эсеров—24 человека (**Подтелков**, **Кривошейка**, **Иванов**, **Комков**, и друг.). В президиум были избраны: **Ковалев**, **Орджоникидзе** и **Александров** (большевики), **Дмитриев** и **Комков** (левые эсеры).

Весь период существования Советской власти на **Дону** прошел под знаком контр-революционных восстаний, подкапывавшихся порой к самому **Ростову**. **Гражданская война** не затихала ни на один момент. Несмотря, однако, на неблагоприятные условия, в **Донской Советской республике** намечалось советское и хозяйственное строительство. На **буржуазию Ростова** была наложена контрибуция в 10.000.000 рублей, на **буржуазию Новочеркасска** в 5 000.000 рублей. Были национализированы банки, сейфы и конфискованы ценности **ростовского государственного банка**, выпущено на 400.000.000 рублей кредитных билетов по десять рублей.

В отношении снабжения населения были понижены на 50% цены на мануфактуру, введен классовый паек (1/2 ф. и 1/4 ф. в день хлеба). Была уничтожена городская дума (27 февраля—12 марта), недвижимости были муниципализованы, взято на учет продовольствие и земля в станицах и селах, введен рабочий контроль, некоторые предприятия национализированы, введен 8-ми часовой рабочий день. 26 февраля—11 марта введен декрет о гражданском браке, банк, суд и все старые правительственные учреждения были упразднены и т. д. По области созывались с'езды, была выработана инструкция по созданию Советской власти на местах.

2-го апреля Подтелков сделал попытку мобилизовать казаков переписи 1916 года и для военного обучения—переписи 1917—18 года.

Наконец, 23-го апреля Ростово-Нахичеванский Совет Рабочих Депутатов и фабрично-заводские комитеты постановили: г. Ростов и Нахичевань объявить трудовой коммуной.

Но Ростово-Нахичеванская коммуна просуществовала только 15 дней.

Еще 1² апреля был образован, во главе с Орджоникидзе. Чрезвычайный комиссариат южного района, объединяющий деятельность Крыма, Донской и Терской областей, Черноморской губ., Черноморского флота и всего Северного Кавказа до Баку. Целью комиссариата являлось проведение директив центральной Советской власти, борьба с буржуазной контр-революцией, упрочение Советской власти и поддержание прямой связи областей с Совнаркомом. („Рев. знамя“ № 9, 14 апр. 1918 г.).

На Кубани, в Екатеринодаре, Советская власть просуществовала несколько дольше, чем на Дону,—почти пять месяцев: с 1—14 марта по 16-е августа 1918 года, когда Екатеринодар был занят Добровольческой армией. Здесь точно также провозглашение Советской власти явилось результатом ожесточенной гражданской войны, что не могло не отразиться на структуре Советской власти и общей обстановке.

Как было указано выше, 1-й Областной С'езд Советов состоялся на Кубани еще за долго до взятия Екатеринодара 2—15 февраля в Армавире, куда собрались делегаты, не допущенные войсковым правительством на с'езд Народных Депутатов в Екатеринодар. Этот С'езд объявил Войсковое правительство вне закона и избрал 1-й Областной Совет и Центральный Исполнительный Комитет, который занялся организационной работой и формировал отряды Красной гвардии и т. д.

После взятия Екатеринодара был организован Военно-Революционный Комитет, сконструированный из представителей Екатеринодарского Ревкома, Юго-Восточной армии и Крымского Ревкома. Впоследствии в Ревком вошли представители горисполкома. Представителем Ревкома был избран Автономов (командующий армией), товарищами председателя—Кравченко и Ивницкий, секретарями—Бакулин и Старцев.

Фактически власть была сосредоточена в руках главкома Автонома и назначенного им начальника гарнизона Золоторева.

Так, 21 марта приказом по Екатеринодарскому гарнизону за подписью Золоторева были назначены:

1) комиссаром по охране покинутых частных и общественных имуществ назначается г. Руденко, 2) комиссаром сов. нар. хо. — М. К. Марочкин, 3) комиссаром по нар. образов.—Е. М. Полуян, 4) комиссаром юстиции при дворце—К. Н. Старцев, 5) тов. комиссара юстиции при дворце—Трушин, 6) комиссаром финансов—Дунин, 7) комиссаром

печати—Лосев, 8) комиссаром общественного здоровья—Волощук-Тимофеева, помощником нач. гарнизона—Симоненко. („Известия“ № 7 24 марта 1918 г.).

Такое положение вещей в дальнейшем привело к безответственности Автонома и Золоторева и попыткам установления военной диктатуры.

На 1 (14) апреля был созван 2-й С'езд Народных Советов Кубанской области. На с'езд прибыло 591 делегат, подавляющее большинство которых составляли большевики, остальные частью принадлежали к левым эсерам, частью—к анархистам и беспартийным. По вопросу о политическом моменте с'ездом, вопреки предложению левых эсеров, выступавших против Брестского мира, была принята резолюция большевиков; за резолюцию было подано 422 голоса против—63, воздержалось 83.

С'езд провозгласил Кубанскую область Советской республикой и избрал Кубанский Областной Исполнительный Центральный комитет и Совет Народных Комиссаров.

В Совет Народных Комиссаров были избраны представители большевиков и левых эсеров: продовольствия—т. Коробкин, военный—т. Швец, народного хозяйства—т. Марочкин, земельный—т. Вилямовский труда—Ивницкий, печати—Ташиев, вн. дел—Ян Полуян, финансов—Дунин, просвещения—Е. Полуян, юстиции—Выгриянов, путей сообщения—Сорокин, призрения—Озеров, врач.—санит.—Гуменный, почт и телеграфа—Жаров, по нац. делам—Шовгенов. (Общее дело Куб. Истпарта № 58. Протокол Областного комитета, стр. 20—21).

В президиум Центрального Областного Исполнительного комитета оказались избранными: председатель—Полуян (Ян), товарищи председателя—Гайченец и Скворцов, секретарями—Корнилов и Вл. Черный.

С'езд принял также закон о земле. „2-й Кубанский Областной С'езд Советов,—читаем мы в постановлении с'езда,—главным образом, руководствуясь теми законодательными актами, какие были изданы до сего времени властью Российской Федеративной Республики, как-то: декретами о земле, инструкциями земельным комитетам и, наконец, основным законом о национализации земли на точке зрения означенных актов, в целях оправдательного распоряжения землей и инвентарем и упорядочения отношений земледельческого населения декрет устанавливает следующие основные положения:

„а) Общее ведение и распоряжение всеми без исключения национализированными землями, лесами, водами и пр. и пр. угодьями всей Кубанской области принадлежит областной народной Советской власти.

б) Заведывание и распоряжение земельными угодьями, входящими в пределы какого-либо населенного пункта (города, станицы, хутора) их юртов и дач, а также распоряжение и наблюдение за сельскохозяйственным живым и мертвым инвентарем и вообще урегулирование и упорядочение отношений между всеми желающими трудиться и трудящимися на землях Кубанской области принадлежит местным советам и земельным отделам при них“. („Известия“ № 29 19 апреля 1918 г. Куб. Истпарт).

Декретом уничтожалась арендная плата и наемный труд. Надевать землей декрет рекомендовал прежде всего группы беднейшего населения, объединенного в коммуны и товарищества. Необрабатываемые дополнительные наделы должны были, по декрету, распределяться среди беднейшего населения соседних станиц, аулов и сел.

Из этого декрета вытекло, во-первых, уничтожение самого понятия о „войсковой“ земле, во-вторых, беднейшее иногородное население получило землю, в третьих, по кулацкому хозяйству, т. е. по основной группе казачьих хозяйств ударяло к тому же запрещение наемного труда и уничтожение арендной платы. Основную массу иногородного населения—арендаторов и батраков—декрет противопоставлял основной массе казачества—зажиточной и кулацкой.

К этому времени Добровольческая армия, отступившая из Ростова на Кубань (часть Добровольческой армии отступила из Ростова под начальством Попова и Семилетова в Сальский округ, Донской области) в составе 3500 человек, при 10 орудиях, объединился 27 марта, близ станицы Калужской, в ауле Шанжий, с отрядом, бежавшей из Екатеринодара Кубанской Рады, под командой Покровского. Блуждая по донским, ставропольским и кубанским степям, Добровольческая армия находилась в крайне тяжелом положении. По словам Эрдели, одного из сподвижников Деникина, у вождей Добровольческой армии была даже мысль о продвижении на Черноморское побережье с целью самоликвидации. (Рукопись Эрдели).

О тяжелом положении Добровольческой армии говорит в своих неопубликованных записках и Слащев, свидетельствующий о том, что Добровольческая армия решила укрыться в киргизских степях. (Рукопись Слащева).

Насчитывая в своих рядах, после соединения с отрядом Кубанской Рады, 8—9 тысяч человек Добровольческая армия, под начальством генерала Корнилова, повела наступление на Екатеринодар. 10-го апреля, в дни 2-го Съезда Советов, добровольцы подступили к Екатеринодару. Дни осады были днями величайшего подъема масс. Не только рабочие Екатеринодара, но просто обыватели с оружием в руках защищали город. Делегаты съезда днем сидели в окопах, а ночью засадили. Войсками командовал Автономов, избранный в главкомы 2-м Съездом Советов. Рабочие и их семьи проявили в эти дни исключительный энтузиазм. По словам Ладохы, отцы и мужья защищали город от белых, а женщины и дети разносили по окопам патроны.

Екатеринодар был нужен белым во что бы то ни стало, как необходимая база. Бригаде белых, под командой генерала Богаевского, и офицерскому полку Маркова даже удалось ворваться в Екатеринодар ночью с 10 на 11 апреля, но, несмотря на большую организованность белых, их отличную боеспособность, плохо обученная, но горевшая энтузиазмом рабочая масса выгнала их из города. С обеих сторон были большие потери. Белые потеряли более 1000 человек, красные—более 2000 человек. 13-го апреля на ферме близ Екатеринодара, между Екатеринодаром и ст. Елизаветинской, разорвавшимся снарядом был убит генерал Корнилов.

Деморализованные белогвардейские отряды, под командой генерала Деникина, вынуждены были отступить и двинулись к границам Донской области. Добровольческая армия была отбита, но не уничтожена.

13 апреля было опубликовано приветствие 2-го Кубанского Областного Съезда Советов революционным войскам, женщинам-работницам и всем принявшим активное участие в обороне г. Екатеринодара.

Приводим это воззвание:

„Товарищи! Областной Съезд Советов и Обл. Исполнительный комитет, избранный съездом, как высшая власть в Кубанской Советской республике, организовавшая волею угнетенных трудящихся масс—шлет вам горячий привет.

Солдаты красной рабоче-крестьянской армии!

Вам, не щадя собственной жизни, от имени угнетаемого народа Кубанской республики от имени рабочих всего мира.

Мы, представители Советской власти, говорим вам—спасибо. Товарищи, знайте, не забудется то, что вы сделали.

Огненными буквами начертаны будут на страницах истории ваши битвы с врагами освободившегося человечества.

И близок день, когда миллионы освобожденных от ига капитала скажут вам свое громкое братское спасибо.

Мы же, свидетели и участники ваших страданий, приложим все усилия к тому, чтобы вознаградить вас за понесенные труды и главное утереть слезы тем, кто в этих битвах утерел отцов, братьев, мужей сестер и жен.

Женщины-труженицы, мы восторгаемся вашей доблестью.

Вы доказали пред всем миром, что вы неприлично одетые и плохо воспитанные выше умом и сердцем против одетых в шелка и бархат и получивших высшее светское воспитание.

Слава вам. Слава павшим. Живые—к новым битвам и победам ради угнетенных с угнетателями.

Да здравствует Красная Социалистическая армия!

Да здравствует социализм!“ („Известия“ № 28, 18 апреля 1918 г.).

И в Екатеринодаре, точно так же, как в Ростове, было недостаточно организаторских сил для обуздания мелко-буржуазной стихии, а подчас преступников и авантюристов, примазавшихся к власти. Волею всяческих случайностей начальником гарнизона Екатеринодара оказался Золотарев, авантюрист и преступник. В городе свирепствовали грабежи и расстрелы, среди военных отрядов занявших город,—пьянство и деморализация. Екатеринодарские „Известия“ от 7—20 апреля в передовой: „Вместо власти Советов—власть узурпаторов“ писали: „Мы оказались отнесенными на задний план кучкой демагогов и узурпаторов, опирающихся на штыки, а не на сознание... Необходимо немедленно, сейчас же по мобилизации всех сил, которые еще с нами, необходимо объявление не подпольной, не козвенной войны с узурпаторами, демагогами и другими аферистами. Нам необходимо стать на путь решительной и открытой борьбы с кучкой зазнавшихся господ и ликвидировать создавшееся положение“... Против действий Золотарева протестовала партийная организация, выпустившая воззвание, и заседавший в то время фронтовой съезд. Но командующий армией Сорокин, впоследствии запятнавший себя тяжчайшим преступлением, в экстренном выпуске „Известий“ выступил с обвинением против представителей Советской власти.

В открытом письме Сорокину в № 34 „Известий“ за подписью солдата Григория Сачко напечатано:

„Присмотритесь, что делают главоверхи. Спросите у них, за что вы наливаете свои преступные души шампанским, так дорого платя за таковое.

Товарищи фронтовики! Ваши жены, отцы и дети голодают. Убитых товарищей семьи уже голодают, а им помощи нет, они обливаются слезами по своим головам семейных отцов, а преступный коноград Золотарев со своими приспешниками наполняет карманы золотом и носится „наурскую“ тогда, когда вся страна от кошмара гражданской войны не находит у себя в избушке места. Вся страна стонет, а зазнавшиеся во власти до хрипоты орут: „Айля-аля-ляй-ля!“ (Матер. С.-К. Испарта).

Хотя Золотарев со своими сподвижниками был расстрелян, но его

действия в глазах широких масс населения дискредитировали Советскую власть.

На ту же неорганизованность и партизанщину указывает и авантюра главкома Автономова.

В статье „Автономовщина,“ напечатанной в „Известиях Кубан. Исп. Ком.“ 24 мая 1918 г., мы читаем об Автономове: „С некоторых пор он начал проявлять себя неограниченным диктатором, отчета в своих действиях никому не дает, самолично принимал самые важные решения. Свои приемы и поездки он обставил не иначе, как царской пышностью, переезжая с места на место особым поездом с большой свитой и целым штатом прислуги“ и т. д.

Еще в марте он намекал на возможность военной диктатуры, но повоем послужила организация Чрезвычайного Штаба Оборона (12 мая), к которому перешло руководство обороной. В Чрезвычайный Штаб были избраны Иванов, Гуменный, Выгриянов, Ивницкий, Дунин, Кудрявцев, кандидатами: Коробкин и Яков Полуян и один кандидат от фронтового съезда, при чем функции чрезвычайной комиссии по борьбе с контр-революцией были переданы Чрезвычайному Штабу. В виду отрицательного отношения главкома Автономова к организации Чрезвычайного Штаба главкомом был назначен Снесарев. Автономов сначала подчинился этому решению, но потом, уехав в Тихорецкую и предъявил Центральному Исполнительному комитету ультиматум с рядом требований (арест председателя Чрезвычайного Штаба Иванова, оставление в городе только необходимого гарнизона, а также разграничение функций исполнительного комитета, Чрезвычайного Штаба, командующего и др. В случае неисполнения этих требований, Автономов угрожал занять Екатеринодар „для наведения в нем истинно-революционного порядка“.

В ночь на 21 мая (3 июня) Дербентским полком в Екатеринодаре, по распоряжению Автономова был оцеплен Чрезвычайный Штаб. Все находившиеся там члены ЦИК'а были разоружены и арестованы. Члену Чрезвычайного Штаба Турецкому Автономов заявил, что он „не подчиняется разным проходимцам.“

Партия мобилизовала все свои силы, и воинские части Екатеринодара приняли резолюцию о полном доверии Советской власти. 27-го мая Автономов созвал в Кушевке фронтовой съезд, который поддержал его требование об упразднении Чрезвычайного Штаба и утверждении Автономова главнокомандующим. Эту авантюру точно также поддержал Сорокин. В настоящее время выясняется, что авантюра Автономова имела политическую подкладку, а не являлась только протестом обиженного „главковерха.“ По воспоминаниям меньшевика Балкевича, Автономов предлагал Екатеринодарским меньшевикам союз против большевиков. (Мат. С.-К. Истпарта).

Вместе с тем находящиеся в нашем распоряжении воспоминания Слащева бросают свет на эту авантюру с другой стороны.

В конце апреля Автономов обратился к Слащеву и Шкуро с призывом к борьбе с немцами: „теперь не может быть ни красных, ни белых, а может быть только армия спасения родины,“—говорил он на одном митинге. Слащеву же было поручено составление плана обороны. Слащев предлагал сосредоточить войска к северу от Тихорецкой, в районе Кагальницкая, Кушевская, Уманская с тылом на Царицын. Направления же Екатеринодарское и Минераловодское должны были, по плану Слащева, прикрываться партизанскими отрядами, которые организовал Шкуро. План был рассмотрен в поездке Автоно-

мова в Кисловодске, в присутствии Буачидзе.

Обычно авантюра Автономова в воспоминаниях участников событий того времени рассматривается как авантюра, лешенная политической окраски, но эти факты дают событиям несколько иное освещение. Борьба с большевиками на Кубани (ультиматум Автономова), попытка соглашения с меньшевиками и соглашение со Слащевым и Шкуро под лозунгом создания „Армии спасения родины,“ заставляет предполагать здесь нечто большее, чем авантюру. Шкуро был арестован, но впоследствии освобожден, Слащеву удалось скрыться. Оба они были наиболее непримиримыми врагами Советской власти (Слащев, как известно, раскаялся и помилован, а Шкуро бежал за границу).

5 июня состоялось слияние Кубанской и Черноморской республик. Председателем совета народных комиссаров был избран—Рубин, внутренних дел Полуян Яков, финансов—Тимченко, земледелия—Вишнякова, юстиции—Выгриянов, труда—Самарский, народного просвещения Елена Полуян, путей сообщения—Соркин, почты и телеграфа—Жаров, призрения—Озеров, врачебно-санитарного отдела—Манохов, военного—Толмачев, народного хозяйства—Волошин, национальных дел—Балис.

Главным образом, для ликвидации авантюры Автономова был созван 28-го мая (10 июня) 3-й чрезвычайный съезд Советов Кубано-Черноморской области, на котором присутствовало более 800 чел. (Ладоха.—„Оч. гражд. борьбы на Кубани“, стр. 94).

Съезд выразил доверие Центральному Исполнительному комитету, подтвердил постановление об отстранении Автономова, избрав главнокомандующим Калнина. На этом съезде присутствовал чрезвычайный комиссар Северного Кавказа т. Орджоникидзе, который содействовал улажению конфликта. Автономов был отозван в Москву и впоследствии погиб в борьбе за Советскую власть.

В постановлении съезда говорится: „Съезд выражает ЦИК полное доверие и одобрение за ту осторожность с какой ему удалось разрешить тяжкий конфликт с Автономовым, отказавшимся подчиниться Советской власти.“

...Съезд выражает свое одобрение ЦИК, сумевшему, несмотря на то, что он был кощунственно лишен свободы на несколько минут с сохранением самообладания и такта предотвратить кровавое столкновение“.

В исполнительный комитет были избраны большевики: Гайченец, Кудрявцев, Яков Полуян, Черный, Силичев, Островская, Красников, Борисенко, Ивницкий, Марочкин, Соркин, Рубин, Цыбучини, Швец, Гришин, Цей, Тимченко, Колошин, Усагин, Момахин, Термичи, Окуллов, Минаков, Ковалев, Зорька, Зозуля, Кравченко; левые эсеры: Лехно, Ковалев, Выгриянов, Вильямовский, Корнилов, Сердюк, Озеров, Жаров, Рылло, Абитов.

На этом же съезде было постановлено созвать Северо-Кавказский Съезд Советов из представителей Кубани, Черноморья, Терека и Ставропольской губернии.

В это время на Кубано-Черноморскую республику надвигалась опасность со стороны немцев, которые вступили в Крым и продвигались на Дон.

Опасность со стороны немецких войск заставила приняться за создание соответствующей армии. Еще 1-го мая в Новороссийске состоялось военное совещание, на котором было решено перейти на фронтную войну и объединить все отряды в боевые колонны, что и

было проведено в жизнь. Кубанская армия была разбита на 10 стрелковых колонн (по 8—10 полков в каждой), оружие решено было добывать из Трапезунда от Кавказской армии. В начале мая Кубанская армия, по декрету из центра, реорганизовалась в Красную армию. В нее влились части Красной армии, эвакуировавшиеся в Новороссийск из Крыма.

7—20 мая Чрезвычайный Штаб Обороны объявил мобилизацию по всей Кубани всех родившихся в 1893, 1894, 1895 и 1896 годах.

В мае образовался фронт под Ростовом, против немцев, требовавший больших сил, одновременно на Кубани появилось несколько внутренних „фронтов“ против ушедших в горы казаков, не подчинившихся декрету о мобилизации.

Серьезность положения осложнялась углублением хозяйственного кризиса. Продолжался развал хозяйства, обострялся продовольственный кризис, деревня чувствовала остро товарный голод, к тому же отсутствовали финансы. С первых же дней своего существования Советская власть на Кубани столкнулась с финансовыми вопросами и вступила на путь обложения буржуазии. 13-26 марта, по приказу Военно-Революционного Комитета, буржуазии было предложено внести в трех-дневный срок 10 миллионов рублей (всего 25 миллионов рублей). В дальнейшем Центральный Исполнительный комитет прибегал к выпуску бон, сумма которых достигла 27 миллионов рублей. 12 го августа был опубликован декрет о предварительном акцизе на листовую табак для обеспечения выпускаемых ЦИК денежных знаков в сумме 210.000.000 руб., „в виду крайне затруднительного экономического положения Сев.-Кавказа, временно оторванного от центра“. („Известия“ № 91 от 3 июля 1918 г.).

В Армавире был даже устроен „монетный двор“, где чеканились медные деньги, при чем на чеканку пошла медь от котлов и другого оборудования винокуренного завода им. „Хуторок“. Сначала пробовали чеканить из чугуна, но первые экземпляры были настолько некрасивы, что от чеканки чугунных денег отказались. Решено было чеканить деньги из красной меди в 1,3 и 5 рублей. На деньгах был изображен орел, но только не двуглавый, и деньги охотно принимались населением. Всего было решено выпустить денег на 100 тыс. руб. Предполагалась также чеканка серебряной и золотой монеты (Материалы Армавирского Истпарта).

Делались попытки наладить промышленность. В июне даже был созван съезд по народному хозяйству и избран совет народного хозяйства. Постановлением исполнительного комитета была национализирована лишь цементная промышленность и был введен контроль над производством. Хотя цементные заводы и работали, но сбыта не было. Наткнувшись на саботаж владельцев предприятий, Советская власть на Кубани не обладала достаточным опытом и силами, чтобы овладеть промышленностью.

Исключительное значение для Кубани имел вопрос о земле.

Во „временной инструкции переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли“ советам предлагалось немедленно выселить бывших помещиков, доверенных и нетрудовых арендаторов из имений и взять последние в свое ведение.

По вопросу об арендной плате декрет устанавливал, что уплаченная арендная плата возврату не подлежит, а невнесенная арендная плата не уплачивается. Арендную плату обязаны внести только те, кто арендовал землю, с целью нетрудового пользования.

На местах иногородные приступили к захвату земель.

В отличие от остальной России, социализация земли на Кубани ударила не только по крупным земельным собственникам, но и по кулацкой части казачьего населения. Имело значение также и то, что офицерские земли, на которые претендовало казачество, были переданы иногородным.

На этой почве уже в первой половине мая возникли кулацкие восстания в станицах Староминской и Киевской, которые были подавлены вооруженной силой. В начале июня кулацкое восстание перекидывается в станицу Васюринскую, близ Екатеринодара, затем в станицу Григориполисскую. В июле возникают вспышки восстаний в Лабинском отделе, в станицах Рязанской, Старокорсунской и друг.

Вместе с тем, в самом Екатеринодаре меньшевики и эсеры, исключенные 1-го июля из Совета, ведут агитацию против Советской власти. После закрытия газеты союза печатников „Голос Труда“ и „Проблеск“ они организуют забастовку, продолжающуюся с 4 по 24 июля, с требованием Учредительного собрания, свободы печати и т. д. (Забастовка протекала под руководством эсеров Шевченко и Белоусова). Прекратилось печатание денег, благодаря чему рабочие были поставлены в тяжелое положение. Следует отметить, что лишь ничтожное меньшинство рабочих поддалось на удочку социал-соглашателей и съезд профессиональных союзов протестовал против забастовки.

Эта забастовка была ликвидирована 24 июля, соглашением между союзом печатников и Центральным Исполнительным комитетом.

Ко всему этому следует прибавить обострение взаимоотношений с черкесами. В марте—апреле 1918 года при Кубано-Черноморском Исполнительном комитете был организован комиссариат по делам горцев, который, однако, благодаря отсутствию работников, не сумел вырвать черкесское крестьянство из под влияния дворянства, толкавшего его в объятия Добровольческой армии и контр-революционного казачества. Участие черкесов, под начальством Султан-Гирея в Добровольческой армии повлекло за собой разоружение черкесских аулов и самочинные выступления местных отрядов против черкесов.

Поскольку во взаимоотношениях между кубанским казачеством и черкесами не стоял остро земельный вопрос, то старые раны, нанесенные черкесскому народу политикой царизма, здесь менее чувствовались, чем на Тереке. Черкесские феодалы, во главе с Султан-Гиреем, выступали от имени черкесского народа и от его имени заключили союз с казачеством.

В Майкопском отделе его отряд разрушил станицу Тенгинскую. В отместку красногвардейцы расправились с черкесскими отрядами. 19-го марта (1 апреля) красногвардейские отряды, под руководством Филипповского военно-революционного комитета, не дождавшись добровольной сдачи белогвардейского отряда Каплан Гирея, обстреляли аул Габукай. Жители Габукай разбежались. В тот же день был занят 1 и 2 Нешукай, Кончукохабль и Джиджихабль (Дело Истпарта АЧАО № 2).

Что касается карачаевцев, то 21 марта (3 апреля) в Армавире на заседании Куб. Областного Исполнительного комитета представитель горцев Баталпашинского отдела заявил, что „горцы признали Советскую власть и выражают доверие Кубанскому Областному Исполнительному комитету“.

Необходимо отметить еще многовластие и чрезвычайную слабость связи центра с местами.

К несогласованности между военной и гражданской властью примешивалась борьба местных властей между собой.

Так, 18—31 марта Кубанский исполком обсуждал вопрос о „диктаторских“ наклонностях Армавирского совета, который игнорировал Областной комитет и вмешивания в его работу пытаясь ревизовать Областной исполком и даже произвести арест президиума Областного Исполнительного комитета. В результате было постановлено: „призвать несколько революционных частей в Армавир для установления порядка“. (Общее дело Куб. Истпарта № 58, прот. № 19, стр. 25).

„Власть на местах“ понималась порой весьма своеобразно. Вот, например, характеристика „Советской власти“ в хуторе Романовском.

„Действия его (Романовского Ревкома) в целом носили преступный характер, как например: все грузы, какие бы они ни были и чьи бы они не были, без исключения, и в чей бы адрес таковые не отправлялись, проходящие через ст. Кавказскую,—все таковые задерживались конфисковались и тут же немедленно передавались в общественные лавки, на рынок, где продавались населению, и в большинстве случаев разбирались „кому не лень“ и задаром. Тут тебе мануфактура, сахар, рыба и всевозможные товары. Мало этого, на ст. Кавказской, по распоряжению Ревкома, задерживались даже драгоценности, оружие и огнестрельные припасы с каким бы мандатом они не следовали. Все это шло также в какую то бездонную пропасть.“

На трибуне во время общего собрания граждан хут. Романовского появляется т. Голубь (председатель), который с трибуны никогда ничего дельного, ни с какой точки зрения, не сказал, кроме как: Шож вы довольны Советской властью? Довольны вы Ревкомом? Кто вам сахарю дав?—Голубь. Кто вам мануфактуру дав?—Голубь. Кто вам ковору дав?—Голубь“ (Сб. „Октябрь на Кубани“, стр. 67—78).

В конце концов оба они были вызваны областной властью в Екатеринодар, при чем Голубь скрылся, а Никитенко был при побеге убит.

Эти бесчинства и преступления немало содействовали тому, что казачество восстало против Советской власти.

Но масса рождала новых вождей и организаторов. Рассказ фронтовика Дровяникова об организации Советской власти в Царско-Дарской (крестьянской) волости, Майкопского отдела, свидетельствует о высоком подьеме и организованности крестьянства.

... „Приняв дела и имущество от бывш. старшины Павленко—пишет Дровяников,—я сейчас же освободил здание школы (пустовавшее) организовал небольшой отряд красной гвардии из сознательных фронтовиков и перевел их на казарменное положение. С возникновением отряда нужно было немедленно озаботиться об экономической базе, на сей счет я созвал экстренное заседание Совета и вызвал всех зажиточных хлеборобов и умело с'агитировал их, предложил добровольно пожертвовать, в результате,—сотни пудов табаку и тысячу пудов хлеба, картофеля, солений и жиров. Жизнь забила ключем. Военщина хорошо налажена, по ночам тишь и гладь, везде выставлены караулы, патрули, но и этого мало, нужно было готовиться к решительной схватке. Нужна была организованная медицинская помощь. Для этой цели я муниципализировал дом бывшего попа, как вполне пригодный ко всем требованиям медицины под больницу и открыл больницу на 70 коек“. (Сб. „Октябрь на Кубани“). Так рождались строители и организаторы.

Характерна для Кубани организация батрацких Советов, о которых упоминает тот же тов. Дровяников, на ряду с советами, построенными на принципе сословного представительства—от казаков и иногородных. „Паритет“ явился первым шагом от казачьего самоупра-

вления к Советской власти в Лабинском отделе, где на паритетных началах был созван 1-й С'езд Советов—110 от казаков и 110 от иногородных, именовавшийся „Бессловным С'ездом Народных Депутатов“.

Советское строительство на Кубани протекало под знаком непрерывной гражданской войны. По существу фронт существовал в каждой станице, где казачество и иногородные стояли друг против друга лицом к лицу, при чем казачество об'единялось не столько общностью экономических интересов, но также общностью традиций и бытового уклада. Борьба разбилась на десятки мелких стычек, фронты то появлялись, то исчезали, возникали штабы и армии, распадаясь, чтобы вновь возникнуть, когда это будет необходимо.

Между тем Добровольческая армия, под командой Деникина оправившись на границах Донской области, снова наступала на Кубань. На Таманском полуострове высадились немцы (58 Берлинский полк), поддерживая вспыхнувшее кулацкое восстание, а по Черноморскому побережью продвигались с юга грузинские войска. 28-го белые повели наступление на Тихорецкую, угрожая разрывом связи с Царицыном и создавая угрозу для Екатеринодара.

5—18 июля в Екатеринодаре открылся 1-й Северо-Кавказский С'езд Советов. 1-й Северо-Кавказский С'езд Советов знаменует переход революции на Северном Кавказе в новую фазу: от мелко-буржуазной демократии, бессловных и „паритетных“ „Народных советов“ к диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства. Он дал новую уставку всей последующей деятельности Советской власти.

На С'езде большинством 230 против 131 при 4-х воздержавшихся принята следующая резолюция, предложенная большевиками:

„Первый Северо-Кавказский С'езд Советов Народных Депутатов полагает, что задачами Советской власти в переживаемый этап революции является:

1. Создание боеспособной армии, сильной своей дисциплиной и революционным сознанием и способной оборонять Северный Кавказ от посягательства иноземного и российского империализма. Оборону Северного Кавказа от всех врагов Советской власти, С'езд считает самой главной задачей трудовых масс Кавказа.

2. Самая беспощадная борьба с контр-революцией и предательскими партиями меньшевиков и правых с.-р.

3. Неустанная работа по раз'яснению рабоче-крестьянской бедноте живых заверений буржуазно-предательских партий об учредительном собрании, как о единственном выходе из создавшегося положения. Раз'яснения массам сущности Советской власти и той опасности, какой грозит им при ее падении.

4. Организация крестьянской, казачьей и горской бедноты для борьбы с кулацкими элементами крестьянства и казачества.

5. Констатируя недостаточную активную деятельность Советской власти в городах и особенно в станицах, деревнях и аулах, С'езд считает безусловно необходимым проведение последовательной социализации земли, национализации, контроля, борьбы со спекуляцией, в области разрешения жилищного вопроса и др. социальных мероприятий. 1-й С'езд полагает, что необходимо, прежде всего, и главным образом, сохранить устойчивое положение власти в центре и, зная, что там, на севере, положение Советской власти может пошатнуться только благодаря отсутствию хлеба, постановляет: „принять все меры для оказания нашей помощи товарищам на севере усиленной доставкой хлеба и охраной железных дорог, ведущих в северную Россию“. (Мат. СК Истпарта).

На этом С'езде была организована Северо-Кавказская республика, с центром в Екатеринодаре, в состав которой вошли: Черноморье, Кубань, Ставропольская губерния и Терек.

По докладу Орджоникидзе об объединении всех областей Северного Кавказа в единую Северо-Кавказскую республику, принято единогласно, при 4 воздержавшихся, постановление следующего содержания:

4. „...Для достижения окончательной победы над буржуазией и окончательного укрепления завоеваний социалистической революции и Советской власти и для организации успешной совместной борьбы с надвигающимися на Северный Кавказ бандами германских, турецких, грузинских и донских контр-революционеров, необходимо самое тесное объединение всех советских республик между собой и самая тесная связь их с центром.

5. Первый Северо-Кавказский С'езд Советов Народных Депутатов постановляет: Кубано-Черноморская, Терская и Ставропольская республики отныне объединяются в единую Северо-Кавказскую Советскую республику—часть Великой Российской Советской Социалистической Федеративной Республики.

С'езд поручает ЦИК республики немедленно снаести с Терским Народным Советом о присылке им своих представителей в ЦИК.

С'езд выражает уверенность, что в самом ближайшем будущем восставший трудовой народ Дона и Закавказья свергнет иго своих поработителей и тогда республика Северного Кавказа сольется со своими соседями в единую Южно-Русскую Социалистическую республику“. („Известия“ №№ 91, 92 от 30/31 июня 1918 г.).

В Центральный Исполнительный Комитет были избраны от фракции большевиков: Рубин, Полуян Яков, Красников, Швец, Монахов, Силичев, Волошин, Райчинский, Сорокин, Керимитчи, Кудрявцев, Усагин, Окулов, Зорька, Темченко, Гришин, Тарасенко, Самарский, Какунько, Крайний, Шипулин, Еремия, Мальцев, Турецкий, Рожанский, Фарафонов, Дунаевский, Тернуков, Шишко, Бережной, Старцев, Ачкасов, Михайлов, Сафрай, Гладков, Мачулин, Бакулин, Чуваев, Соколов, Борисов, Бухун, Холия, Шили, Меркулов; от фронтовиков: Иваненко, от фракции левых с.-р.: Балис, Лехно, Козлов, Видьковский. Онипко, Жаров, Сердюк, Рыло, Шерстнев, Корнилов, Озеров, Быгриянов, Голиков, Лунин, Тищенко и др. („Известия“, № 91, 30 июля 1918 г.).

Председателем Исполнительного Комитета был избран Рубин.

Около того времени в Екатеринодаре состоялся 1-й Северо-Кавказский с'езд Коммунистической партии (большевиков), который закончил свои работы 3—16 июля 1918 года.

На этом с'езде обсуждался вопрос о текущем моменте, доклады с мест. (Были заслушаны доклады около 20 организаций).

„Во всех докладах красной нитью сквозило,—читаем мы в отчете,— с одной стороны, громадное влияние партии в Советах и в то же время падение партийной работы в настоящее время. Все ораторы жаловались на недостаток работников, благодаря чему затруднительно вести работу одновременно и в партии и в Совете“.

Тов. Равикович указал на „падение партийной дисциплины, выражающемся в конфликтах между советскими фракциями и работниками советов, с одной стороны, и партийными комитетами, с другой стороны. Докладчик указывал на необходимость очищения партии от примазавшихся личностей и другого нежелательного элемента“.

В виду отсутствия делегатов из Терской области, Краевой Комитет объединял только Кубано-Черноморскую республику и Ставрополь-

скую. В комитет были избраны 9 членов и 3 кандидата. („Известия“, № 88, 26 июля 1918 г. Матер. Куб. Истпарта).

Однако, создание Северо-Кавказской республики, которая должна была спаять рабочих, казаков, крестьян и горцев Северного Кавказа, в силу создавшихся условий, в то время не могло воплотиться в жизнь. 18-го июля Добровольческая армия заняла ст. Тихорецкую, чем была предreshена судьба Екатеринодара и всего Северного Кавказа. 16-го августа пал под ударами Добровольческой армии Екатеринодар.

В описанный выше период существования Советской Республики на Дону и на Кубани произошла лишь перегруппировка сил в условиях непрекращающейся гражданской войны. В свержении „атаманов и офицеров“ уставшее от войны фронтовое казачество видело завершение революции. Традиции прошлого взяли верх над усталостью от войны, выдохлась привезенная с фронта неопределенная революционность: старики победили молодежь. Казачество сначала остановилось на распутье, потом отвернулось от пролетарской революции, от большевиков-„иногородних“ и, наконец, поднялось против „иногородной“ революции. Совершилось то, на что надеялся генерал Алексеев: казачество поднялось против большевиков. Важнейшая предпосылка для формирования всероссийской контр-революции на юге России была создана.

На Тереке власть Совнаркома была признана 2-й сессией С'езда Трудовых Народов Терской области 4—17 марта 1918 г.

Чтобы была понятна постановка национального вопроса в этот период, приведем выдержку из статьи Сталина, в то время Наркома по делам национальностей: „Одна из очередных задач“, взятую нами из „Донских известий“ от 8—21 апреля 1918 г.

„Власть в центре уже стала действительно народной, выросшей из недр трудовых масс, в том сила и могущество Советской власти,— пишет он.—Техники и инженеры, служащие и вообще люди специальных знаний, которые вчера еще саботировали власть, а сегодня готовы к услугам.

Но на окраинах, населенных отсталыми в культурном отношении элементами, Советская власть еще не успела стать в такой степени народной. Революция, начатая в центре, распространялась на окраины, особенно на восточные, с некоторым запозданием.

Бытовые и языковые условия этих окраин, отличающихся потому экономической отсталостью, несколько усложнили дело укрепления Советской власти.

Для того, чтобы власть там стала народной, а трудовые массы социалистическими, необходимы, между прочим, специальные способы вовлечения трудящихся и эксплуатируемых масс этих окраин в процесс революционного развития. Необходимо поднять массы до Советской власти, а их лучших представителей—слить с последней. Но это невозможно без автономии этих окраин, т. е. без организации местной школы, местного суда, местной администрации, местных органов власти, местных общественно-политических и просветительных учреждений, с гарантией полноты прав местного, родного для трудовых масс края, языка во всех сферах общественно-политической работы.

В этих видах и провозгласил Третий С'езд Советов Федеративный строй Российской Советской Республики.

Автономно-буржуазные группы в ноябре и декабре прошлого года в окраинах поволжских татар, башкир, киргиз, Туркестанского края, постепенно разоблачаются ходом революции. Для того, чтобы

окончательно оторвать от них их же собственные массы и сплотить последние вокруг Советов, необходимо взять у них автономию, предварительно очистив ее от буржуазной скверны, и превратить ее из буржуазной в советскую.

Буржуазно-националистические группы требуют автономии для того, чтобы превратить ее в орудие закабаления „своих собственных масс“, именно поэтому „признавая центральную Советскую власть“, они вместе с тем не хотят признать местных Советов; требуя невмешательства в их внутренние дела. Некоторые Советы на местах решили в виду этого отвергнуть совершенно всякую автономию, предпочитая „разрешение“ национального вопроса путем оружия. Но этот путь совершенно непригоден для Советской власти. Не отрицание автономии, но признание ее является очередной задачей Советской власти. Необходимо только автономию эту построить на базе Советов на местах. Только таким путем может стать власть народной и родной для масс, т. е. необходимо только, чтобы автономия обеспечивала власть не верхам данной нации, а ее низам. В этом вся суть.

Именно поэтому провозглашает Советская власть автономию Татаро-Башкирской территории, Туркестанского края и т. д.—Все это на основе признания Советов волостей, уездов и городов этих окраин на местах“.

Терская народная республика была попыткой превращения буржуазной автономии в социалистическую в условиях многонационального и пестрого по своему экономическому укладу края. Она была противопоставлена не только автономии феодалов и крупной буржуазии—Горской республике, но и мелко-буржуазной автономии меньшевистской Грузии, пытавшейся распространить свое влияние на Северный Кавказ.

Переходный характер Терской Народной республики определялся и ее конституцией.

В основных положениях управления Терским краем, утвержденных Терским областным народным съездом 3 марта 1918 г. (декрет № 63 от 5-18 апреля 1918 г.) мы читаем:

„1. В состав Терского края входят территории и население Пятигорского, Моздокского, Сунженского и Кизлярского отделов и Нальчикского, Назрановского, Грозненского, Хасав-Юртовского, Веденского и Владикавказского округов.

2. Терский край есть составная часть Российской Федеративной Советской Республики, учрежденной на основе свободного союза свободных наций.

3. Терский край управляется народной властью, избранной населением края на основании тех законов, кои будут установлены.

4. В пределах, предоставленных основными законами Российской Федеративной Советской Республики, Терский край имеет всю полноту власти на своей территории.

5. Народная власть Терского края имеет целью охранять революционный правопорядок, поддерживать спокойствие и гражданский порядок края, защищать свободу и права трудовых масс и содействовать дальнейшему освобождению трудящихся от гнета класса эксплуататоров“.

И далее:

„20. Терская народная власть на своей территории имеет всю полноту законодательной, административной и судебной власти при условии, чтобы акты власти: во-первых, не содержали в себе ничего

противоречащего Конституции Российской Федеративной Республики, во-вторых, не нарушали основных прав гражданства, предоставленных Конституцией Обще-Российской, в третьих, могли быть отменены, если того хочет большинство населения Терского края“.

Структура власти была такова:

„43. Верховная власть Терского края, поскольку такая представлена Обще-Российской Конституцией на территории Терского края, осуществляет Терский народный съезд.

49. Терский народный съезд составляется из депутатов, избранных на основе тех избирательных систем, кои установлены на местах.

51. Правом голоса при выборах и голосовании без различия пола, вероисповедания, национальности может пользоваться всякий гражданин, которому исполнилось 18 лет.

63. В составе Терского совета народных комиссаров имеются следующие ведомости: 1) местных самоуправлений, 2) суда, 3) торговли и промышленности, 4) финансов, 5) труда, 6) военные, 7) народного просвещения, 8) земледелия, 9) продовольствия“.

В положении о национальных и отдельных самоуправлениях мы читаем:

„1. В отделе или округе, органами общественного хозяйства и управления являются окружной или отдельский трудовой народный съезд и органы им уполномоченные—Трудовые Народные Советы и исполнительные комитеты.

3. Окружной или отдельский народный съезд составляется из депутатов станиц, аулов, селений и городов, избранных на основе тех избирательных систем, кои признаны на местах“.

Дела местного и общественного хозяйства и управления на сельской территории подлежат ведомству Сельского Народного Самоуправления и его исполнительного органа — исполнительного комитета.

Председателем Народного Совета был избран Ю. Ю. Пашковский и товарищами председателя: Сомов, Е. Богданов, секретарями: Д. Бабков и Сахаров, управляющим делами Н. Кесаев.

В дальнейшем были организованы следующие коллегии: коллегия по отделу организации и охране общественного и революционного порядка—председатель коллегии Буачидзе, по продовольственному делу—Н. Кесаев, по национальному вопросу—Бозиев, по отделу народного просвещения—Кургосов, по финансовому отделу—Е. Богданов, по отделу труда—Е. Богданов, по отделу земледелия—Грига, по отделу железнодорожного сообщения—Зейликович, по отделу почты и телеграфа—Ребриев, по отделу торговли и промышленности—Элердов. („Вторая сессия Терского Объединенного народного съезда в гор. Пятигорске“. Брошюра).

Национальный вопрос заслонил на Тереке остальные вопросы, к тому же горские народы были слишком слабо дифференцированы, а пролетариат малочислен и недостаточно организован. Надо было сначала отвоевать у горской и русской контр-революции горское крестьянство, трудовое казачество и иногородное население.

Большевистская фракция толкала Терский Народный Совет на революционный путь и использовывала для дискредитирования мелко-буржуазных националистов и социал-соглашателей перед широкими массами.

Меньшевики и эсеры, вместе с казачеством и частью горской интеллигенции, будучи вынуждены согласиться на формальное признание Советской власти, пытались использовать в свою очередь Терский

Народный Совет против диктатуры пролетариата. Между тем большевистская фракция Терского Народного Совета, в блоке с левыми эсерами и большинством горцев, проводя политику изоляции казачества, оттачивала классовое сознание горцев на наиболее действительном оселке—земельном вопросе, и постепенно вооружала революцию, создавая Красную гвардию, строя Советы в городах и проводя законодательство в соответствии с советскими.

В первые же дни встал вопрос о создании Красной гвардии, за помощью Терский Народный Совет обращался и в Баку и на Кубань.

На ряду с Народными Советами существовали Советы Рабочих Депутатов. Наиболее значительными по своему влиянию на ход развития революции в Терской области являлись Пятигорский и Грозненский Советы. В марте Пятигорский Совет, опираясь на Ревштаб захватил власть, но до июня в Совет входили, на ряду с большевиками и левыми эсерами, также и социал-соглашатели.

Во главе Пятигорской организации стоял энергичный и непоколебимый Анджиевский, который далеко не всегда соглашался с политикой владикавказских большевиков, обвиняя их в том, что они „равняются на правые соглашательские партии и реакционное казачество“. (История революционного движения на Тереке, т. I, 1924 г., стр. 145). Владикавказские большевики, в лице председателя Терского Народного Совета Ноя Буачидзе, обвиняли пятигорцев в том, что они „больны своей собственной колокольней“ и не учитывают, что Кавказ не Россия, что отсталость горских народностей и их национальная рознь требуют от коммунистов некоторых компромиссов“. (Там же, стр. 144—145). Дело доходило порой до острых конфликтов и чуть ли не до вооруженных столкновений, чему много способствовала партизанщина и своеобразно понимаемая „власть на местах“.

Терский Народный Совет на первых же шагах столкнулся с национальной рознью, которую раздувало после переезда Терского Народного Совета во Владикавказ многочисленное офицерство. 10—23 марта вспыхнула ингушско-осетинская война. Осетинское селение Ольгинское открыло военные действия против ингушского селения Базоркино. Лишь стараниями Народного Совета война была прекращена. Один из делегатов, член Народного Совета от Кабарды Каламбеков, отправившийся к воюющим сторонам в качестве члена мирной делегации, был убит, но все же удалось достигнуть того, что осетины и ингуши подписали мирный договор.

И на Тереке была своя „автономовщина“, связанная с именем начальника Пятигорского Революционного штаба Нижевиясова (по профессии кустаря-сапожника).

Нижевиясов со своими частями, распоряжением Терского Совнаркома, был послан к Ростову для борьбы с белогвардейцами и участвовал во многих боях. Когда Нижевиясов возвратился в Пятигорск, то Совет избрал его товарищем председателя Совета, а штаб решил слить с военным Отделом Совета. Но мелко-буржуазный „главковерх“ восстал против пролетарской диктатуры.

В ночь на 20 апреля Нижевиясов сделал попытку захвата власти. Части его захватили Совет, было отдано распоряжение об аресте исполкома и Анджиевского. Комитет партии и исполком ушел в подполье, объявив Нижевиясова изменником и вызвали из Владикавказа с броневиком председателя Терского Совнаркома Буачидзе. Части Нижевиясова перепились и чуть было не расстреляли Буачидзе. Восстание было подавлено, Нижевиясов и его помощники, по распоряжению Терского Совнаркома, были расстреляны.

За время от 2 до 3 сессии Терского народного с'езда (май 1918 года) Терскому Народному Совету в области достижения национального мира, удалось достигнуть существенных результатов. В начале марта, спровоцированные воинские эшалоны устроили бойню у Хасав-Юрта, во время которой солдаты убили несколько чеченских пастухов, а чеченцы в отместку разобрали железно-дорожный путь. После Хасав-Юртовских событий все же удалось восстановить железнодорожное сообщение с Закавказьем.

Народный Совет созывал с'езды в Ингушетии, в Кабарде и у казаков, на которых вырабатывали способы ликвидации национальных войн.

22 мая в Грозном была созвана 3-я сессия Терского Народного Совета. Основным вопросом 3-й сессии был земельный вопрос. К этому времени комиссариат земледелия приступил лишь к предварительной работе по выяснению земельного фонда. Но работа не была выполнена, так как взаимоотношения между народами на Тереке не были еще налажены. Из представителей отдельных национальностей была создана комиссия, которая к 1-му июня 1918 г. должна была закончить свои работы. По делам земельной политики был создан при комиссариате Совет, в который входили по 2 представителя от каждой нации. Арендная плата была уничтожена. Некоторое удовлетворение земель получил горское население Осетии и Ингушетии. И здесь, как и везде, были налицо неорганизованные захваты экономий, захват живого и мертвого инвентаря, самовольные запашки. Предполагалось подготовить вопрос о переселении и расселении целых селений.

По словам комиссара земледелия Пашковского, „благодаря чресполосице станиц и аулов, некоторые из них были разграблены и уничтожены“.

Вопрос о земле на 3 сессии был поставлен ребром. Казацки верхи требовали разгона с'езда, но социал-соглашатели предполагали бороться путем провала земельной реформы. Большинство с'езда пошло за большевиками. Социалистический блок развалился. Большевики, совместно с осетинской партией „Кермен“, за которой шла осетинская беднота, и левыми эсерами образовали новый социалистический блок. Меньшевики и правые эсеры пошли с казачеством. Надежды горской массы на то, что казачество добровольно пойдет на уступки, не оправдались. Обе стороны стали готовиться к вооруженной борьбе.

3-я сессия С'езда Народов Терской области является переломным моментом в истории революционной борьбы на Тереке. На этом с'езде произошел сдвиг, смысл которого заключался в том, что на смену национальным группировкам пришло классовое расслоение.

Еще ранее началась борьба осетинских крестьян с осетинскими помещиками и кулачеством, закончившаяся разделом земли. Кабардинское крестьянство точно также восстало против дворянства и князей. В Осетии (Дигория) борьба крестьянства протекала под руководством партии „Кермен“, в Кабарде, где были сильны узы феодализма, где мусульманское духовенство имело большое влияние на крестьянскую массу, борьба кабардинского крестьянства велась под руководством небольшой группы коммунистов (Калмыков и др.), к которым прикнуло демократически-настроенное духовенство, во главе с муллой Катхановым.

Несколько иное положение сложилось в Ингушетии, где над отсталыми темными массами, которые видели одного врага, стоявшего

на пути к разрешению земельного вопроса—казачество, господствовал ловкий авантюрист Джабагиев.

У Особое положение занимала Чечня, где чеченское крестьянство всецело находилось под влиянием мулл и шейхов, но и здесь началась борьба и образовались два центра: контр-революционный—в Атаги и революционный—в Гойтах.

На 3-й сессии произошел не только раскол социалистического блока,—этот блок и до этого времени существовал лишь фиктивно,—на этом съезде народы Терека самоопределились на классовой основе. Революция стерла религиозные и национальные различия, русский пролетариат заключил союз с крестьянством Осетии, с ингушской беднотой, с кабардинским крестьянством, восставшим против своих князей, а эсеры и меньшевики пошли во главе метавшегося казачества, в союзе с кабардинскими феодалами, осетинской знатью, чеченскими миллионерами и ингушскими офицерами, пригретыми в свое время царским правительством. В этой борьбе казачество пыталось перетянуть на свою сторону иногородных.

Потеряв надежду на получение земли мирным путем, 5-го июня ингуши напали на станицу Тарскую, Аки-Юртовскую, Сунженскую и Фельдмаршалскую. В ответ на это казаки разгромили ингушский аул Бардабос. 8—21 июня, когда казаки пытались спровоцировать во Владикавказе красноармейцев против ингушей, был убит председатель Совнаркома Буачидзе, который отправился уговаривать толпу. Так погиб один из энергичных работников того времени. Полк же ушел с казаками в Архонку и там расформировался.

Между тем, по словам Деникина „подготовка Терского казачества к восстанию велась с конца мая—на Минеральной группе, в Моздоке, в Кизляре и Владикавказе (казачья фракция Народного Совета). Выступление предполагалось в августе, после окончания полевых работ, но захват полк. Шкуро Кисловодска в середине июня дал сигнал к преждевременному восстанию Волжского отдела, наиболее пострадавшего (минеральн. группа) быстро перекинувшегося и в отдел Моздокский, который большевики не успели обезоружить“.

В начале 1918 г. на Терек скопилось много офицерства, которое пользовалось здесь полной свободой. Военная секция Терского Народного Совета сделала даже попытку организовать так называемую Народную армию, „которая не должна была вмешиваться во внутреннее строительство власти и призвана защищать границы страны от германского нашествия“. Летом 1918 года офицерство устраивало в Пятигорске открытые собрания, на которых присутствовали генералы Рузский, Радко-Дмитриев (расстреляны 31 октября 1918 г.).

Шкуро (вернее Шкура) появился на Терек со своим партизанским отрядом из Персии. Получив полномочия от Автономова на формирование казачьих частей для отражения германского нашествия, он сформировал отряд в 1000 человек. Но отряд был распущен, сам Шкуро арестован, а затем выпущен Буачидзе под честное слово.

В период июнь-август на Терек разгорается гражданская война. По казачьим станицам и на казачьих съездах выносятся резолюция о свержении Советской власти (6-го июня—на хуторе Тарском, на Кизлярском Отдельском съезде).

В районе Пятигорска вспыхивает восстание Шкуро, 18-го июня в Моздоке поднимает восстание, так называемое, „Моздокское правительство“ во главе с войсковым старшиной Агоевым. Грозный охватывает со всех сторон восставшее казачество Кизлярского отдела, в Кабарде орудует банда Серебрякова, в районе Владикавказа—Соко-

лова и Беликова, Владикавказ, Грозный и Пятигорск были отрезаны друг от друга фронтами.

Разогнав в Моздоке Совет Рабочих Депутатов, организаторы восстания созвали в Моздоке 20-го июня—3-го июля, так называемый Казаче-Крестьянский Съезд, который 23 июня (по ст. ст.) вынес резолюцию о борьбе с Советской властью и избрал Терский Казаче-Крестьянский Совет в составе: председателя эсера инженера Бичерахова, П. А. Вертепова, К. И. Сапронова, Столбовского, Яковенко и других. От нагайцев, которых втянули казаки, входил Мурзаев.

Съезд в своем воззвании объявил низложенными Терский Народный Совет и Совнарком, и потребовал у Народного Совета разоружения Красной армии, ареста и предания суду комиссаров Фигатнера, Пашковского и Егорова и предоставления Казаче-Крестьянскому Совету мест в Совете Народных Комиссаров.

К этому времени во Владикавказ приехал из Тифлиса краевой комитет РКП (Махарадзе, Котэ, Цинцадзе, Назаретян и др.), и по его инициативе 10—23 июля во Владикавказе была созвана 4-я сессия съезда трудовых народов Терской области.

Съездом было предложено казакам заключить мир, при чем была принята следующая резолюция: „4-й съезд народов Терской области в целях скорейшего прекращения кровопролитной братоубийственной бойни, возникшей между трудовым казачеством, вовлеченным в эту бойню преступными элементами, постановил: 1) Предложить казачеству немедленно очистить линию железной дороги и передать ее в ведение как центральной, так и областной властей. 2) Предложить казачеству к 25 июля выслать своих делегатов от Кизлярского, Моздокского и Пятигорского отдела на 4-й съезд народов для разрешения всех вопросов, стоящих на повестке дня съезда. 3) Съезд, совместно с представителем центральной власти тов. Шляпниковым и Чрезвычайным Комиссаром юга России т. Орджоникидзе, а также Терским областным Совнаркомом гарантирует казачеству, что ни одна часть, ни один бронированный поезд войск Терской республики не будут двинуты вперед, а также ни одна казачья станица не проявляющая враждебных действий, не будет разоружена. Съезд вместе с тем заявляет, что отказ от этого предложения съезда всю тяжесть вины за продолжение бойни возлагает на тех, кто отказывается от исполнения этого предписания съезда“. („Правда“, № 248, 1918 г.). Была избрана делегация для переговоров с казаками. Казаки заключили перемирие, а затем успешно повели наступление.

Народный Совет, после попытки мирных переговоров с Бичераховым, постановил вести с авантюристами „беспощадную борьбу вплоть до окончательного укрепления... Советской власти“.

На 4-й сессии казачество выявило свою контр-революционную позицию. Большевики, эсеры и группа осетинских делегатов открыто поддерживала казачью контр-революцию. Казаче-осетинская банда под начальством Соколова и Беликова в ночь с 5 на 6 августа врасплох напала на Владикавказ и захватила Владимирскую и Осетинскую слободки.

Съезд распался. Большинство, во главе с коммунистами, приняло на себя защиту Владикавказа, а казачество, вместе с осетинскими делегатами, эсерами и меньшевиками, примкнуло к казаче-белогвардейской контр-революции, во главе с Цырульниковым.

Давший трещину на 3 съезде социалистический блок распался на два вооруженных лагеря.

10-го августа красные части отступили к Курской слободке. Вла-

дикавказские рабочие, в особенности рабочие завода „Алагир“, героически боролись с бандами, пополнявшимися всякого рода темными элементами. После грабежа часть казачества и осетин покинули город.

Часть членов Совнаркома и Народного Совета выехала по Военно-Грузинской дороге, часть была арестована, но по ходатайству с'езда освобождена, часть бежала в Ингушетию (Орджоникидзе, Бутырин, Фигатнер и др.). Контр-революционерами был избран Временный Исполком Терской республики, во главе с эсером Семеновым. 60 человек делегатов было задержано в ст. Змейской. Председатель Терского Совнаркома Юрий Пашковский, комиссар путей сообщения Долобо, делегат Хейфец, Анна Блюменталь и др. были расстреляны.

Лишь в ночь на 17 августа Владикавказ, после упорного боя, был оставлен белыми, которые частью бежали на Сунжу и к ст. Архонской, а главари—в Моздок.

Когда казаки захватили Владикавказ часть с'езда, пробравшись в Назрань, призвала ингушей к уничтожению казачьей чрепосицы в Ингушетии, чтобы дать безземельным горцам землю за счет казачества. По описанию Хейр-Хаева „ингушский народ, обрадованный этим обстоятельством, дававшим ему, наконец, законное право осуществить его вековечные чаяния, взялся за оружие и двинул свои силы на те станицы, которые разделяли Ингушетию. Станица Сунженская, Воронцово-Дашкина и Тарская были обложены железным кольцом. Стойко выдержали они двухнедельную осаду, но по истечении этих 2-х недель, к вечеру третьего, когда окончательно был очищен гор. Владикавказ от банд Соколова, станицы сдались, и таким образом осуществлялись чаяния ингушского народа. Чрепосицы не стало. С этого времени ингушский народ убедился в том, что только одна лишь Советская власть не на словах, а на деле осуществляет свои обещания и что нет ему других путей, кроме, тех, что предначертала ему Советская власть“. („Горский вестник“ № 1, 1924 г. стр. 31).

Ингуши спасли Владикавказ, отстояли Советскую власть. На 5-й сессии с'езда Трудовых народов Терской области (в декабре 1918 г.) тов. Орджоникидзе по этому поводу сказал: „Я помню момент перед концом 4-го с'езда, когда мы висели на волоске; это был момент неуверенности, когда за нами не шли, и на нас робко оглядывались. Но в этот момент одиночества Советской власти маленький народ стал на защиту Советской власти... Только ингушский народ пошел за нами, не оглядываясь“...

В то время, когда белогвардейцы напали на Владикавказ, казачество Кизлярского отдела пыталось разоружить грозненский пролетариат. 11-го августа 1918 года Грозненский Совет потребовал от казачества ст. Грозненской сдать оружие. Под влиянием казачьих верхов и правительства Бичерахова, станица Грозненская сначала оттягивала время, ведя переговоры с Грозненским Советом, а затем, получив помощь от сунженцев, вступила в бой с грозненскими рабочими.

Рабочие старых промыслов и заводского района отступили в город.

Грозненская Красная армия насчитывала в своих рядах до 3000 человек, а со стороны казачества выступало 15000. Не имея в достаточном количестве вооружения (патроны покупали у чеченцев по 5 руб.), снаряжения и продовольствия, она выдержала осаду в течение 91 дня. В первый день осады по Грозному было выпущено 1800 снарядов. Грозный был совершенно разрушен. Из нефтепромышленников и буржуазии была создана буржуазная рота, рывшая окопы и выполнявшая черную работу. Казачество требовало разоружения

Красной армии. Сочувствие чеченцев было на стороне рабочих,—например, аул Атагинский вынес резолюцию о создании для помощи грозненцам отряда, но муллы и шейхи парализовали чеченцев.

Защитой Грозного руководил организатор Красной армии т. Гикало. Соединенными усилиями Грозненской Красной армии во главе ст. Гикало, и владикавказских отрядов во главе с Левандовским, казачество было разбито, контр-революционеры частью скрылись в горы Чечни, частью спустились вниз по Тереку и рассеялись по казачьим станицам.

Одновременно с ликвидацией восстания в районе Грозного, велась борьба против Прохладной и Моздока. *г.с.ч.*

Моздокское правительство продолжало существовать, представляя из себя блок эсеро-учредилонцев с казачеством и махровыми черносотенцами. Созванный на 25 сентября в Моздоке Казаче-Крестьянский с'езд Терской области признал власть выделенной 4-й сессией Народного Совета, после разгона Совнаркома, Временного Исполнительного комитета, во главе с эсером Семеновым и образовал так называемое „Казаче-Крестьянское Правительство“.

В состав правительства входили: председатель И. М. Семенов, товарищ председателя В. Вертепов, члены: В. Полухов, М. Звягин, Л. Орлов, Н. Букановский, С. Темирханов, Д. Мерхалев. Во главе правительства стоял эсер Георгий Бичерахов, брат которого, Лазарь Бичерахов, находившийся в Дагестане и проводивший там политику Англии, снабжал контр-революционеров Терка оружием и деньгами. Об этой помощи газеты того времени писали:

„Здесь с невероятным цинизмом сказалось участие наших блестящих и гордых „союзников-джентльменов“. По казачьим станицам полетели английские аэропланы и английские летчики, спускаясь к казакам, благодарили от имени английского народа за службу, обещая самую широкую материальную поддержку. Пишущий эти строки, был сам свидетелем спуска такого аэроплана в Моздоке 26-го июля...“

Французская помощь была гораздо бесшумнее: множество казаков вооружены старыми французскими винтовками. Кроме этого, Казаче-Крестьянский Совет выпустил „внутренний заем победы“ в 10 миллионов рублей, тотчас же реализованный нашими темными финансовыми кругами. На обещания казачеству не скупилась, и за каждого убитого, семье выдавали 1000 рублей пособия и 150 рубл. на похороны“). „Известия“ 29-IX—18 г. Мат. С.-К. Истпарта).

Моздокское правительство получило также поддержку от Деникина. По словам Деникина „Связь с Добровольческой армией установилась только в сентябре посылкой аэропланов через фронт XI советской армии. 9 сентября на аэроплане был послан на Терек ген. Колесников и небольшая сумма денег для офицерских формирований, в распоряжение ген. Левшина, которому вместе с тем, предписано было добиваться установления на Терке единоличной атаманской власти“). (Деникин, цит. соч. т. II стр. 103).

По сообщению газеты „Кубанский край“: „Временное Народное Правительство Терской республики обратилось с воззванием к народам Терского края, в котором заявляет, что ставит своею целью довести народы края до 5-го Народного с'езда, который и избирает новую постоянную власть. До тех пор Временное Правительство сосредотачивает в своих руках всю полноту власти в крае, опираясь на национально-территориальные советы и городские самоуправления. Правительство заявляет, что ему одинаково дороги интересы всех национальностей Терской земли и ближайшей своей задачей считает

достижение прочного мира между народностями на основе справедливости народовластия и порядка, заявляет о своей солидарности со всеми народными правительствами, образовавшимися на других частях Российской земли и стоящим на платформе народного движения, за единство России и Всероссийское Учредительное Собрание, будет стремиться к совместным с ними действиям для восстановления Российской демократической и федеративной республики". („Куб. край" № 104 18 года. Мат. С.-К. Истпарта).

В самом правительстве не было единства. Разногласия внутри правительства возникли на почве формирования армии. Казаче-Крестьянский Совет формировал отряды махрово-черносотенной Добровольческой армии, тогда как Временное Народное Правительство формировало отряды Учредительного Собрания.

Это эсеровско-черносотенное правительство в своем воззвании к сунженцам от имени Казаче-Крестьянского Съезда натравливало казачество на красноармейцев и ингушей.

Почти одновременно шло наступление со стороны Грузии. Грузинские войска наступали на отряды Гегечкори и Чевтвадзе, отправленные в Грузию на помощь восставшим крестьянам. Лишь 20 июля (2 августа) был заключен договор между Грузинской республикой и Терским Советом Народных Комиссаров, которые дали друг другу заверения, что „никаких агрессивных намерений друг против друга не имеют".

В подавлении Моздокского восстания, помимо отрядов Красной гвардии, участвовали кабардинцы и осетины. По постановлению Совета Народных Комиссаров Терской области т.т. Калмыков и Фигатнер организовали в Малой Кабарде отряд в 1000 сабель, который оказал значительное влияние на исход борьбы.

На Моздок вела наступление, под начальством Мироненко, шариатская колонна имени Катханова, состоявшая исключительно из мулл и эфенди, и отряд осетин-корменистов, под начальством Сосланбека Тавасиева.

10-го октября была занята Прохладная и 16-го ноября 1919 г. Моздок. Бичерахов бежал в Закавказье, а остальные деятели восстания — полковник Хабаев, Соколов и другие бежали через Алагирское ущелье в Грузию. Так закончилась эсеровско-казаче-черносотенная авантюра.

В этот период в Кабарде, вел борьбу против Советов Серебряков, которому при помощи узденей удалось занять Нальчик. Лишь после отступления Шкуро, когда были разбиты казачьи отряды на Сунже и ликвидировано Моздокское Правительство, Серебряков вынужден был отступить из Кабарды на Кубань.

Терек был освобожден. Местная, так сказать, контр-революция была раздавлена.

28-го ноября во Владикавказе открылась 5-я сессия съезда трудящихся народов Терской области под председательством Кавтарадзе.

На этом съезде конституция Терской республики была изменена в соответствии с конституцией РСФСР, с предоставлением, по словам С. Такоева, права выборов в Совет тем муллам, которые боролись за Советскую власть. На местах были созданы Ревкомы.

Этот съезд подвел итоги борьбы за первый период. В своем докладе председатель Совнаркома Буллэ указал, что ингушская и осетинская беднота целиком на стороне Советской власти, но что ей грозит опасность со стороны Чечни, чеченской „бичераховщины" в лице посаженного турками в Дагестане Горского правительства, пришедшего на смену Лазарю Бичерахову. Во главе с Чермоевым и Коцевым

это правительство пыталось объединить горцев Северного Кавказа под протекторатом Турции. Надо заметить, что владикавказские работники того времени не учитывали опасности, грозившей им со стороны наступающей Добровольческой армии, и взоры обращали не на север, а на юг, в сторону Дагестана.

Объясняя, почему чеченцы не были в период бичераховщины активной силой в борьбе за Советскую власть, выступивший на этом съезде Асланбек Шерипов сказал: „Если в России революция выразилась в освобождении от насилия помещиков и фабрикантов, то в Чечне она выражается в движении сельского населения за землю. Наша революция в экономическом отношении может основываться только на земельном вопросе, а в политическом на борьбе с институтом шейхов и мулл. Необходимо дать землю и уничтожить связь ее с шейхами и муллами, ибо тогда можно умирать за революцию, когда знаешь, что дала тебе революция. Если в данный момент чеченцы не знали за что надо умирать, то потому, что они не получили ни клочка земли, что влияние шейхов и мулл связывают всю Чечню".

Председателем Совнаркома был избран Буллэ.

Несмотря на столь сложную и тяжелую обстановку, Терский Народный Совет все же предпринял шаги к организации промышленности. Финансовый кризис стоял на пути деятельности Терского Народного Совета и советов на местах. Грозненский Военно-Революционный комитет обложил нефтепромышленников на 1 миллион рублей. В Пятигорске было выпущено денежных знаков более чем на 15 миллионов рублей. Терский Совнарком декретом № 67 разрешил выпуск разменных бон на 50 миллионов р. купюрами в 1, 3, 5, 10, 25 и 100 руб., обеспечивая государственными кредитными билетами и всем достоянием Терского края, допустив к обращению по номинальной стоимости облигации займа свободы достоинством не свыше 100 руб. и разрешен дополнительный выпуск денежных знаков контрольными марками государственных почтово-телеграфных сберегательных касс на сумму 17.500.695 руб.

Терский Совнарком издал декрет № 64 о переходе в собственность Народного Совета всех предприятий общества „Алагир" и Грозненского нефтепровода, принадлежащего акционерному обществу, и также Грозненских нефтяных промыслов. Был издан декрет об аннулировании государственных займов и национализации всех отделений частных банков, находящихся в пределах Терской области. (Мат. С.-К. Истпарта).

Хотя в Грозном промысла и были национализированы, но наткнувшись на саботаж инженеров, рабочие не могли справиться с налаживанием хозяйства и запросили Москву о присылке инженеров.

На Тереке частная торговля не была уничтожена и процветала спекуляция. Лишь в Грозном, что видно из докладов на Северо-Кавказском Чрезвычайном съезде РКП, частной торговли не было, распределение продуктов находилось в руках продовольственного отдела.

Перед самым концом Советской власти на Терека во Владикавказе 2 января 1919 г. открылся Северо-Кавказский съезд РКП, созданный Кавказским краевым комитетом, некоторые члены которого еще ранее переехали во Владикавказ. На съезде присутствовало 29 делегатов от 26-мест. (В президиум съезда были избраны Махарадзе, Гихало и Мельников). Съезд заслушал доклады с мест и доклад Махарадзе о работе Кавказского Краевого комитета РКП. Кроме этого, на повестке стоял вопрос о текущем моменте, конструкции краевой организации и другие.

Доклады с мест характеризуют сложившееся к тому времени

положение на Тереке. Несмотря на свою малочисленность и недостаточную организованность, партийная организация Северного Кавказа постепенно охватывала массы. Съезд принял по докладам с мест следующую формулу перехода к очередным делам: „Заслушав доклады с мест, чрезвычайный съезд партийных организаций на Северном Кавказе РКП выражает уверенность, что местные организации, опираясь на поддержку своих партийных руководящих органов и на свой организационный опыт, пойдут вперед по пути партийного строительства и переходит к очередным делам“. (Мат. С.-К. Истпарта).

В области советского строительства население даже в Пятигорске, где была наиболее сильная партийная организация, не чувствовалось пролетарской власти. Точно также и в отношении репрессий по отношению к контр-революционерам, которыми был наводнен Терек, Советская власть на Тереке проявляла слишком много мягкости. Лишь после моздокского восстания была создана при Терском Народном Совете чрезвычайная комиссия по борьбе с контр-революцией.

Положение в Пятигорске несколько изменилось после того, как туда перебрались, отступая с Кубани, штаб армии, партийные и прочие учреждения, и Пятигорск превратился в центр Северного Кавказа.

Советская власть в Пятигорске пала 19-го января 1919 г., в Грозном 4-го февраля и во Владикавказе 11 февраля 1919 г. под напором Добровольческой армии, просуществовав, таким образом, более 11 мес. За это время в процессе гражданской войны произошла перегруппировка сил в соответствии с постановкой аграрного и национального вопроса. Горское крестьянство поняло, что лишь в союзе с рабочими, через советскую власть лежит путь к национальному освобождению и разрешению земельного вопроса.

Подводя итоги, мы должны сказать, что Советская власть в 1917—1919 г. г. существовала в условиях непрерывной гражданской войны, заставлявшей подчинять все единой цели — вооруженной защите революции.

В этот период Советская власть могла лишь поставить аграрный и национальный вопросы, но не разрешить их. Из соотношения классовых сил внутри Северного Кавказа не вытекало неизбежности поражения Советской власти. Хотя казачество в известной части, к концу этого периода, и перешло от благожелательного нейтралитета к активной борьбе против Советской власти, — пролетариат приобрел себе верных союзников в лице крестьянства, беднейшего инородного населения и горской бедноты. Но темные пастухи-карачаевцы поняли „волчьи сотни“ Шкуро, а обманутые черкесы — белогвардейские отряды Султан Гирея.

ПАДЕНИЕ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.

Даты возникновения и падения Советской власти в главных пунктах Северного Кавказа следующие:

Г о р о д	Время возникновения Советской власти	Время падения Советской власти.
Ростов	24 февраля 1918 г.	8 мая 1918 г.
Новочеркасск	25 февраля 1918 г.	6 мая 1918 г.
Екатери́ндар	14 марта 1918 г.	16 августа 1918 г.
Новороссийск	14 декабря 1917 г.	26 августа 1918 г. ¹⁾
Ставрополь	14 января 1918 г.	15 ноября 1918 г. ¹⁾
Владикавказ	19 марта 1918 г.	11 февраля 1919 г.
Пятигорск	17 марта 1918 г.	19 января 1919 г.

Как видно из этих дат, наиболее кратким срок существования Советской власти был в Донской области — 2¹/₂ месяца; в Черноморской губернии, а также на Кубани Советская власть просуществовала около 5—7-ми месяцев, и дольше всего — в Ставропольской губернии и на Тереке 10—11 месяцев. Контр-революция наступала с севера на юг: весной 1918 года пала Донская Советская республика, осенью Кубано-Черноморская, в ноябре — Ставрополь и, наконец, в начале 1919 года — Терская Народная Республика.

Соотношение сил на Северном Кавказе к весне 1918 года, несмотря на вспышки контр-революционных восстаний, далеко еще не предвещало исхода борьбы в пользу контр-революции. Местная контр-революция, несмотря на партизанщину и неорганизованность Советской власти, всюду была подавлена, и нет сомнения в том, что Советская власть вышла бы победительницей из этой борьбы.

Решающим фактором, перевесившим чашу весов в сторону контр-революции в этот период явилось наступление германо-турецкого империализма, породившего на Дону второе издание Гетмана Скоропадского, в лице атамана Краснова, а в Дагестане, так называемое, Горское правительство, во главе с Пшемахо Коцевым.

Добровольческая армия, сначала под командой генерала Корнилова, а после его гибели у Екатеринодара, под начальством генерала Деникина, до продвижения немцев на Дон блуждала по степям Дона, Кубани и Ставрополя без определенной цели. В неопубликованном дневнике ближайшего сотрудника Деникина генерала Эрдели, мы находим указание на то, что до попытки овладения Екатеринодаром (в апреле 1918 года) и после этого вожди Добровольческой армии подумывали об отходе на Терек или на Черноморское побережье для расформирования армии. И лишь наступление немцев на Дон погнало Добровольческую армию с Кубани за границы Донской области.

¹⁾ 8—21 июля Ставрополь был занят белыми, 14—27 октября Таманская армия заняла Ставрополь и была выбита оттуда 2—15 ноября.

Появились два важнейших фактора, на которые надеялся основатель Добровольческой армии генерал Алексеев, предполагая превратить казачьи области в базу для наступления на Советскую республику: готовность казачества защищать свои земли и заслон со стороны Советской России, созданный германской армией.

В своем дневнике генерал Эрдели 17 марта (по старому стилю) пишет: „По сведениям о том, что немцы все больше и больше продвигаются в Россию и что с ними поляки, чехи и русские офицеры вместе, заставляет думать все более настойчивее, что наша борьба против большевиков должна разрастись в борьбу и против немцев, а это чорт знает какая путаница. У нас с большевиками общий враг немцы, но это не припятствует отнюдь нашему сближению с ними“. 20-го мая он уже пишет: „Надо пользоваться немцами для уничтожения Советской власти“.

Эта путаница в голове одного из вождей Добровольческой армии продолжалась недолго. „Надо сознаться,—пишет он в своем дневнике,—что если бы не немцы, то ни мы, ни Дон не существовали бы, т. е. нас бы одолели по инертности и неподвижности местного населения. Приходится втайне благодарить немцев за их присутствие, и не дай бог, если они отсюда ушли бы, все мы полетели бы кувыркром, так как все, что у большевиков против немцев, обратилось бы против нас“.

Более того: Добровольческая армия вооружалась за счет немцев, получая из немецких складов, при посредстве гетмана Скоропадского и атамана Краснова, патроны и снаряжение, в котором Добровольческая армия очень нуждалась. 21-го июля Эрдели пишет: „патронов ружейных опять мало, т. к. Дон обещанного не присылает и Краснов, повидимому, совсем во власти немцев, немцы проводят свою идею расчленения России“. Добровольческий генерал прекрасно понимает планы немцев и, несмотря на путаницу в своей генеральской голове, фактически им содействует.

Посланная на Украину делегация кубанцев, заключавших союз с Добровольческой армией, добывала снаряды и орудие и немцы этому не препятствовали. Совершенно правильно указывают в своей книге „Красная гвардия“ С. Венцов и С. Бельский, что „до тех пор, пока немцы не пришли в Донскую область, все местные восстания нами легко ликвидировались и рано или поздно, но местная власть Советов окрепла бы. И только под прикрытием немцев смогло развиться формирование казачьей армии генерала Краснова, который в середине мая 1918 года был избран Донским атаманом. Шло не только формирование казачьей Донской армии, но фактически снабжалась немецкими деньгами и оружием и так называемая Добровольческая армия генерала Алексеева и Деникина. (Стр. 158).

План германского командования сводится к тому, чтобы зажать Северный Кавказ в кольцо соединенными силами германских и турецких войск. Германская армия продвигалась с Украины на Дон и проникла из Керчи на Таманский полуостров. Немцы, однако, не имели достаточно сил, чтобы оккупировать такую громадную территорию, к тому же на Украине, откуда немцы выкачивали хлеб, начинались крестьянские восстания и, наконец, германская революция разрушила все планы германского командования.

Наши партизанские отряды, страдавшие всеми недостатками партизанщины, несмотря на всю революционность, не могли выдерживать натиска регулярной немецкой армии. 13-го марта пала Одесса. 7 апреля Харьков. С падением Полтавы, Харькова, Екатеринослава

немцы пробили путь в Донецкий бассейн, занятие которого имело для них большое значение, так как южные дороги снабжались углем из Германии. Приказ германского командования предписывал „оккупацию продолжать дальше, занять Донецкий бассейн, и что, самое главное, обязательно захватить Крым и Черноморский флот“. (Венцов и Бельский. Цит. выше соч., стр. 149).

Вместе с немцами и гайдамаками против советских войск сражалась пробывавшая на Дон с румынского фронта и бригада Дроздовского, сформированная из офицеров. Эта бригада, влившаяся впоследствии в Добровольческую армию, выступала в авангарде немецких войск, помогая им занимать берега Азовского моря. Под Таганрогом между дроздовцами и сформированным в Таганроге полком под начальством т. Каска, произошел двухдневный бой, открывший дроздовцам путь к Ростову (полк был разбит, а тов. Каска убит). Заняв Донецкий бассейн, немцы стали продвигаться в Донскую область, где против 600 тысяч немцев боролось несколько десятков тысяч партизан.

Вместе с тем отступивший в Сальский округ отряд под начальством Попова и Семилетова послужил бродильным началом для контр-революционного движения на Дону. К 10—23 апреля, при участии генерала Попова, создалась Донская повстанческая армия в составе 5000 человек пехоты, 1000 сабель, 6 орудий и 30 пулеметов.

4-го мая главнокомандующий украинским фронтом Антонов-Овсеенко сложил командование и издал приказ об отходе отрядов на территорию РСФСР. 3-го мая немцы заняли Таганрог. Донской Совнарком (тов. Орджоникидзе и Ковалев) тогда же вышел с немцами в переговоры, но немцы потребовали, чтобы Ростов был очищен к 6-му мая.

Наконец, 4-го мая в Ростове выступил против Советской власти „Союз фронтовиков“ и часть милиции, устроившей штаб на той самой яхте „Колхида“; которая служила революционным центром в октябрьские дни. 4-го мая вокзал неожиданно занял отряд Дроздовского. Ростовский Совет заседал еще 4-го мая, когда паровозы были наготове. Отступив с войсками в Кубанскую область, он, постановлением исполкома распустил себя в одной из станиц. Ростовские партийные работники (Дунаевский, Равикович и др.) приступили к работе в местных организациях. (Восп. Баландина-Сафронова. С.-К. Истпарт). Революционные отряды были вынуждены отступить. Дроздовский занял Ростов. Но 5-го мая он был выбит отступавшей из Новочеркаска группой красных войск, продержавшейся в Ростове два дня, 7-го мая немцы начали обстрел города артиллерией и под давлением немцев эти войска тоже отступили к Батайску, где был укрепленный фронт против немцев.

23-го апреля—6-го мая Новочеркасск тоже перешел в руки восставшего казачества, под командой полковника Денисова.

Еще до отступления в Ростове, Центральный Исполнительный комитет Донской республики отправил для мобилизации казаков в северные округа, так называемую, „экспедицию Подтелкова“, которая отправилась из Ростова 1-го мая. Во главе этой экспедиции выехал Подтелков и, вместе с ним, 20 казаков-агитаторов и небольшой отряд. 9-го мая экспедиция прорвалась в Усть-Медведицкий округ, где в хуторе Калашикове, Поляково—Наголинской волости Подтелков, вместе с отрядом, был окружен восставшими казаками и разоружен. По приговору импровизированного суда из выборных от станиц, под предсе-

дательством председателя военного отдела Попова, отряд Подтелкова в количестве 80 человек был приговорен к расстрелу, а Подтелков и Кривошлыков—к повешению. „В хуторе Пономареве куда привели наших товарищей,—описывает гибель экспедиции т. Френкель,—их вывели в одном нижнем белье по 20 человек к яме. Расстреливали их по 8 человек. 12, стоя на одном и том же ряду, ждали очереди. Некоторые не выдерживали и падали живыми в яму, их пристреливали в яме. При расстреле присутствовал поп. Первая группа причащалась, остальные резко отказались. Подтелков и Кривошлыков все время присутствовали тут же на месте казни. К Подтелкову подошел перед расстрелом один казак из нашей команды и сказал: „Благослови товарищ Подтелков“, на это последний ответил: „Иди, брат, спокойно, скоро и они пойдут туда-же“. При этом Подтелков указал на стоявших кругом контр-революционеров“.

Казнь Подтелкова и Кривошлыкова свидетельствует о беспримерном героизме первых вождей революционного казачества, примкнувших к рабочему классу. „Подтелков и Кривошлыков наблюдали всю процедуру, ободряя готовящихся к смерти товарищей... Не охраняемые никем, расхаживали они по площади и открыто вступали с собравшимися в разговоры. Говоря разъяренным казакам о их темноте и невежестве, Подтелков и Кривошлыков рассказывали им о новой жизни трудового народа, о Советской власти, за которую боролись“...

„Подтелков и Кривошлыков, когда их вешали, держали себя изумительно твердо. Стоя у виселицы и держа петлю в руках, они обратились к народу с речью, говоря, что спокойно умирают за счастье трудящихся и призвали не верить офицерам и атаманам. Кривошлыков перед самой смертью своей написал живущим неподалеку отсюда родным письмо, где в ритмованном четверостишии просил не горевать и не беспокоиться, так как он со спокойной совестью умирает за счастье трудового народа“. (А. Френкель „Орлы революции“, стр. 27 и далее).

Это произошло в хуторе Пономареве 28-го апреля (11 мая) 1918 года.

С занятием белыми Ростова, (8 мая) центр Донской Советской власти был перенесен в Великокняжескую, куда из Царицына приехало, так называемое, Донское Советское правительство в составе Васильченко, Турло, Дорошева и др., имевшее в своем распоряжении лишь 4.000 человек, находившихся в Царицыне, и крестьянские полки, которые по словам Васильченко (его доклад ВЦИК'у) „как львы дрались за свои хаты и за свои очаги, но их нельзя было оторвать дальше, чем за 5 верст от окружающих их села окопов“. С занятием белыми Донской области это правительство ликвидировалось 15-го сентября 1918 года.

Донская Советская республика пала под натиском немецких штыков и восставшего, под начальством своих атаманов, казачества.

В этот период на Дону разгорелась ожесточенная борьба между казачеством и калмыками (Сальский округ), с одной стороны, и иногородным населением—с другой.

Бывший член Донского Советского правительства Васильченко в своем докладе Председателю ЦИК'а тов. Свердлову этот период борьбы на Дону характеризует следующим образом. („Пролетарская революция на Дону“, сб. 1-й, стр. 69, 1922 г.). „Наше непосредственное ознакомление с политической подкладкой происходившей на Дону гражданской войны, начавшейся вместе с нашим прибы-

тием в ст. Великокняжескую, заставило нас прежде всего убедиться в том, что эта война носит не столько характер непосредственно-классовой борьбы, сколько характер бытового антагонизма между казаками и крестьянами. Соответственно с этим, не в пример остальной части земледельческой России, и борьба в Донской области развернулась не как борьба между кулаками богачами с одной стороны и беднотой с другой, а как борьба между гражданами „братьями“ казаками и „хамми“—иногородными. Это обусловило почти поголовное восстание казаков свирепствовавших над всеми без исключения крестьянами. Это же заставило и крестьян с небывалым упорством отстаивать свои хаты и держаться за Советскую власть.

Так распространялось у казаков убеждение в необходимости поголовного истребления иногородных (Дон для донцов), так в свою очередь крестьяне и советские войска стали думать о необходимости поголовного истребления казаков“.

Недаром Дон заслужил имя Вандей.

Отступавшим советским отрядам пришлось вести борьбу на два фронта—с немцами и казаками, заключившими союз. По сообщению газеты „Донской Край“ (№ 21, 15-V—18 г.) в станице Чертково, Донской области: „Командующий 22-й германской бригады, генерал фон-Кох, принял делегацию белоказачков в станице Казанской во главе с есаулом Филометовым. Установлено соглашение о снабжении станицы Казанской оружием, отбитым немцами у Красной армии в обмен на хлебпродукты. Затем делегация выехала в Каменскую, где виделась с представителями других станиц и походного атамана“. (Материалы С.-К. Истпарта).

Крестьянское движение развертывалось стихийно. В Сальском округе, например, в феврале 1918 года власть перешла в руки рабочих и иногородных. Но казачье-калмыцкая контр-революция, объединившись с отрядами Гнилырыбова и Семилетова, организовала свои силы. Отряды Гнилырыбова и Семилетова зверски расправлялись с восставшими. В одной только ст. Платовской отряд Гнилырыбова расстрелял 365 чел. Против них организуются красновардейские отряды под начальством Думенко, Шевкопляса, Буденного и друг. С отступлением из Сальского округа красных войск в Царицын с ними ушло почти все иногородное население.

Отряд С. М. Буденного состоял вначале из четырех человек. С этим отрядом он напал в ночь на 28 февраля в станице Платовской на отряд белых, который зверски расправлялся с населением, Буденный обезоружил и перебил 25 человек, захватил 2 орудия, 4 пулемета, 300 винтовок, 150 лошадей и освободил смертников. И отряд сразу вырос до 300 человек пехоты и 70 человек конницы. (Воспоминания С. М. Буденного. С.-К. Истпарт). В мае, в районе станицы Платовской насчитывалось уже более 2.000 партизан.

В районе станицы Каменской формировались части Советской Донской армии под руководством тов. Щаденко. Эта армия создавалась теми работниками, которые в свое время создали Каменский Ревком. В хуторе Лихом отряды Харченко, Щаденко и Толмачева соединились, и 1 июня командиром дивизии был избран Н. В. Харченко, начальником штаба по формированию войск—Щаденко.

Соединившись с отступающими с Украины частями под командой К. Е. Ворошилова, Щаденко пробивался с ним через восставший Дон.

Донская контр-революция переплелась с немецким наступлением. Когда 9-го мая 1918 года тов. Щаденко и Ворошилов приступили к

ликвидации восстания в районе ст. Гундуrowsкой казаки призвали на помощь немцев и отбросили красногвардейские отряды.

По словам Венцова и Бельского, „Обстановка, в которой пришлось отступать эшелонам Ворошилова, не поддается описанию. Одна за другой восставали станицы и обрушивались на наши истомленные части, взрывали не только ж.-д. мосты, но и полотно железной дороги. Нужны были нечеловеческие усилия, чтобы преодолеть клочкотавшую стихию, восставшего казацкого кулачества. Нужно было иметь глубокую веру в торжество своего дела, чтобы в такой обстановке не только героически сопротивляться и переносить тяжелые лишения, но и для того, чтобы найти силы для организационно-творческой работы. В эти моменты полного окружения выковывалась боевая спайка, все больше закалялась воля к победе. У станции Чир восставшее казачество, под командой Мамонтова, окружает эшелоны Ворошилова и взрывает мост через реку Дон. Оставалось либо сдаться казакам, либо починить мост и тем временем обороняться. Было принято последнее решение. Эшелоны были окружены кольцом окопов. Части под руководством тов. Рухимовича строили мост через реку Дон. Пока Ворошилов строил мост через реку Дон, Шаденко вел упорные бои у станицы Морозовской. Здесь он переорганизовал свои крестьянские части, и создал кадры Донецко-Морозовской дивизии“. (Цит. соч., стр. 157).

В Александрo-Грушевском районе был сформирован отряд в 1000 человек исключительно из рабочих рудников. С помощью отряда из местных жителей и солдат-стариков, Красная армия отбила пятидневное наступление белогвардейского отряда полковника Семилетова. Под перекрестным огнем шахтерам пришлось отступить от казаков и немцев. Многие попали в плен и в качестве военно-пленных были увезены в Германию.

С красными войсками отступали беженцы, спасавшиеся от террора. Об этом мы читаем в биографии тов. Толмачева: „Весь день в станице Каменской и в окрестных хуторах белые учиняли кровавую расправу с мирным населением, обвиняя его в сочувствии красным. Начались массовые аресты и расстрелы. В один этот день и ночь было расстреляно свыше 300 человек рабочих и просто мирных жителей.“

Население станицы, видя террор белых, начало собирать свои пожитки и бежать по направлению к красным. К обеду на следующий день беженцы со своими семьями и кровом собрались переправляться через реку Дон. Беженцев было свыше 4-х тысяч. (Из биографии Толмачева. Мат. С.-К. Истпарта).

✓ На севере Донской области отряды формировал Миронов.

Через Поворино и Борисоглебск отступали отряды Киквидзе, Сиверса, Петрова и др. Киквидзе и Сиверс расположились фронтом против Краснова на северо-востоке Донской области. Эти отряды вели себя анархически. По словам Я. Никулихина („Как и почему мы победили“, Прибой, Петроград, 1924 г., стр. 17), „все они заезжали в Борисоглебск, требовали финансов, продовольствия и Совет—сколько мог—помогал. Порою снабжение не удовлетворяло храбрых партизан, и они арестовывали Исполком, занимали его помещение, осуществляли своеобразную „диктатуру“ в городах. Через некоторое время Исполком освобождался из-под ареста и дело как-нибудь кончалось миром, либо требовавшие понимали их, что нельзя получить больше, чем дано, либо еще какая-нибудь доля выкраивалась их отрядом из Борисоглебска уже скудных запасов“.

Под охраной немецких штыков в Новочеркасске был созван из представителей ближайших станиц „Круг Спасения Дона“. Романтиков—

реакционеров Каледина и Богаевского, пытавшихся опереться в борьбе с пролетарской революцией на казачество, сменил кондотьер Краснов, опирающийся на германские штыки.

В начале мая в руках Краснова был район Новочеркаска и Александрo-Грушевска, а немцы занимали Таганрог, Ростов и Донецкий бассейн. Советская власть сохранилась лишь по линии Владикавказской железной дороги от Батайска, а на севере Донской области— в Усть-Медведицком и Хоперском округах.

Все внимание чрезвычайного штаба обороны Кубани и Черноморья, главкомов Автономова и Калнина, следовавших один за другим, отнимал Батайский фронт, куда были стянуты значительные силы (до 30.000 человек), действовавшие вначале под начальством Сорокина, назначенного 3-го мая командующим Тихорецким узлом, вместе с отступавшими с Украины, под натиском немцев войсками, которыми командовал Родионов.

Несмотря на недостаточную организованность, Красная армия, подкрепленная украинскими частями 18-го июня, пыталась перейти под Батайском в наступление, но потерпела поражение. Еще ранее 10-го июня была сделана безумная по смелости попытка высадки десанта в тылу у немцев, под Таганрогом. На 15 судах десант в количестве 6000 штыков и 2000 сабель, высадившись, двинулся в двух направлениях: в город и в округ 12-го июня произошел бой у устья р. Миус, 13-го немцы повели наступление и десант почти целиком был уничтожен. Начались мирные переговоры с немцами, во время которых немцы поставили условием переговоров прекращение враждебных действий и нейтрализацию Азова. Мирная делегация Кубано-Черноморской республики, дважды ездила в Таганрог для переговоров о заключении перемирия и заключила „Договор об уборке урожая“ (перепечатан в газ. „Красное Знамя“ от 30 октября 1922 года).

На ряду с Батайским фронтом, против немцев существовал еще и Таманский фронт. В июне под Таманью высадился из Керчи 58-й Берлинский полк, занявший станицы Таманскую, Фонталовскую, Ахтанисовскую, Титовскую и Стеблиевскую. Впрочем, здесь немцы не столько помогали казачеству, сколько вывозили хлеб, но само по себе присутствие германских войск ободряло контр-революционное казачество и морально их поддерживало.

Таким образом, и на Кубани кулацкое восстание опиралось на немецкие штыки. Одновременно с этим, Красная гвардия Сочи в период май-июнь ведет борьбу с наступающими по Черноморскому побережью грузинскими войсками, занявшими Сочи 15-го июля 1918 г.

Однако, главной силой контр-революции на Кубани явилась Добровольческая армия, распространившая сначала свое влияние на весь Северный Кавказ, а затем—после отступления немцев—на весь юг России.

История гражданской войны на Северном Кавказе говорит о том, что военные руководители того времени не дооценивали значения Добровольческой армии и плохо учитывали опасность ее существования.

Между тем именно фронт против Добровольческой армии был, по словам С. Петренко (впоследствии нач. штаба Сорокина) нашим наиболее уязвимым местом. Об обстановке на этом фронте в своей статье „На Кубани в 1918 г.“ („Путь коммунизма“, кн. 2-я, Краснодар 1922 г., стр. 124-125), т. С. Петренко пишет: „Надо сказать прямо, что общая политическая обстановка нами учитывалась очень плохо. Имея в виду договариваться с немцами, мы слишком туманно представляли

себе их положение, взаимоотношения с Красновым—на Дону, и с Добровольческой армией, которая начала все больше развивать свою деятельность. Ориентация Краснова была явно немецкая, что же касается Алексева и Деникина, то их физиономия была недостаточно ясна“.

„Мне лично, после 1—1½ месячного пребывания на Алексеевском фронте,—пишет он,—было очевидно, что Добровольческая армия — растет и крепнет, неоднократно в личных и письменных докладах я указывал главному Калнину, что Деникин—фактор, которому суждено сыграть свою роль и надо обратить самое серьезное внимание на него, иначе наша последняя связь с Россией—Царицынская ветка—погибнет. Вместо ответа Калнин упрямо бросал все прибывающие части против немцев. Правда, деникинский фронт был усилен полком Жлобы и некоторыми другими отрядами, объединенными под командой т. Федько, но все эти части были выставлены в виде заслона с юга, с востока-же Царицынская ветка прикрывалась только мелкими отрядами, часто отскакивавшими за Маныч и в Торговую (главную силу на этом направлении представляла „ставропольская самооборона“, т. е. войско совершенно негодное). Отряды часто уходили ночевать в село, оставляя на позиции жерди, с навязанной соломой, куклы, войскового устройства не имели, драться „за границей“, т. е. вне пределов Ставропольской губернии не хотели и сменялись по срокам или кварталам каждые 3—5 дней. Калнин на все мои доводы о необходимости серьезного внимания к деникинскому фронту неизменно отвечал: „Вот справимся с немцами, а там и эту сволочь разобьем. Неужели с такими силами нельзя кончить с этой сволочью“.—Тут он имел в виду наши мелкие отряды и ставропольских самооборонцев и ничего не предпринимал к действительному усилению деникинского участка. Смысла перемирия с немцами он не понимал, считая, что можно и должно „прогнать“.

Близорукость командования Красной армией дала возможность усилиться Добровольческой армии, которая, питаясь кулацко-казацкими восстаниями, обрушилась на Северный Кавказ.

Мы уже упоминали в своем месте о взаимоотношениях организатора Добровольческой армии на Кубани генерала Покровского с Кубанской Радой. Отступив из Екатеринодара с отрядом Покровского, кулацко-казацкая Кубанская Рада оказалась в плену у махровых черносотенцев, сначала под сапогом Корнилова, а затем Деникина.

О взаимоотношениях Кубанской Рады с Покровским после исхода из Екатеринодара рассказывает в своих воспоминаниях бывший член Рады Л. Федоренко. („Организации контр-революции на Кубани и Кубанская Краевая Рада“, „Путь коммунизма“, кн. 3-я, Краснодар, 1922 г., стр. 96).

„1-го марта 1918 года отряд Покровского был в ауле Шенджий. Тотчас же по прибытии в Шенджий генерал Покровский, не созывая никаких совещаний Рады, не спрашивая ничьей санкции, объявил все местности, через которые проходил отряд на военном положении, с подчинением исключительно ему. Вот здесь то и начались злоключения Рады. Она стала рабом своего малодушия, своей неорганизованности. Началась для нее новая жизнь, характеризующаяся только лишь стремлением спасти свою жизнь. Только лишь боязнь не стать мишенью разошедшихся теперь во всю белогвардейцев. Это была политическая смерть Рады, это было начало того великого кошмара и безумия, которое яркой и кровавой страницей вошло в историю

всей Кубани. Если иногда раздавались протесты членов Рады против того или иного мероприятия военной власти, обыкновенно слышался насмешливый ответ: „Вы смотрите там, раз вас спасли от большевиков, так уж, пожалуйста, не вмешивайтесь не в свое дело. Мало вы в Екатеринодаре болтали, так не болтайте хоть здесь“.

Остановимся несколько подробнее на взаимоотношениях Добровольческой армии с Радой. После соединения отряда Покровского с отрядом Корнилова между Законодательной Радой и командованием Добровольческой армии был заключен договор, по которому „в виду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую область и осуществления ею тех задач, которые поставлены Кубанским правительством (борьба с большевизмом), для объединения всех сил и средств, признается необходимым переход кубанских правительственных отрядов в полное подчинение генерала Корнилова, которому предоставлено право реорганизовать отряд, как это будет признано необходимым. Законодательная Рада, войсковое правительство и войсковой атаман продолжает свою деятельность, всемерно содействуя мероприятиям командующего армией. Командующий кубанскими войсками с его начальником штаба отзывается в состав правительства для дальнейшего формирования постоянной Кубанской армии“.

Этот договор должен был лечь в основу взаимоотношений Рады с Добровольческой армией, но всякий договор является клочком бумаги, если он не поддерживается реальной силой. Рада была нужна Добровольческой армии для привлечения казачества на свою сторону и, действительно, при отступлении с Кубани на Дон, Рада и войсковой атаман пытаются мобилизовать казаков, но, по словам Макаренко, „произведенные в нескольких станицах мобилизации реального и ошутительного результата не дали“.

В дальнейшем, когда Добровольческая армия после неудачного похода на Екатеринодар пополняла свои ряды и вооружалась в станицах Егорлыцкой, Мечетинской и Гуляй-Борисовке, Кубанская Рада играет роль честного маклера между Добровольческой армией и немцами.

По словам Федоренко, „по соглашению с командованием Добровольческой армии, из города Новочеркасска посылается на Украину делегация в составе: Макаренко, Рябовола, Бескровного и Султан-Шахим-Гирея с предложением информировать Украину о происходящих событиях на Дону и Кубани и просьбой о помощи. Казалось бы, что Добровольческая армия, свято следуя данному союзникам обещанию о своих антипатиях к немцам, должна была относиться к этому враждебно, это официально так и было, но в то же самое время всем было известно, что в склады Добровольческой армии в г. Новочеркасске и ст. Мечетинской поступали в большом количестве снаряды и вооружения, которые Кубанская Рада, путем переговоров и различных договоров, получала из Украины из складов, находившихся у немцев. Таким образом, генерал Алексеев правой рукой грозил немцам, а левой щедро забирал немецкие патроны и вооружения, для того, чтобы продолжать насилие над русским народом“. (Л. Федоренко, цит. выше соч., стр. 98).

По словам члена Кубанской Рады Макаренко, Краснов говорил: „Да, я брал снаряды и патроны у немцев, обмывал их чистой донской струей и давал Добровольческой армии“. (Стенограф. отчет Чрезвычай. Рады созыва 28-го октября 1918 г., стр. 359).

Инспирируемая союзниками Добровольческая армия еще в феврале 1918 года в своей декларации об „основных задачах организации

Добровольческой армии" заявила: „Люди, отдающие себе отчет в том, что значит ожидать благоденствий от немцев, правильно учитывают, что единственное наше спасение—держаться наших союзников"... Являясь по существу монархической, Добровольческая армия, прикрываясь лозунгом Учредительного Собрания, пыталась собрать под своим знаменем все антибольшевистские силы для восстановления по рецепту союзников „Великой Единой Неделимой", т. е. России кредитоспособной, монархической и поставщика „серой скотины" для мировой войны. Между тем в план германского командования входило ослабление и расчленение России. И если буржуазно-помещичья Добровольческая армия могла заключить союз с казачеством Кубани и Дона для борьбы с большевиками, то в области государственного строительства пути местной, так сказать, казачьей контр-революции расходились с путями всероссийской контр-революции. Идеалы кубанских и донских кулаков-федералистов совпадали с планами германского командования, тогда как идеалы буржуазно-помещичьей контр-революции, пытавшейся восстановить „Великую Единую Неделимую", совпадали с задачами союзников.

В своем воззвании от 10-го апреля 1918 года Деникин заявил: „Добровольческая армия имеет своей целью защиту и спасение России, восстановление в ней законного порядка, разрушенного большевиками, внесшими в страну смуту и разруху.

На страже порядка и законности и стоит Добровольческая армия. С большевиками, изменниками и предателями родины, разрушившими армию, разорившими Россию и предавшими ее немцам, Добровольческая армия ведет борьбу, имея своей задачей уничтожение в России большевизма и установление в ней того строя, который признает будущее Всероссийское Учредительное Собрание.

„С мирными же жителями, не выступающими против армии и не оказывающими ей сопротивление" Добровольческая армия войны не ведет.

„Я, командующий Добровольческой армией, объявляю всем жителям станиц и селений, через которые армия проходит, что ничего насильственного против них не будет, если не станут оказывать армии сопротивления. А против всех тех, кто окажет вооруженное сопротивление армии, буду поступать самым беспощадным образом.

Генерал-лейтенант Д е н и к и н."

В то время, как вожди Добровольческой армии, говоря об Учредительном Собрании, мечтали о реставрации, казачьи федералисты ограничивали борьбу с большевиками пределом Дона и Северного Кавказа. Очутившись между буржуазно-помещичьей реакцией и пролетарской революцией (для казачества все время слова „большевик" и „иностранец" являлись синонимами), казачьи атаманы снова выдвигали идею создания на юге России „прочного государственного образования на федеративных началах". Дон и Кубань обязались оказывать друг другу содействие. Признав основной задачей борьбу с большевизмом сначала на территориях Кубани и Дона, а затем в пределах Северного Кавказа, для осуществления этой задачи представители Дона и Кубани решили учредить совет по разработке плана борьбы с большевизмом и общего руководства военными операциями. И, наконец, в последнем пункте этого соглашения говорилось о необходимости создания на юге России „прочного государственного образования на федеративных началах, в состав которого должны войти и Дон и Кубань, как полноправные члены федерации".

Но пока на очереди стояла борьба с большевиками, разногласия между казачеством и Добровольческой армией не обострялись.

В конце мая и начале июня 1918 года Добровольческая армия, по словам Эрдели насчитывала в своих рядах 10.000 человек, из них 6.000 пехоты (бригады Дроздовского и Казановича) и 3.000 кавалерии—конная бригада Эрдели. К 20-му июня по старому стилю силы Добровольческой армии увеличиваются до 20.000 человек. До получения патронов от немцев и восстания казачества, положение Добровольческой армии было далеко не блестяще: не было ни патронов, ни „сочувствия населения", чего не скрывает в своем дневнике Эрдели.

Так против пролетарской революции вырос на Северном Кавказе единый фронт германо-турецкого и англо-французского империализма, с отечественными контр-революционерами, от эсеров учредилцев (Моздокское правительство на Тереке), федералистов (Кубанская Рада), „кадетов" (Добровольческая армия) и монархистов (Красная).

План наступления Добровольческой армии, по словам Эрдели, был таков: продвижение на Торговую, Великокняжескую, Тихорецкую и далее на Кубань и Царицын для соединения с Дутовым. Наступление было начато в конце июня. Захватив Великокняжескую и Торговую, Добровольческая армия двинулась по направлению к Тихорецкой.

Что же мог противопоставить Северный Кавказ напору контр-революции?

В то время, как в рядах белогвардейцев стояли старые руководители царской армии, опытные организаторы и стратеги, а казачество представляло из себя естественные кадры белой армии,—красные отряды представляли из себя разрозненную партизанскую рать, плохо дисциплинированную, лишенную опытного командного состава.

„Эти отряды,—говорит в воспоминаниях тов. Батурина,—представляли собой мало дисциплинированные с военной точки массы, в том отношении, что они представляли собой временные объединения. Поднимается станица, берется красное знамя, и выгоняет контр-революционную банду, которая наступала на эту станицу, в чаянии, что старое казачество, кулацкое казачество примкнет к ним и будет выгонять иногородных и большевиков. Отразили это наступление и утомленные предыдущей войной эти люди, имеющие хотя бы маленькое хозяйство, чтобы не потерять последний кусок, опять возвращаются к своему хозяйству. Были такие случаи, что отряд сделавший свое дело, отразивший контр-революционную банду от какой-нибудь станицы, нужно было перебросить на другую территорию и он отказывался идти туда, говоря, что мы свое дело сделали и теперь расходимся, а когда на нас будут наступать, мы соберемся, возьмем винтовки и опять отразим то нападение, которое будет на нас со стороны контр-революции". (Из стенограммы воспоминаний на вечере Истпарта, речь Батурина).

Отряды красноармейцев получали названия своих командиров или еще более громкие, как например: „Черная Хмара", „Железный" и строились безо всякой системы и учета". Командир, возглавлявший отряд, являлся пленником массы и делал только то, что желала, что требовала масса". (Воспоминания Самсонова, Матер. Сев.-Кав. Истпарта).

По словам Ковтюха „Командование как первыми революционными ячейками, так и сведенными отрядами принимали на себя люди или с ограниченными военными знаниями, или совершенно не военные и в военном деле ничего не понимающие". („От Кубани до Волги и обратно", стр. 11).

Это широкое движение, несмотря на героизм масс, страдало всеми недостатками партизанщины, и белые, правда, с большим напряжением, все же расправлялись с разрозненными отрядами.

Эта неорганизованность отражалась и на снабжении. По словам тов. Самсонова, „нужны были продукты питания и они брались без возвращения расписок, сопровождалась грубостями. Нужен был конский состав, таковой безоговорочно брался, бедняк ли это был, зажиточный, с этим не считались. Местные советские органы, допустившие части к реквизиции от участия в таковой, частями освобождались, да и они оторвавшиеся от населения не были авторитетом для этого, авторитетом была лишь вооруженная сила. А скоро части не стали и вообще доверять Советам, считая, что таковые смотрят со своей колокольни, защищают интересы своих станиц, а не общие интересы революции и что эти Советы не являются ячейками диктатуры трудящихся. Такое мнение скоро стало преобладающим во всех красноармейских отрядах“. (Самсонов. Рукопись).

Партийные работники Кубани прилагали героические усилия к тому, чтобы сколотить из этой разрозненной партизанской рати боеспособную армию. С этой целью был создан Чрезвычайный Штаб Обороны, повлекший за собой конфликт с Автономовым. Но в армии не было крепкого пролетарского ядра, партийное влияние точно также было слабо из-за недостатков работников.

28 мая—10 июня на 3-м Чрезвычайном Съезде Кубанско-Черноморской республики Одарюк выступил против партизанщины: „Долой мелкие отряды,—говорил он,—армия должна быть построена на строгой товарищеской дисциплине“ („Изв.“ № 60, 1918 г. Кубистпарт). А Головин говорил: „Под Ростовом дивизия немцев. От Екатеринодара до Кущевки всюду мелкие отряды. Станицы поднимаются, но нет организованности“. И в своей резолюции съезд сказал: „Съезд постановляет немедленно начать и усилить подготовку централизованной хорошо вооруженной и дисциплинированной Красной армии“...

Чрезвычайный Штаб Обороны приступил к формированию Красной армии в начале мая, об'явив приказ о четырехлетней мобилизации казаков, проходившей с большим трудом. По словам тов. Батурина, впоследствии—начальника штаба Таманской армии,—„укомплектование наших частей шло туго, мобилизованные казаки разбежались, а иногородные—все жители ближайших станиц—тяготели к дому, и шли из родной станицы неохотно. Из станиц же, занятых белыми, иногородные бежали иногда с женами и целыми семьями, создававшими лишний балласт в отрядах. Кроме того, существующие и уже действующие отряды, состоявшие в большинстве из старых фронтовиков, переутомленных прошлой войной—требовали отдыха и смены, чтобы побывать дома, обещая собраться когда они будут нужны. Такой способ ведения войны не предвещал ничего хорошего, но приходилось считаться с массами и только путем уговоров сдерживать их. (Г. Н. Батурин „Красная Таманская армия“. Ст. Славянская, 1923 г., стр. 7).

По словам Самсонова: „борьба в мае—июне превратилась в словесную вражду, т. е. в борьбу за преобладание казаков над иногородными. Первые упирались на находящиеся еще в степях Донской области части Добровольческой армии, а вторые на красноармейские отряды“.

На Кубани, как и на Дону, в каждой станице стояли друг против друга два фронта—казачество и иногородные. В своих воспоминаниях

участник гражданской войны того времени тов. Фарафонов пишет: „Части белой армии входили в станицы, встречаемые местными кулаками и богатеями“ „с хлебом и солью“ и начинали генеральную чистку „большевистского элемента“, вешали и расстреливали даже тех, кто усердно ходил на собрания и митинги: иногородных крестьян повально пороли, а казачьи семьи, из которых родственники ушли в Красную армию, разорялись кулаками - богатеями. За одно слово—„большевик“, „товарищ“ засекали человека на смерть. Пьяные чеченцы, калмыки, юнкера и черноморцы (казаки Черноморского округа) насиловали жен и детей „большевиков“—добровольцев Красной армии. Местные станичные тюрьмы-казематы были переполнены, полевые суды не успевали рассмотреть списка своих жертв, как погромщики (из кулачья) набрасывались на „красных“ и тут же на станичных площадях перед церквями убивали“. (Шит. по кн. Ладохи, стр. 105).

В этот период времени запыхала гражданская война в Ставропольской губернии. 9 февраля 1918 года белогвардейский отряд повесил в одном Егорлыке 87 чел., а 500 было зарублено. Жестокою расправу учинили белые в Белой Глине, где были уничтожены тысячи крестьян Против надвигающейся Добровольческой армии в Ставропольской губернии стихийно стали возникать партизанские отряды. Один из таких отрядов (тов. Шейхо) вначале состоял из 6-ти человек, а через два месяца вырос в значительную силу, насчитывая в своих рядах 750 сабель. Такие отряды существовали уже в марте 1918 г. (отряд Вдовиченко в Кисте, Патова в Винодельном, Сергеева в Благодарском уезде, Книги и Апанасенки). В феврале 1918 года, при отступлении разбитых добровольцев с Дона на Кубань, в с. Лежанке, Ставропольской губернии, фронтовики-солдаты оказали отряду упорное сопротивление, но добровольцы зверски расправились с разбитыми партизанами.

К концу мая Добровольческая армия вытеснила из Медвеженского уезда красных партизан Ставрополя. Соединившись с отрядом Шкуро, Добровольческая армия повела наступление на Ставрополь, который защищали отряды под начальством Шпака (первого), матроса Игнатьева и др. Под напором соединенных сил Добровольческой армии и отряда Шкуро, партизанские отряды, а вместе с ними и губисполкомом в июле отступили из Ставрополя.

В отступивших отрядах царил полная дезорганизация. После этого в селе Благодарном возникло Уездное Военное Соевещание и об'явило мобилизацию. Партизанское движение охватывает всю Ставропольскую губернию (отряды Сергеева, Щербакова и других), чуть-ли не в каждом селе была своя армия. Из некоторых сел ушло партизанить почти все мужское население. Так, село Кононовка (Устиновка тоже), переименованное впоследствии в село Красное, только убитыми потеряло до 60-ти человек.

Одно время при отступлении на Царицын в Ставропольской губ. оперировал со своей „стальной дивизией“ тов. Жлоба, выбивший белых из ряда селений. Однако, это партизанское движение носило неорганизованный характер. Хотя Ставропольские войска и входили в состав Северо-Кавказской армии, до переименования ее в XI, но действовали совершенно самостоятельно и никакой власти не признавали. Боеспособность ставропольцев была очень слаба.

Когда была организована Северо-Кавказская Советская республика, 10 июля Военный Комиссариат Кубано-Черноморской Советской республики слился с Военным Комиссариатом Сев.-Кав. Сов. республики, комиссарами избраны были т. т. Силичев и Турецкий, а воен-

ным руководителем Сосницкий. Так оформилась Северо-Кавказская армия.

Между тем Добровольческая армия продолжала наступление и 18-го июля захватила ст. Тихорецкую—ключ к Кубани. На Тихорецкую нападение было произведено врасплох. Здесь зверски были зарублены начальники станции тов. Булавин, областной военный комиссар Силичев, военный руководитель полковник Сосницкий, а сам главком Калнин едва спасся. Между прочим Калнин просил Сорокина, командовавшего тогда Доно-Азовским фронтом, дать подкрепление, но Сорокин отказался.

Занятие добровольцами ст. Тихорецкой отрезало Кубань от Царицына, где находилась база, и угрожало Батайскому фронту. Отсюда Добровольческая армия двигалась по двум направлениям: на Екатеринодар и Батайск. Батайский фронт пришлось ликвидировать и группа Сорокина начала отступление. Потерпев поражение под Сосной, войска Батайского фронта сначала отступили в Староминскую, а затем двинулись двумя группами на Выселки и Кореновку. Под Кореновской была разбита Екатеринодарская группа Добровольческой армии. Инициатива, таким образом, оказалась в руках Сорокина и он приблизился на 50 верстах к Тихорецкой. 4-го августа, когда возник вопрос о смене главнокомандующего, ЦИК Северо-Кавказской республики назначил Сорокина главнокомандующим.

Однако, благодаря оплошности Сорокина, снявшего с фронта одну дивизию для отправки в Екатеринодар, коннице Добровольческой армии удалось прорваться через фронт. Бой под Кореновской решил судьбу Екатеринодара. Отступившие в панике войска Сорокина, благодаря недостатку снарядов и патронов, потерпели поражение. За армией двигались тысячи беженцев и обозы. В Екатеринодаре скопилась масса беженцев, которые смешались с войсками и двигались через реку Кубань на Белореченскую, Армавир и далее; часть войска отступила в Новороссийск. 16-го августа в Екатеринодар вступила Добровольческая армия. Одновременно с наступлением Добровольческой армии на Екатеринодар велась дезорганизаторская работа контр-революционеров в самом городе среди войск и населения. В своем дневнике Эрдели указывает, что в Добровольческую армию являлись делегации от контр-революционных организаций из Екатеринодара.

Картину отступления войск из Екатеринодара рисует в своих воспоминаниях начальник штаба Сорокина С. Петренко („Путь коммунизма“, № 1, Краснодар, 1922 г., стр. 116):

„После оставления Екатеринодара, мы хотели привести войска в порядок в Энеме, но Сорокин сразу заявил, что эта затея несбыточная,—и был прав. Некоторые части сразу очутились в Новороссийске, другие—в Белореченской и даже в Армавире. Около того времени было получено первое письмо из Царицына, где советовалось нам бросить все и двигаться на Север, для соединения с северными войсками. Вскоре был получен и соответствующий приказ. Мы решили было занять позицию по р. Белой, но, получив этот приказ, видели, что никакое движение на север, при наличии такого фронта, как у нас, невозможно. Войска отошли до реки Лабы и заняли позицию по правому берегу, затем по левому берегу Кубани, переходя от ст. Овечка на правый берег, и далее по высотам к северу от Невинномысской, загибая правый фланг на север. Главный штаб двигался колесным порядком через аулы Понежукай, Джиджихаб на Некрасов-

скую, Воздвиженскую, Петропавловскую. Сорокин ехал верхом, в сопровождении адъютантов, конвойной сотни и конных сотен крестьянского полка. Я находился здесь же, а мой помощник с канцелярией ехал на подводе по другому маршруту. Связь с войсками мы потеряли, и возобновили ее только начиная от Некрасовской, где стояли несколько дней.

Сорокин вообще любил парад. Во всех станицах он выезжал во главе сотен, оркестр неизменно находился при нем. Кроме того, комендант штаба где-то добыл ящик шампанского и пока оно не истощилось, редкий день бывали трезвы в штабе. В Петропавловской,—родной станице Сорокина, мы стояли несколько дней. Благодаря телеграфу, мы смогли связаться уже со всеми частями и ЦИК, который часть своих членов уже командировал в Армавир, где они и работали“.

Советские войска отступили за Кубань. Буржуазия ликовала, встречая своего избавителя—Эрдели. В своем дневнике он описывает прием, оказанный ему екатеринодарской буржуазией: „Вчера к ночи мы вскочили в Екатеринодар. Я ночевал на хуторах. Сегодня утром была торжественная встреча, забросали меня цветами. Мое имя у всех было на устах по улицам. Дамы и девицы ловили мои руки, посылали поцелуи, некоторые из них, знавшие меня раньше, гордо показывали на меня. Улавливал лестные замечания о моей наружности“. А безызвестный сподвижник Эрдели—офицер в своем дневнике, перепечатанном в журнале „Путь Коммунизма“ (Книга 2-я, Краснодар 1922 г., стр. 182—183) пишет:

„19-го августа... в Новороссийске повешен весь Совет. Мама прислала письмо, пишет, что собирается, слава богу, сюда...“

15-го сентября. Малахов избил физиономию непочтительно выразившемуся штатскому, за что получил „браво“ всей публики...“

16-го сентября. Узнал, что Заремба дрался с редактором социалист. газеты, и что Козлов и К⁰ избili членов СДРП...“

24-го сентября. На скамейке Запольский рассказывал о ликвидации 4-х членов на Кубани“.

Терская область в этот период времени была раздроблена внутренними фронтами на три части. Районы Грозного, Пятигорска и Владикавказа были изолированы один от другого восставшим казачеством и Моздокским Правительством. Против белых в районе Пятигорска действовал со своим отрядом тов. Беленкович. Последний в своем докладе Терскому Народному Совету от 29-го июля 1918 года сообщает, что его силы достигают до полутора тысяч человек. Ему приходилось бороться на двух фронтах: со стороны Кисловодска—против Шкуро и со стороны Прохладной—против Бичерахова, силы которых, примерно, равнялись 5.000 человек.

Таманский полуостров занимала, так называемая, Таманская армия, боровшаяся против восставшего казачества, которое поддерживал 58-й Берлинский полк.

Как возникла Таманская армия?

По словам Ковтюха, начало объединению раздробленных отрядов Таманского полуострова положил матрос черноморского флота Рогачев, объединивший вооруженные отряды станиц: Старо-Величковской, Поповичевской, Роговской, Ивановской, Полтавской и других. Кроме того, в Темрюке был организован отряд в 1.500 человек, в станице Крымской—в 800 человек, в Приморско-Ахтарской—в 600 человек, в Славянской—в 580 человек и другие.

„Вооружение, снабжение и довольствие этих отрядов производилось кустарным образом за счет местных средств“,—пишет тов. Ков-

тук. Несомненно, кое-что в организации было заимствовано у казачества. „Каждый, добровольно поступивший в отряд, должен был отыскать в своей станице винтовку, патроны, притти в отряд одетый и с запасом продовольствия“ (Ковтюх. Цит. соч. 11).

Постепенно из разрозненных отрядов была создана крупная вооруженная сила, противопоставившая себя казачеству. Тов. Ковтюх пишет, что Рогачев „первый принял горячее участие в объединении этих ячеек и в образовании мощного ударного отряда для проведения идей Советской власти и для защиты иногородных от притеснений казаков“. (Разрядка моя. Н. Я. Цит. соч., стр. 10). Началось разоружение станиц и борьба со вспышками восстаний (Ольгинская, Ясенская, Копанская, Привольная и Брыньковская).

С появлением на Тамани немцев, все части Тамани (4-й Днепровский полк — 600-700 шт., под командой Матвеева, 1-й Екатеринодарский полк — 1500 шт., под командой Демуса, часть Крымского отряда — 300 шт. и 120 сабель и Анастасиевский батальон — 300 штыков были объединены под командой Романенко, который был назначен командующим Таманским фронтом.

В военных частях не существовало хозяйства и обоза, партизаны сменялись, раз'езжаясь на отдых по домам.

В таком положении таманцев застало оставление Сорокиным Екатеринодара. Между тем на Таманском полуострове почти поголовно восстало казачество.

Падение Екатеринодара поставило Таманскую армию под удары со всех сторон. Добровольческая армия, стремясь на Новороссийск, пыталась ее отрезать и разбить; с юга продвигались по Черноморскому побережью грузинские войска, на Тамани — немцы и восставшее казачество. В своей книге „Красная Таманская армия“ тов. Батурина передает настроение армии: „Один кричал: „товарищи, куда нас ведут“ — хотя его лично никто не приглашал куда-либо итти; другой взывал к толпе, растерявшейся от таких возгласов: „товарищи, нас завели, продали... изберем командира, который нас выведет“ и при этом, конечно, втайне надеясь, что выберет именно его, хотя он вывести никого не мог и сам убежал бы давно, но не знал в какую сторону можно безопасно бежать. Третьи подавали самые абсурдные советы, не соображая для чего и кому они нужны. Нужно было осаживать таких крикунов, или, еще лучше, совершенно из'ять их, но при той взвинченности настроения масс, какая тогда была, последнее сделать было нелегко“.

Во главе Таманской армии стоял тов. Ойцов, штаб которого находился в станице Крымской. 20 августа он был арестован Темрюкским отрядом, решившим не уходить с Тамани, но затем освобожден тов. Ковтюхом.

Главком Сорокин при отступлении из Екатеринодара отдал приказ Таманской армии отступать по направлению через ст. Северскую на Белореченскую. Войска отступили в Тоннельную, где в 18-ти верстах от Новороссийска собралось (по словам Батурина) более 27.000 шт., 3500 сабель, под командою Сафонова, Ковтюха и Матвеева. В это время отряды Добровольческой армии уже занимали ст. Крымскую. На митинге в Тоннельной было решено (по предложению Ковтюха) отступать по Черноморскому побережью, через Новороссийск, занятый немцами и турецкими отрядами. 26 августа армия двинулась на Новороссийск, где в то время стояли немецкие суда.

Для Новороссийска отступление Таманской армии, которая

защищала подступы к Новороссийску, явилось полной неожиданностью. Еще 24 августа в Новороссийске торжественно встречали прибывших на немецком крейсере военнопленных, был даже устроен концерт. Лишь в час ночи 25-го августа Новороссийский военный комиссариат получил из Тоннельной телеграмму о снятии полков Таманской армии. 26-го августа состоялось последнее заседание Совета, закончившееся в 4 часа дня. Совет постановил защищать город, но Таманская армия в это время уже миновала Новороссийск и отходила на Туапсе. Немцы и турки, погрузившись на суда, обстреливали аррьергард красногвардейцев и авангард белых из орудий. Новороссийские-железнодорожники, рабочие цементных заводов дрались с наступающей Добровольческой армией, но патронов было 10-15 штук на бойца. В 7 часов вечера 26-го августа Новороссийск был занят белыми. Начались аресты и расстрелы комиссаров и рабочих; красногвардейцев расстреливали на месте, в особенности матросов.

Между тем Таманская армия двинулась по шоссе на Геленджик, куда подошла 26 августа. 27-го в Геленджике был собран весь командный состав, который избрал командующим армией Ковтюха, а нач. штаба т. Батурина. Здесь же решено было назвать армию „Таманской“, так как большинство вышло из Таманского отдела. Общая численность армии к этому времени достигла 16.000 штыков, более 3.000 сабель, 30 орудий. За армией двигалось более 20.000 беженцев (по данным т. Ковтюха). Армия была разбита на 3 колонны, которыми командовали: Ковтюх, Лисунов и Матвеев.

В невероятно тяжелых условиях армия продвигалась по Черноморскому побережью, будучи окружена с трех сторон: Новороссийск был занят белыми, Туапсе — грузинской дивизией, к тому же добровольцы высадили десант у Архипо-Осиповской (2.000 человек и батареи). Однако, кавалерийским отрядом Ковтюха 28 августа десант был разбит и армия продвигалась дальше на Туапсе. После боя за обладание Михайловским перевалом (1-го сентября 1918 года) Таманская армия, разбив грузинскую дивизию, заняла Туапсе. Здесь у грузинской дивизии было захвачено 16 орудий, 10 пулеметов, снаряды и патроны.

С 1-го по 5 сентября армия отдыхала. После короткого отдыха Таманская армия, 5-го сентября двинулась до Ходыженской, откуда пошла в двух направлениях: первая колонна под командой Ковтюха, выступившая из Туапсе 2 сентября, и вторая колонна, под командой Лисунова взяли направление на Тверскую, а третья двинулась через Апшеронскую на Кубанскую. Майкоп был уже занят генералом Гейманом.

Под Белореченской первая колонна столкнулась с отрядом Покровского. При подсчете в Белореченской оказалось, что в бой может быть введено 13.000 бойцов, тогда как у Покровского было более 11 тысяч, к тому же на стороне Покровского были более выгодные позиции и лучшие полки („офицерские“), где каждый отделенный был офицером. Тем не менее, 12 сентября армия Покровского была под Белореченской разбита наголову, а сам Покровский еле успел убежать.

Путь для соединения с армией Сорокина, отступавшей из Екатеринодара, был открыт.

Однако, в то время, как Таманская армия продвигалась вперед, армия Сорокина уходила от нее. Соединение произошло между ст. Лабинской и Дондуковской. Под Армавиром, который был занят Добровольческой армией (корниловцы, марковцы и дроздовцы) произошел бой, закончившийся поражением Добровольческой армии.

С 19 на 20 сентября Таманская армия, несмотря на отчаянное сопротивление противника, взяла Армавир, где борьба происходила на улицах, огражденных баррикадами. Таким образом, Таманская армия окончательно соединилась с армией Сорокина.

На Черноморском побережье Добровольческая армия столкнулась с „бунтом на коленях“ мелкой буржуазии, при чем здесь на пути добровольцев стояли грузинские войска. В Сочи местными „демократическими организациями“ было вынесено даже постановление о временном присоединении к Грузии. Как видно из меморандума наивных социал-соглашателей, врученного великобританской военной миссии в Тифлисе, английское командование обещало даже нейтрализовать Сочинский округ. В этом меморандуме, за подписью председателя Сочинской городской думы С. Тер-Григорьяна, члена окружного комитета по введению земского самоуправления Н. Вороновича и других самозванных „защитников крестьянства“, они просят „нейтрализовать Сочинский округ, заняв его союзными войсками“. Одним из мотивов, приводимых в меморандуме, является тот, что „не желая подпасть снова под власть прежних полицейских, крестьяне, которые вначале враждебно относились к большевикам, теперь под влиянием репрессий со стороны добровольцев, начинают сильно леветь и видеть в лице большевиков своих избавителей“.

К началу октября 1918 г. военное положение на Северном Кавказе предреввоенсовета II-й армии Ян Полуян рисует в следующем виде: „К началу октября (до образования Р. В. С.) Кубанская армия, вернее масса неорганизованных вооруженных людей, до сих пор выдерживая непрерывные бои, армия, не имевшая времени для планомерной организации—занимала следующие пункты: линию ж. д. Армавир—Курганная,—Лабинская, Армавир,—Минеральные Воды—Георгиевск, Святой Крест,—Пятигорск—Ессентуки—Кисловодск.“

Противник (Деникин) занимал Новороссийск, Екатеринодар, Тихорецкую, Кавказскую, Ставрополь и почти в тылу Баталпашинска Серебряков и Бичерахов занимали гор. Нальчик, линию ж. д. Прохладная—Моздок—Кизляр и гор. Петровск.

Кубанская советская армия имела все же отрядный характер: бои велись без резервов, в цепочку.

Командный состав выборный, политком также, существовали армейские, полковые комитеты, соперничавшие с гражданской властью и претендовавшие на первенство. „Управление“ армией было единоличное главкомом Сорокиным, потерявшим к этому времени, кстати сказать, свой прежний авторитет и обаяние „храброго смелого вояки.“

Его уже больше не слушали и приказов не выполняли.

Он не знал, более или менее, точно, где его фронт и какова численность армии: о последнем ходили самые противоречивые и нелепые слухи: одни говорили 200 тыс., другие 100, третьи—50 и т. д.

Помощник Сорокина, Трацевский и военком Северного Кавказа Турецкий, на докладе у тов. Сталина, Ворошилова и Минина—в конце сентября, не могли указать ни фронта, ни сколько нибудь точного количества армии.

В организационном отношении армия делилась на колонны и Ставропольские войска, жившие до образования Р. В. С. XI армии совершенно обособленно и самостоятельно, не признававшие никаких высших военных органов, власть Сорокина на них также не распространялась.

Территориально Северо-Кавказская армия делилась на фронты: Армавирский, Ставропольский, Кисловодский. Колонны вскоре были

переименованы в корпуса. Таким образом, в организационном отношении наблюдалась большая путаница и неразбериха. Армия была предоставлена самой себе, никакой культурной работы среди нее не велось, не издавалось даже красноармейской газеты.

Политические комиссары, к сожалению, во многих случаях, так же, как и командный состав, не отвечали своему назначению.

Такова в кратких чертах армия Кубани, после ее отступления, незадолго перед тем, как она стала именоваться XI армией и управляться Р. В. С. („Очерки гражданской войны на Кубани.“ Краснодар 1921 г. стр. 11).

По словам Свечникова, что подтверждает в своих воспоминаниях и т. Батурин: „В прежних походах почти каждый красноармеец возил с собой женщин (главным образом, украинцы). Путем всяких мер это явление удалось сильно ограничить, но не вполне уничтожить. Кроме того, при обозах полков двигались беженцы тех населенных пунктов, где формировались полки. Несмотря на все меры и частые переброски частей, это явление также еще не вполне вывелось и приносило огромный вред, так как эти беженцы и женщины являлись паническим элементом, что вызывало беспричинные отступления и бегство войск XI армии (Цит. соч., стр. 57).

4 октября (по новому стилю) в Пятигорск переехал ЦИК Северо-Кавказских Республик во главе с тов. Рубиным и Краевой Комитет РКП, во главе с тов. Крайним. Тогда-же 4-го октября ЦИК'ом, по докладу приехавшего в Пятигорск из Царицына Яна Полуяна, был организован Реввоенсовет Северо-Кавказских войск, переименованных затем в II армию.

Изданный по этому поводу приказ гласил:

П Р И К А З

Центрального Исполнительного Комитета Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики.

№ 134.

В целях наиболее успешной борьбы с контр-революцией, в целях тесного согласования военных действий на Северном Кавказе с действиями всей остальной Российской Советской Армии, Центральный Исполнительный Комитет Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики постановил: следуя примеру Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, избрать Революционный Военный Совет (Реввоенсовет) Северного Кавказа в составе члена Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета тов. Полуяна, товарища председателя ЦИК Северо-Кавказской Республики тов. Крайнего, Командующего войсками Северного Кавказа тов. Сорокина, командующего Северо-Восточным фронтом войск Северного Кавказа т. Гайченца и бывшего начальника штаба Главкома тов. Петренко.

Реввоенсовету принадлежит вся высшая военная власть на Северном Кавказе. Все его приказы и распоряжения должны исполняться точно и беспрекословно. Неисполнение приказов Реввоенсовета будет считаться неподчинением Советской власти и будет беспощадно караться.

Председатель ЦИК А. Р у б и н.

Секретарь Б. М и н ь к о в.

5 октября 1918 г. г. Пятигорск.

(Мат. С.-К. Истпарта).

В это время армии уже не существовало, как более или менее организованной силы, даже численность ее и месторасположение не были точно известны. Армия стихийно стремилась через Святой Крест на Астрахань и в Царицын, куда ушел Жлоба.

В своих воспоминаниях „На революционном фронте“ (Путь Коммунизма, кн. 3-я Краснодар 1922 г., стр. 6 и далее) Жлоба пишет, что отправился на Царицын по приказу Реввоенсовета 10-й армии и своим своевременным подходом к Царицыну спас последний от захвата белогвардейцами.

Одним из мотивов образования Реввоенсовета являлось опасение в покушении на захват власти со стороны главкома Сорокина. Реввоенсовет деятельно принялся за превращение армии в боевую силу, за восстановление дисциплины. Однако Сорокин пользовался среди войск большой популярностью и, несомненно, обладал большими военными способностями. Во всяком случае в своем дневнике Эрдели о нем отзывается, как об „очень деятельном и молодце,“ и в другом месте заявляет, что Сорокин „не без дарования человек.“ Мы имеем целый ряд характеристик Сорокина, которые все сходятся на том, что это человек сведущий в военном деле, но обладающий неограниченным властолюбием и политически совершенно безграмотный. Среди военных авантюристов той эпохи—Голубова, Автономова, Коппе, Нижегородова, Сорокин является наиболее крупным, и его авантюра, затеянная в самый тяжелый момент в значительной мере содействовала гибели 11 армии. В целом ряде воспоминаний (Батурина, Жлобы и др.), мы находим указания на то, что Сорокин всячески стремился устранить со своего пути всех более или менее выдающихся работников. Он стоит за спиной Автономова, восстающего против Чрезвычайного Штаба Обороны Кубани. Он пытается натравить армию на т. Жлобу. По словам Батурина, именно он настоял в октябре на расстреле популярного среди войск командующего Таманской армией т. Матвеева потому, что тот не подчинился его распоряжению и не двинулся на Невинномысскую, хотя по словам Я. Полуяна и С. Петренко (членов Реввоенсовета 11 армии), они все сошлись на необходимости расстрела Матвеева. Необузданная натура, воплощающая в себе мелкобуржуазную стихию, Сорокин безусловно был незаурядной личностью, в особенности в военном деле. Об этом лучше всего свидетельствуют отзывы врагов, отдававших должное его военным способностям.

В задачу 11 армии входило соединение с левым флангом 10 армии, оперировавшей в районе Маныча, и 12 армией, расположенной на Тереке. По плану Сорокина, решено было захватить Ставрополь, соединиться с 10 армией в районе Маныча и, очистив Терскую область, соединиться с Владикавказом, Грозным и Кизляром, где были расположены войска 12 армии. Выполнение первой задачи пало на Таманскую армию, которая под командой тов. Ковтюха, 27-го октября взяла Ставрополь. Вторую задачу выполняла, так называемая, „Шариатская колонна“ под командой тов. Мироненко, которой удалось занять станицы Зольскую, Марьинскую, Солдатскую, Прохладную, Нальчик и Моздок, открыть путь на Владикавказ и соединиться с частями 12 армии в ст. Котляревской 15—16 ноября 1918 года. Путь от Пятигорска до Владикавказа был свободен и 17-го ноября во Владикавказе состоялось совещание, на котором присутствовал начальник

¹⁾ Сорокин — казак ст. Петропавловской, Куб. обл., б. фельдшер. Его революционная деятельность началась на Кавказском фронте.

штаба Реввоенсовета 11 армии тов. Одарюк (26-го ноября во Владикавказ приехали т. т. Орджоникидзе и Левандовский).

Эти задачи выполнялись одновременно.

К этому времени относится авантюра Сорокина, дорого стоившая красным войскам, преданным в тот момент, когда решалась судьба Северного Кавказа.

Основной причиной, обострившей отношение между Реввоенсоветом и Сорокиным послужило предложение Реввоенсовета слить воедино штабы Реввоенсовета и Сорокина, против чего Сорокин протестовал.

По словам Яна Полуяна,—непосредственным поводом послужил отказ в выдаче Сорокину денег. Это подтверждает в своих воспоминаниях и т. Борисенко. Однако, мысль о диктатуре возникла у Сорокина еще ранее. Об этом пишет в своих воспоминаниях т. Борисенко.

„Не член партии (в это время он заявлял везде, что он беспартийный), политически неграмотный человек, лишенный возможностей получать директивы из каких-либо авторитетных источников, думал о том, чтобы создать маленькую ячейку, которой передать всю полноту власти на Северном Кавказе...“

Мысль о триумвирате у Сорокина возникла с приходом в Пятигорск. Эту мысль он обсуждал только с одним человеком—членом исполнительного комитета и его заместителем Гайченцем, но провести ее в жизнь Сорокин долго боялся. В начале октября в Баталпашинске происходил последний Съезд Советов отдела. Со всех сторон Баталпашинск окружал Шкуро. На Съезд приехал с фронта Гайчинец, и тут ночью, когда мы остались вдвоем, он рассказал мне о том, как можно спасти революцию на Северном Кавказе, по мнению Сорокина и его. Я запротестовал, против такой дикой мысли. Гайчинец начал отступать, заявляя, что мы только так с Иваном Лукичем (Сорокиным И. Л.) беседовали, но что, конечно, это не выход из положения. Я чувствовал, что эта мысль у Сорокина стоит несомненно серьезно, а всегда пьяный Гайчинец, если бы даже и не был с ней согласен, не сможет помешать Сорокину провести ее в жизнь.

Сейчас же после Съезда (а мы в это время были выбиты из Баталпашинска войсками Шкуро), я поехал в Пятигорск к Рубину (в исполкоме я этот период не работал, ведя работу в Баталпашинском отделе в качестве председателя партийного комитета).

С Рубиным встретился один на один, в его кабинете. Первой мыслью было сообщить ему слышанное от Гайченца.

Внимательно выслушав, Рубин заявил, что „нет, я в это не верю, этого не может быть, Иван Лукич очень хороший товарищ, мы видимся с ним каждый день, мне думается, что Иван Иванович (Гайчинец), выпив чегонибудь напугал“. (Воспоминания т. Борисенко. Рукопись).

В штабе Сорокина было много темных личностей. Терек кишел белогвардейским офицерством, и если не у Сорокина, то у его подчиненных связь с этим офицерством, безусловно, существовала. Когда члены Реввоенсовета наткнулись на противодействие Сорокина (хотя внешне он не протестовал), то в Реввоенсовете назрела мысль об „изъятии его из обращения“. В своих воспоминаниях член Реввоенсовета С. Петренко пишет: „Крайний сказал мне однажды: „скоро нужно будет Сорокина изъять из обращения“. Я сказал ему, что это возможно только одним путем, но путь этот очень опасен и может повести к совсем нежелательным результатам. Он ответил: „Ничего, это можно очень просто сделать“.

Однако, Сорокин 27-го октября арестовал член ЦИК'а т. Рубина, председателя ЦИК'а Крайнего, пред. Ч. К. Рожанского и Власова и

приказал их расстрелять. Все они были расстреляны под Машуком. На вопрос Петренко, он заявил, что расстрелял их за предательство по предписанию из Царицына, имея документальные доказательства их измены. В тот же день вечером был расстрелян член Реввоенсовета Дунаевский, а на другой день—Миньков и младший брат Крайнего. Пятигорск был терроризован штабом Сорокина. Партийный комитет и партийные работники скрылись в подполье. После убийства, Сорокин сообщил на фронт в своих приказах, что им расстреляны „предатели“.

В статье „Чудовищное преступление“, напечатанной в № 152 „Известий“ ЦИК'а Северо-Кавказской Республики, Сорокин обвинял расстрелянных им товарищей „в сношениях с кадетами“, „заговоре против дела Революции“, „заговоре против Советской власти“, подготовке покушения на „некоторых вождей революции, в том числе Сорокина“ и т. д. (Мат. С.-К. Истпарта). Сорокин играл в своих воззваниях на казачьем происхождении, на „казачьей вольности“.

„Сороковщина“ была наиболее ярким проявлением партизанщины.

В своем приказе,—не имеющем отношения к авантюре, но характеризующем Сорокина,—последний писал:

„Кзаки! Крестьяне! Горцы!

Я кубанский казак Сорокин, бывший офицер, бьюсь с вами, моими родичами и станичниками.

Видно, крепко держат вас в ежовых рукавицах ваши полковники и есаулы, часто вас по зубам бьют и последний разум вам отбили, что вы им головы еще не открутили и все еще не видите, что у вас творится. Вас ведут с голыми руками с вилами и граблями на смерть, а сами торгуют в Новочеркасске с немцами, продают ваш хлеб и вашу казачью вольность, а Алексеев и Деникин все прилаживаются к французам и англичанам—да Краснов им не дает вас, сам хочет немцам продать.

Российские войска ждут вас с севера, вас гонят против них, а хлеб стоит не убраный, не вымолоченный, ваши семьи голодные и холодные, вы сами оборванные и без хлеба, а ваши генералы за шампанским вас же продают. Украинцу уже продали и хозяин немец уже пришел и весь хлеб забрал.

Дон тоже запродан, теперь хотят Кубань распродать. Ну да мы еще поборемся за родную землю и если вы дураки ничего не видите сами, от нашей руки пострадаете. Хлеб у вас все одно отберут, а вместо него вам навезут галунов для генеральских погон и духи генеральским женам.

Дело ваше—что вам дороже, погоны ваших генералов и духи или ваши собственные жены и дети. А продать нашу родину и свободу за погоны мы не дадим.

А я вам советую, если хотите быть честными гражданами, то сбросьте с себя одурь и идите к вашим семьям и делайте ваше гражданское дело, а с предателями и торгашами народной честью и достоинством мы сами расправимся.

—Нас не обманут.

✓ Главкомандующий советскими войсками Сорокин“.

Авантюра Сорокина была восстанием мелкобуржуазной стихии против пролетариата.

Армавирский партийный комитет, совместно с оставшимися членами Реввоенсовета, для ликвидации авантюры, созвал в расположении отряда тов. Кочергина в Невинномысской 28 октября 1918 года

2-й Северо-Кавказский С'езд Советов и делегатов воинских частей. Сорокин, в надежде, что войска будут на его стороне, поехал на с'езд, но узнав, что с'езд настроен против него, походным порядком отправился в Ставрополь, занятый красными частями 27-го октября.

Председателем с'езда был избран тов. Борисенко.

Авантюра Сорокина, в сущности, является завершением партизанщины. Огромным напряжением партия сделала последнюю героическую попытку заменить партизанщину организованной Красной армией. Доклады с мест нарисовали картину развала армии. По докладам с мест была вынесена следующая резолюция: „С'езд заявляет, Красная армия, как нераздельная часть всего трудового народа не может отделиться от остальных трудящихся, никакое деление на тыловиков и фронтовиков в пролетарской России, превращенной в военный лагерь, недопустимо и никакого отдельного армейского управления, кроме военных органов ЦИК'а, быть не должно. С'езд поручает своему избранному органу довести центральной власти о нуждах Красной армии, приложить все усилия к обмундированию и снабжению армии. С'езд поручает своему ЦИК'у обратить самое серьезное внимание на воспитание армии, послать туда самых лучших партийных работников, проводить борьбу с контр-революцией, бандитизмом и хулиганством в своих рядах“.

С'езд постановил, чтобы все командующие колоннами, начальники дивизий и командиры полков немедленно дали в Реввоенсовет и ЦИК точные сведения о численности артиллерии, пулеметов и винтовок в частях и предложил ЦИК'у и Реввоенсовету для успешности ликвидации кадетских банд распределить, главным образом, артиллерию и пулеметы, равномерно между всеми частями Красной армии Северного Кавказа.

С'езд обязал революционную армию прекратить самочинные реквизиции и конфискации, не убивать перебежчиков и не добивать раненых.

О Сорокине с'езд принял резолюцию, предложенную фракцией большевиков, в которой бывший главком Сорокин объявляется вне закона. Обвинение, брошенное Сорокиным революционерам Северного Кавказа с'езд постановил считать подлой ложью и провокацией.

В приказе было объявлено:

„Товарищи бойцы!

Высший выразитель воли трудящихся, второй Чрезвычайный С'езд Советов Северного Кавказа приказал арестовать Командующего Сорокина и ряд других лиц.

Именем Реввоенсовета приказываю сохранить полное спокойствие и исполнять приказания только Чрезвычайного С'езда Советов.

Солдаты революции, помните, что мы боремся за право трудящихся—за Советы и кто пойдет против распоряжений Чрезвычайного С'езда Советов—величайший изменник и преступник.

Забудем личности и личные счеты и будем слушаться приказов высшего выразителя Красной армии и трудящихся—Чрезвычайного С'езда.

Да здравствуют Советы!

Да здравствует наш Чрезвычайный С'езд Советов!

Да здравствует защитница Советов Социалистическая Рабоче-Крестьянская Красная армия!

Член Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и член Реввоенсовета Одарюк.
За Начальника штаба т. Бугай“.

Избранная с'ездом чрезвычайная комиссия беспощадно расправилась с некоторыми из соучастников Сорокина.

Арест и смерть Сорокина описывает в своих воспоминаниях С. Петренко: „Сорокин со штабом, оркестром и конвоем, в'ехав в город, заметил, что ему готовится арест. Он повернул свою колонну обратно, выехал за город и, ускоряя ход, поехал в Надежду. Его выехала преследовать конница и автомобили. Конвой и конная сотня Крестьянского полка (очевидно, тоже узнавшие про отношение с'езда к Сорокину) сразу остановились и сдались. Щербина повернул в сторону, убежал и явился на ст. Курсавка к коменданту. Он был отправлен в Пятигорск, где выяснилась его непричастность к делу.

Сорокин со штабом был задержан и доставлен в Ставрополь. Никаких компрометирующих документов при нем найдено не было. Вскоре его отправили под конвоем в Невинку, но с полдороги возвратили, т. к. у Невинки шел бой.

Возвратили его в Ставропольскую тюрьму. Командир одного из Таманских полков, т. Высленко вошел в помещение, где находился Сорокин и спросил: „Который здесь Сорокин?“ Ему указали, тогда он тремя выстрелами из нагана убил Сорокина, почти в упор.

Когда его арестовали, он заявил, что действовал, согласно постановления с'езда, которым Сорокин объявлялся вне закона. Реввоенсовет, не желая вновь создавать раскол в армии „за“ и „против“ Высленки, постановил не привлекать его к ответственности. Гайчинец был расстрелян вскоре возле с. Благодарного сопровождавшим его конвоем“.

Между прочим, Батурина в своих воспоминаниях говорит, что при аресте Сорокина в его записной книжке были записаны фамилии Матвеева, Батурина, Ковтюха, Балахонова, Федько, Крайнего и Полуяна. Когда его спросили, что это означает, он ничего не ответил.

Авантюра Сорокина дорого обошлась 11-й армии. Белые провалили фронт в районе Невинномысской, и так как, благодаря Сорокину, несколько дней армия фактически оставалась без высшего командования, прорыв некому было ликвидировать. Это утверждает предреввоенсовета Ян Полуян. По словам т. Батурина, в этот период приказов с боевыми задачами из Реввоенсовета не поступало. В то же время уменьшались запасы боевых припасов и армия дезорганизовалась. После 10-го октября с Кавказской надвигались значительные силы противника. 26-го октября белые заняли Армавир, 5-го ноября—Невинномысскую, откуда бросили в тыл Таманской армии конницу. Против Таманской армии, захватившей Ставрополь, стояли корпуса Врангеля, Шкуро и Покровского. 15-го ноября было решено оставить Ставрополь.

После Сорокина командующим 11-й армии сначала был назначен т. Федько, затем Крузо и, наконец, с 3 января 1919 г. Левандовский.

2-й С'езд Советов избрал ЦИК в составе большевиков: Полуяна, Федько, Батурина, Швеца, Гришина, Петренко, Борисенко, Усагина, Гладкова, Акулова, Яковлева, Ткаченко, Войтика, Волика, Кереметчи, Ивахненко, Мамсурова, Анджиевского, Подвойского, Юркова, Старцева, Чуваева, Розенберга и „народников коммунистов“—Лехно и Данченко.

Вопрос о помощи Северному Кавказу еще ранее был поставлен в центре.

„...По приезде в Москву,—пишет Шляпников, бывший незадолго до этих событий на Северном Кавказе,—сообщил председателю Совнаркома В. И. Ленину о положении дел на Северном Кавказе, а потом сделал доклад о том же и на Совете Народных Комиссаров. По докладу было принято решение оказать немедленную помощь борющимся рабочим и крестьянам против белогвардейщины. Мне

было предложено повести через Московский Комитет партии агитацию среди рабочих и войск Московского района. В результате решений и агитаций были посланы на Северный Кавказ воинские силы и снаряжение. Лично меня СНК послал на военную работу, а РСВСР назначил членом Реввоенсовета Южного, только что организовавшегося фронта.

Будучи уже в штабе Южного фронта, в г. Козлове, я вновь поставил вопрос о непосредственной помощи Северо-Кавказским товарищам в их борьбе. Мои предложения в основном сводились к организации рабочих и крестьянских сил, находящихся в крае, вооружении их, использовании для борьбы с белыми со стороны Северного Кавказа и в его пределах против части казаков, шедших за белыми. В эту борьбу предполагал втянуть и горские народы, используя местные противоречия интересов и старую вражду горских народов по отношению к казачеству. План этот был принят Реввоенсоветом Южного фронта в конце сентября или в начале октября 1918 г.“ (Свечников, стр. 188—189).

К этому времени Реввоенсовет Республики решил уделить внимание Северному Кавказу. Тов. Шляпникову было поручено объединить операции войск в пределах Северного Кавказа.

22 ноября тов. Свечников был назначен командующим Каспийско-Кавказским фронтом.

17 ноября был образован Реввоенсовет 11 армии в составе: командующего армией—т. Федько и членов: т.т. Полуяна и Мамсурова, который 30 ноября заменен т. Одарюком, при чем в состав Реввоенсовета был включен Мдивани.

По приказу Реввоенсовета 11-й армии была произведена попытка ее реорганизации, путем сведения ее в 4 строевые дивизии, но реорганизация не удалась, изменились лишь названия. Численность армии к тому времени определялась в 90 тыс. чел. Отступившие от Ставрополя войска некоторое время держались на линии Овощи-Благодарное-Новосельце.

По словам Свечникова, войскам Каспийско-Кавказского фронта поставлено было задачей:

- 1) Очистить весь Северный Кавказ от белогвардейцев.
- 2) Утвердиться на берегах Черного и Каспийского морей, для чего первоначально занять порты: Новороссийск и Петровск.
- 3) Привлечь на свою сторону все народности Северного Кавказа для борьбы с белогвардейцами.
- 4) По занятии Северного Кавказа содействовать войскам Южного фронта для борьбы против войск, оперировавших в пределах Донской области и Кубани.
- 5) Совместно с Каспийской военной флотилией помочь бакинскому пролетариату изгнать английские оккупационные войска из Азербайджана, свергнуть партию муссават и восстановить Советскую власть.
- 6) Уничтожить белогвардейскую Каспийскую военную флотилию (бичераховский флот).

Ближайшими задачами ставилось овладение линией железной дороги Царицын—Тихорецкая—Новороссийск, с одной стороны, и портом Петровск, с другой, как основными базами для дальнейшего наступления на север и юго-восток. Операции на севере предполагалось вести совместно с частями Южного фронта, а на юго-востоке—при содействии Каспийской военной флотилии“. (Стр. 45—46).

Несмотря на тяжелое положение армии—недостаток патронов и снарядов, которые приходилось подвозить на большое расстояние по

степным пространствам, несмотря на недостаток обмундирования, несмотря на наступившие морозы, разбросанность позиций, паническое настроение войск после отступления, недостаток опытного командного состава, неустойчивость мобилизованных частей и общую деморализацию,—в декабре все-же было предпринято наступление, которое развивалось вначале довольно удачно. Но после прорыва началось беспорядочное отступление войск. Части Таманской армии отступали на Святой Крест, а главные силы—по линии железной дороги на Моздок—Кизляр. Непрерывно бои препятствовали приведению армии в порядок.

Последний удар отступавшей в беспорядке армии нанес тиф.

По словам предреввоенсовета 11 армии Яна Полуяна: „самая главная причина—это эпидемия тифа, по данным медикосанитарного отдела, в начале января с. г. насчитывалось до 40 тысяч больных, ежедневно поступало около тысячи больных. Армия таяла не по дням, а по часам: начальник 2-й Стрелковой дивизии т. Науменко и военкомдив т. Скворцов в своем донесении сообщают, что в дивизии осталось всего лишь 600 штыков (см. донесение за № 123). Было открыто 250 лазаретов, весь медицинский персонал был мобилизован, 75% которого выбывало из строя. Медикаментов не было, не хватало медицинского персонала. Можно определенно сказать: не кадеты разгромили армию, а более страшный враг—эпидемия тифа.

Столь страшная заболеваемость объясняется скученностью населения (из Куб. обл. и Черн. губ. при отступлении армии ушло свыше 100 тысяч беженцев) истощенных красноармейцев, по 9—10 месяцев сидевших в окопах бесценно“.

Между тем белые продолжали наступление. 17-го января белогвардейцы заняли Нины (Романовку) и Массовскую, отрезав Астрахань, где находилась база 11-й армии, Якшуль и Святой Крест. Одновременно Шкуро повел наступление на Минеральные Воды, Железноводск, Ессентуки и Кисловодск. Пятигорск был занят несколькими десятками тысяч тифозных больных. За армией отступало свыше 60 тысяч беженцев. 20-го января Пятигорск был занят отрядом Д. А. Красная армия покатила к Кизляру, где предполагалось задержаться до навигации. Однако, со стихийным отходом армии уже никто не мог совладать. Несмотря на то, что Реввоенсовет 11-й армии 22-го января (вместе с т. Орджоникидзе) после совета в вагоне на ст. Прохладной, решил отступить за Терек—армия продолжала продвигаться по линии Моздок—Кизляр, преследуемая наседавшим противником. Отряды Шкуро заняли 25-го января станицы Зольскую, Марьинскую, Баксан, Нальчик. 26-го были заняты Котляревская и Прохладная. Добровольческая армия занимала Государственную, Екатериноградскую и Моздок.

Была еще надежда на помощь 12-й армии, под прикрытием которой предполагалось привести в порядок 11-ю армию. 28-го января на помощь 11-й армии прибыл Ленинский полк 12-й армии, но на ст. Мекенской он вместе с некоторыми частями 11-й армии потерпел поражение, несмотря на то, что ленинцы дрались стойко. 4-го февраля в Кизляре состоялось заседание Реввоенсовета 11-й армии, совместно со штабом 1-й стрелковой дивизии 12-й армии. На этом совещании представители 12-й армии т.т. Мейер, Ганин и Шеболдаев на вопрос командующего 11-й армии Левандовского о помощи 11-й армии, чтобы она могла получить недельную передышку и привести себя в порядок, ответили, что 12-я армия на помощь прийти не может. Тогда-же части 12-й армии покинули Кизляр. 11-й армии было приказано

отступать к Астраханской губернии в район Оленичево, Лагани, Промысловки, Яндык, Михайловки, Бассов и Николаевки.

Каково было в этот период настроение армии? В Кизляре, несмотря на обращение штаба 11-й и 12-й армий об обороне, армия рвалась вперед в Астраханские степи. Лишь благодаря командующему 11-й армией тов. Левандовскому, удалось спасти значительную часть армии, 80 орудий, 300 пулеметов и огромное количество винтовок.

Отступление через Астраханские степи остатков 11-й армии является одной из трагических страниц революционной борьбы на Северном Кавказе. Вот что пишет один из участников похода А. Рондо в своих воспоминаниях („Перед концом“, „Путь коммунизма“ № 1, Краснодар, 1922 г.).

„Не найдется слов описать тот ужас, который царил здесь в период продвижения отступающей армии. Я до сих пор не могу уяснить, как я не сошел с ума за это время, как я не застрелился, когда вокруг меня происходили десятки самоубийств, когда присланный мне в помощь этапный комендант т. Лебедев не мог пробить на этапе и трех суток, чтобы не поехать с докладом в Реввоенсовет и когда там ему отказали в помощи (не выдали продовольствия), он покончил с собой выстрелом из револьвера, в помещении же Реввоенсовета... Он предпочел смерть возвращению в царство ужаса кошмара и смерти“...

Много трупов оставила 11-я армия на протяжении 400 верст пути до Астрахани. Но среди этих тяжелых картин встречаются и иногда иного рода моменты. Вот со слов т. Рондо о разговоре с китайцем Ленинского полка 12-й армии:

— Ходя, куда прешь?

— Родную Кубань защищать...

— Интернациональная картина,—замечает т. Рондо.—Для китайца Кубань—родина, пролетариату весь мир отечество“...

„В эти незабываемые дни—пишет в своих воспоминаниях т. Кочергин—мне приходилось видеть дикие картины, которые и сейчас встают перед моими глазами. Я, как бы сейчас, вижу замерзшую лошадь, а вокруг нее 15 замерзших красноармейцев; эту картину сменяет другая: среди сугробов лежит мертвая лошадь—обледеневшая, внутренности ее вынуты, вместо них туда забрались люди, люди—еще недавно бывшие убежденными, горячими революционерами, организованными воинами, превратившиеся в жалких, спасающихся от холода животных, искавших спасения в брюхе мертвой лошади и все-же замерзших.“

25.000 человек потеряла 11-я армия по пути от Кизляра до Астрахани замерзшими и умершими от эпидемии, но все же при невероятных тяжелых условиях отступления, сумела вывести 80 орудий, до 300 пулеметов и несколько тысяч винтовок“. (Воспоминания Г. А. Кочергина—„Очерки гражданской войны на Северном Кавказе“. С.-К. Истпарт).

По словам Свечникова, „усилиями командированных членов Реввоенсовета 12-й армии, лицами командного состава, выдвинутыми из Астрахани к Яндыки, удалось к 15—19 февраля окончательно организовать части 11-й армии и немедленно приняться за новую реорганизацию. Реввоенсоветом фронта решено было упразднить Реввоенсовет 11-й армии, все ее войска включить в состав 12-й армии“. (Цит. соч., стр. 150).

Последним откликом партизанщины была „кочубеевщина“.

Двум полкам кавалерийской дивизии Кочубея было приказано расквартироваться в Лагани и Оленчево, а одной двинуться к Вели-

чавой и Св. Кресту. Самому Кочубею было приказано явиться в штаб 12-й армии в Яндыки для получения указаний.

Приказ не был выполнен. Кочубею было приказано сдать оружие и расформироваться под угрозой расстрела каждого пятого бойца, на выполнение был дан срок 30 минут. Часть бойцов подчинилась, а Кочубей и 300—400 человек скрылись.

Кочубей был захвачен белыми и казнен.

В несколько лучших условиях находились части Таманской армии, отступавшей от Степного

Ставропольский Губисполком еще в декабре 1918-го года предполагал созвать 4-й Съезд Советов, но военная обстановка этого не позволила. Вместе с 11-й армией Губисполком эвакуировался в Астрахань. Надо заметить, что Ставропольская губерния много месяцев являлась плацдармом борьбы и ставропольское крестьянство снабжало 11-ю армию. Кроме этого старопольское крестьянство выставило до 60.000 партизан, боеспособность которых, правда, была чрезвычайно низка. Одной из причин неудачи борьбы с белыми в 1918 г. предвоенсовета 11-й армии Ян Полуян в своей брошюре „Очерки гражданской войны на Кубани“ считает переход целых полков ставропольских крестьян на сторону белых. Но хотя ставропольское кулачество и перешло на сторону белых, с партизанским движением против белых мы встречаемся в Ставропольской губернии весной 1919 г.

Отступление 11-й армии устранило с пути Добровольческой армии последнюю серьезную преграду.

Часть терского казачества, под командой Дьякова, боролась за Советскую власть.

Трагедия закончилась... Но надежда еще не была потеряна. Об этом телеграфировал В. И. Ленину т. Орджоникидзе:

„Москва, Ленину, Троцкому. Астрахань Шляпникову.

Одиннадцатой армии нет. Она окончательно разложилась. Противник занимает города и станции, почти без сопротивления. Ночью стоял вопрос покинуть всю Терскую область и уйти на Астрахань. Нет снарядов и патронов. Нет денег. Владикавказ, Грозный до сих пор не получали ни копейки денег. Шесть месяцев ведем войну, покупаем патроны по пяти рублей.

Владимир Ильич, сообщая вам об этом, будьте уверены (подробности почтой), мы все погибнем в неравном бою, но чести своей не опозорим бегством. Тогда положение может быть спасено, если вами будут переброшены сюда пятнадцать тысяч или двадцать тысяч свежих войск. Дайте патроны, снаряды, денег. Без Северного Кавказа взятие Баку и укрепление его—абсурд. Среди рабочих Грозного, Владикавказа непоколебимое решение сражаться и не уходить. Симпатии горских народов на нашей стороне.

Дорогой Владимир Ильич, в момент смертельной опасности, шлем вам привет и ждем вашей помощи. Орджоникидзе. (Свечников. Цит. соч., стр. 221).

Но под напором добровольцев Грозненский совет и Красная армия 4-го февраля 1919 года оставили Грозный без боя. Под станицей Закан-Юртовской грозненцы потерпели поражение и были окончательно разгромлены в ст. Ассиновской. Много бойцов легло здесь, а оставшиеся отступили в горы Чечни и Ингушетии.

Владикавказ был плохо осведомлен о событиях и почувствовал угрозу лишь тогда, когда сюда докатилась волна беженцев, которые принесли с собой панику и тиф. Не хватало ни медицинской помощи, ни помещения, ни медикаментов. На Владикавказ надвигалась дивизия

генерала Шкуро, которой Терский Народный Совет мог противопоставить лишь 2-3 полка под командой т. Гикало. Народный Совет обратился за помощью к горцам. В ингушское селение Базоркино была отправлена делегация, которая договорилась с ними о совместных действиях против Шкуро. Разрозненные революционные горские отряды не были объединены и впоследствии были разбиты по частям. Все же на подступах к Владикавказу ингуши задержали Шкуро на две недели. Под Далаково они шли с кинжалами на длинных шестах. Участвовала в боях и Кабардинская дивизия, под начальством Катханова, а также „керженисты“. После разгрома ингушей, отряд Шкуро 2-го февраля подступил к Владикавказу, осада которого продолжалась 10 дней, пока у защитников не истощились запасы патронов. 11-го февраля Владикавказ был занят Шкуро. Красные части отступили по Военно-Грузинской дороге на Тифлис. Во Владикавказе было расстреляно 18.000 красноармейцев.

Лишь после инсценировки боя, остатки Красной армии вступили в Грузию, где были разоружены, при чем большинство товарищей было арестовано и посажено в Метехский замок.

Значительная часть русских красноармейцев, кабардинцев и горцев-керженистов укрылись в горах Ингушетии и Чечни, куда ушел со своим отрядом тов. Гикало.

Но с занятием Владикавказа борьба на Тереке не закончилась. На пути Добровольческой армии в Дагестан стояли горские народы. Началось второе покорение Кавказа, не менее кровопролитное, чем первое. Горские буржуазные националисты, вместе с горскими феодалами-помещиками и духовенством (имам Гоцинский), совершили очередное предательство „своих“ народов.

Это предательство совершило, так называемое Горское правительство, во главе с кабардинцем Пшемахо Коцевым, в которое входили Халилов, князь Тарковский, Чермоев и др., находившиеся в Темир-Хан-Шуре.

Советская власть пала в Дагестане в декабре 1918 года, не выдержав борьбы с фанатиками имама Гоцинского, английского агента Лазаря Бичерахова и крупнейшего помещика Дагестана князя Тарковского. В ноябре 1918 года в Дагестан, вместе с турецкими войсками, явилось из Тифлиса Горское правительство, действовавшее от имени фантастического горского Меджелиса, якобы заседающего в Тифлисе. Глава этого правительства Пшемахо Коцев еще в начале мая 1918 года на Батумской мирной конференции присутствовал в качестве делегата правительства Союза горцев Северного Кавказа, объявившего об отделении Северного Кавказа от России. В декабре, после германской революции, турецкие войска вынуждены были отступить из Дагестана, и на Кавказе появились английские цветные войска из Персии. Англичане становятся хозяевами положения.

Но Горское правительство осталось, к нему лишь был прикомандирован англичанами полковник Роулингсон.

Кабарду заняли банды Серебрякова, терроризовавшие кабардинское крестьянство. Началась расправа с революционерами. В Малой Кабарде, в с. Абаево, которое оказало белогвардейцам сопротивление, погибло более 100 человек. Здесь белогвардейцы расстреляли отца Катханова—80-ти летнего старика. Родственник тов. Калмыкова—Хажимахов, после истязания плетью, был повешен в Нальчике, а отец и 12-ти летний брат расстреляны. Правителем Кабарды был назначен князь Бекович-Черкасский—крупный помещик. По словам кабардинских крестьян „нет семьи бедняка крестьянина, где не досчитывалось бы брата, отца, сына, дочери, мужа“.

Революционный ингушский народ, дважды защищавший Владикавказ от белогвардейцев: в августе 1918 года и в феврале 1919 г.—не мог выдержать напора отрядов Шкуро, Улагая и Покровского. В июне Ингушетия восстала, не желая подчиниться приказу о мобилизации. В ответ на это восстание в Ингушетии было разгромлено 6 аулов (Сурхохи, Экажево и др.) и убито до 1500 человек.

По Осетии прошли карательные отряды полковников Икаева и Дорофеева, генерала Водбольского и др. Особенно мстили белогвардейцы революционной Дигории, гнезду керменистов.

Надо заметить, что еще в 1918 году по инициативе ЦК партии „Кермен“ была организована Северо-Кавказская горская организация РКП, в состав которой вошла партия „Кермен“. Эта организация объединила всех революционных горцев на классовой основе, издавала первую марксистскую газету „Горская беднота“. В Дигории отряд Шкуро 28-го апреля 1919 года, осадил селение Христиановское, куда отступили керменисты. Селение окружило 8000 казаков, на него было направлено более 100 орудий. Здесь Шкуро потерял до 1000 человек. Борьба продолжалась на улицах, в ней принимали участие даже женщины. После занятия Христиановского, все жители были выгнаны из селения. Отряду керменистов все-же удалось вырваться из Христиановского, но член ЦК партии Кермен—Георгий Цаголов погиб от 18 штыковых ран. Селение было разгромлено и разграблено генералом Водбольским, и правителем Осетии был назначен полковник Хабаев. Однако, керменисты, ушедшие в горы, боролись 3^{1/2} месяца и лишь потом отступили в Грузию, где были разоружены грузинскими меньшевиками.

Особенно серьезное сопротивление добровольцы встретили в Чечне. Еще на 5-м съезде трудовых народов Терской области, чеченский коммунист Аслабек Шерипов сказал: „Чеченская Красная армия теперь уже созрела, что настало время, когда надо плечом к плечу со всеми красноармейцами биться с контр-революционерами всего мира. Помню дни, когда шейхи и муллы вызывали всеобщее поклонение, а теперь говорят, что они погубили нашу землю и только беднейшие из мулл призвали Советскую власть и нашли в себе мужество поддерживать Гойтинский совет. Все остальные же из них, кто заключил союз с казаками, кто с турками, кто с Чермоевым, кто с англичанами. Красная армия Чечни в этот грозный момент не намерена лгать. Она клеймит выступающих против Советской власти наймитов английского капитала. Чеченская Красная армия не за страх, а за совесть просит послать ее на любой фронт и в любое время она будет бороться с контр-революцией... Мы верим в нашу победу над контр-революционными шейхами и муллами, мы верим в нашу победу больше, чем шейхи и муллы в коран и шариат. Да здравствует Советская Республика!

Да погибнет авантюра Чермоева! Создается грозное положение. Чеченский и ингушский народы понесут тяжелые жертвы, но эти жертвы будут для освобождения от капитала. Мы вам заявляем, что скоро настанут дни, когда вы убедитесь, что вам мы не лгали, а говорили чистейшую правду“.

Эти дни настали. Правда, вначале не все чеченцы оказались на стороне революции. Так, один отряд Красной армии, вступивший в Чечню, подвергся поголовному ограблению со стороны чеченских контр-революционеров, при чем 700 человек было выдано добровольцам после разгрома казаками некоторых чеченских и ингушских аулов на плоскости. Точно также чеченцы аула Ачхой-Матановского пытались

разоружить части Кабардинской дивизии, отступившей в Чечню. Но это были отдельные случаи. Чечня, с укрывшимися в горах красноармейцами, представляла серьезную опасность в дальнейшем продвижении в Дагестан Добровольческой армии. И когда Чечне был предъявлен ультиматум—выдать красноармейцев, Чечня отказалась.

Началась борьба. 8-го марта отряд казаков подступил к революционному аулу Гойты, где было много красноармейцев. На помощь красноармейцам пришли чеченцы из соседних аулов и казаки были разбиты наголову. Это сопротивление было совершенно неожиданно для Добровольческой армии, тем более, что Горское правительство готово было сдаться на милость победителя и дало согласие „на покорение“ Чечни.

В качестве характерного документа приводим обращение к чеченцам генерала Шатилова.

„В аулы Алхан-Юрт, Гехи, Урус-Мартан, Атаги, Чечен.“

Сегодня по приказанию начальства, я предпринял наступление на аул Гойты для захвата от скрывшихся там большевиков и для ликвидации там большевизма, в районе близком от частей Добровольческой армии. Наступление это велось с ведома и одобрения Горского правительства, при чем в нем должны были принять участие части Дагестана и чеченских полков. Несмотря на предупреждения мои в некоторые аулы, что я вовсе не веду борьбу с чеченским народом, что я доказал тем, что проходил мимо попутных аулов и даже не оставлял никакой охраны, показывая им тем свое доверие. Вместе с тем, имея под своей командой многочисленные части терских казаков и зная обостренные отношения между чеченцами и терскими казаками, я не взял с собой ни одного терского казака. Однако, доверие мое оказалось ошибочным. Все окрестные аулы поднялись против меня и стали нападать на меня со всех сторон,—аул же Алхан-Юрт, который я мог снести с моего пути, напал на моих отдельных людей, шедших в тыл, ограбил их и убил. Все это показывает насколько чеченский народ не уяснил себе задачу Добровольческой армии, которая не ищет покорения народов, а цель бороться с большевизмом, если чеченский народ не хочет одуматься и если селение Гойты, северную часть которого я сегодня занял, не пришлет своих представителей для принятия моих условий по выдаче большевиков и других, то буду принужден действовать уже не так слабо, как сегодня, а беспощадно карать всякое сопротивление мне. Сегодняшний день я выеду в Грозный, где буду ждать немедленного прибытия представителей от аула. Надеюсь, что народ одумается—не заставит меня принять меры, которые я сам бы не хотел“.

26-го марта Добровольческие части снова начали наступление на Чечню. В борьбу была вовлечена вся Чечня, во главе борьбы чеченского народа стоял вождь чеченской бедноты Асланбек Шерипов и т. Гикало. В этой борьбе аул Алхан-Юрт в течение 3-х дней подвергался разгрому тяжелой артиллерии, пока, наконец, чеченцы не выдержали и отступили. Аул Алхан-Юрт был сожжен. За все время борьбы чеченцев с добровольцами, последними было сожжено и разрушено 22 аула, убито и ранено 3000 человек. Население обкладывалось контрибуцией и было совершенно терроризовано.

Чеченская буржуазия, Чуликов и другие—заключили мир с Добровольческой армией на условии выдачи красноармейцев, контрибуции, мобилизации и т. д.

1-го июня Добровольческие отряды вступили в Дагестан. Деникин не признал Горского правительства.

Разгромив при помощи Горского правительства горскую бедноту, генерал Деникин отшвырнул его от власти и назначил правителем Дагестана военного министра Горского правительства генерала Халилова. Остался у власти в качестве муфтия и имам Гоцинский, а Горское правительство бежало в Тифлис. Правда, Горское правительство вначале пыталось договориться с Деникиным, но вожди Добровольческой армии прекрасно понимали, что Горское правительство ни на кого не опирается.

Лишь в процессе революционной борьбы, горские массы поняли, что интересы горского крестьянина и русского крестьянина одинаковы, точно так же, как одинаковы интересы феодалов и буржуазии, казачьих верхов, горского и русского офицерства.

Власть князей Бековичей—Черкесских, Хабаевых и Халиловых опиралась на штыки ненавистных горцам „галгасков“, т. е. казаков и добровольцев.

Эта борьба с Добровольческой армией, казачьими верхами и горскими феодалами закрепила союз горского крестьянства с русским крестьянством и рабочим классом. Поколебалось влияние духовенства, и имам Гоцинский, выступавший в союзе с офицерами, получил впоследствии ироническое название „Ивана“.

Совместная революционная борьба против Добровольческой армии поколебала также национальные перегородки. Ингуши, чеченцы, кабардинцы и осетины должны были рука об руку с русским пролетариатом бороться против деникинщины и горских феодалов. Так, в момент падения Советской власти на Сев. Кавказе создавалась необходимая предпосылка для ее существования.

Эта борьба также подрывала и родовой быт.

Один из осетинских революционеров К. Гарданов пишет: „Капитал поглотил узы родства и сроднил такие противоположные полюсы по национальной линии, как казаки и иронское офицерство (контр-революционеры), дигорцев, рабочих Владикавказа и грузинские отряды Гегечкори (защитников завоеваний Октябрьской революции). Родовые связи и кровная месть за родича, диктуемые патриархальным бытом, оказались иллюзией“. Он приводит случай, когда кровники в селении Христиановском Уруймагов А. и Такоев Т. пали от пуль казаков в одних окопах и „послужили примером мира между кровниками нашего селения“ (Извест. Осетин. Инст. Краеведения. Вып. 1-й Владикавказ, 1925 г., стр. 210—11).

КРАСНОВ. КУБАНСКАЯ РАДА. ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ. ГОРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Власть белых на Северном Кавказе охватывает период с 8-го мая 1918 г., когда Ростов был захвачен отрядом Дроздовского, до 8 января 1920 г., когда Ростов заняла конница Буденного. Однако, как мы видели, волна контр-революции надвигалась на Северном Кавказе с севера на юг; Екатеринодар был занят Эрдели 16 августа, Новороссийск 26 августа, Ставрополь (окончательно) 15 ноября, Пятигорск 20 января 1919 года, Грозный 4 февраля того-же года, Владикавказ 11 февраля. К Дагестану же Добровольческая армия подошла лишь к 1 июня 1919 года.

Следовательно, почти год понадобился Добровольческой армии на то, чтобы разбить упорное сопротивление 11 и 12 армий. В то время, как на севере Краснов, собрав значительную армию, надвигался на Советскую Россию, на Тереке, в горах Чечни и Дагестана Добровольческой армии еще приходилось преодолевать сопротивление распылившихся красноармейских отрядов и горцев, с героизмом отчаянья защищавших каждую пядь земли.

Продолжительность власти белых различна для отдельных частей Северного Кавказа, что видно из следующих дат:

Г о р о д	Время падения Сов. власти	Время занятия Красной армией
Ростов	8 мая 1918 года.	8 января 1920 г.
Краснодар	16 августа 1918 г.	17 марта 1920 г.
Новороссийск	26 августа 1918 г.	24 марта 1920 г.
Ставрополь (был занят белыми с 8—21 июля по окт. 1918 г.).	15 ноября 1918 г.	1 марта 1920 г.
Пятигорск	20 января 1919 г.	16 марта 1920 г.
Грозный	4 февраля 1919 г.	24 марта 1920 г.
Владикавказ	11 февраля 1919 г.	30 марта 1920 г.

Таким образом, больше всего продержалась власть белых на Дону—1 г. 8 мес. и на Кубани—1 г. 4 мес. и меньше всего на Тереке—1 г. 1 мес.

Решающее значение для торжества контр-революции на Северном Кавказе имела германская оккупация. Во-первых, продвижение германской армии на Дон прямо и непосредственно решило здесь исход борьбы в пользу контр-революции; во-вторых, преследуя свои цели, германское командование объективно содействовало осуществлению планов генерала Алексева, создав из германских штыков завесу, отделившую казачьи области от России, и тем самым дав возможность вырасти Добровольческой армии и физически и политически до весьма внушительных размеров.

Северо-Кавказская контр-революция это—сумма нескольких слагаемых: германо-турецкого империализма, союзного империализма, кулацко-казахской контр-революции, меньшевистско-эсеровской контр-революции, горской контр-революции (панисламизм, пантюркизм и национализм) и, наконец, помещичье-буржуазной реакции, представительницей которой являлась Добровольческая армия. Эти силы, различные по своему значению и целям одновременно вступали в борьбу, сталкивались между собой, снова заключали союз, пока, наконец, этот контр-революционный конгломерат не рассыпался, с одной стороны, в силу внутренних противоречий, с другой—под ударами Красной армии извне и восставших против белогвардейщины сил на Северном Кавказе.

Красновщина—совершенно самостоятельная глава в истории Северо-Кавказской контр-революции. Эта глава наиболее ярко показывает, как империалистическая война превращается в гражданскую войну.

Тотчас же после падения Советской власти на Дону в Новочеркасске собрался „Круг спасения Дона“ из представителей Временного Донского правительства и воинских частей, избравший 9-го мая 1918 года Временное правительство в составе: председателя Г. П. Янова, тов. председателя—Светозарова и Бабкина. 16 мая, при содействии немецкого командования, атаманом был избран монархист Краснов. Началась реставрация дореволюционной России.

Приказом № 1 „Круг спасения Дона“ установил ношение погон, Ростовская и Нахичеванская думы были распущены, 8-ми часовой рабочий день был уничтожен, были отменены положения о фабрично-заводских комитетах и советах старост и упразднен контроль над производством. В дальнейшем полнота власти до созыва Большого Войскового Круга была вручена Краснову, который объявил, что „впредь до издания свода законов Всевеликое Войско Донское управляется на основании законов Российской Империи“. Законы Временного Правительства были отменены. Этот шаг вызвал протест буржуазии. 16 мая объединенное заседание биржевого и торгово-промышленного комитетов в Ростове в своей резолюции заявило, что, „торгово-промышленный класс вынужден стать в оппозицию к Войсковому правительству“. На объединенном заседании Ростовской и Нахичеванской городских дум 19 мая была принята резолюция, требующая соблюдения законов Временного Правительства, „чтобы власть в Донской области принадлежала всем слоям населения и была создана ближайшим Войсковым Кругом и съездом казацкого населения“. Протестовали и кооператоры, пославшие к Краснову делегацию.

При содействии и по совету германского командования в Донской области создается монархическая Южная армия, в противовес Добровольческой.

Через герцога Лейхтенбергского Краснов писал Вильгельму о признании Дона самостоятельным государством. На заседании Большого Войскового Круга Краснов по этому поводу сказал: „Я обратился с письмом к императору Вильгельму. Я писал ему как равный суверенный властитель пишет равному. Я указывал ему на рыцарские чувства обоих воинственных народов—германского и донских казаков и просил его содействия в признании нас самостоятельным государством в передаче нам Таганрогского и Донского округов и в помощи оружием. Взамен этого я обещал, что войско Донское не обратит своего оружия против немцев, будет соблюдать по отношению к ним нейтралитет и продаст избыток своих продуктов, который продавался за границу преимущественно им. Письмо возымело свое действие. 26-го

июня подписан договор между Украиной и Доном, в котором Всевеликое Войско Донское остается неприкосновенным. Этим договором мы обязаны исключительно давлению германского командования на Украину. Мы получили оружие“... (С. Пионтковский—„Гражданская война в России“, изд. Ун—та им. Я. Свердлова, М—1925 г., стр. 417).

В своем письме к императору Вильгельму от 28-го июня 1918 г. атаман Краснов сообщает о заключении союза Дона с главою Астраханского войска Сундутовым и Кубанского—Филимоновым, о создании федеративного государства, в которое предполагалось включить Терек и народы Северного Кавказа.

Краснов уполномочивает своих „послов“ „Просить Ваше Величество оказать давление на Советские власти Москвы и заставить их своим приказом очистить пределы Всевеликого Войска Донского и др. держав, имеющих войти в Доно-Кавказский Союз от разбойничьих отрядов Красной гвардии. Просить Ваше Императорское Величество помочь молодому нашему государству орудиями, ружьями, боевыми припасами и инвентарным имуществом, и если признаете это выгодным, устроить в пределах Войска Донского оружейный, ружейный, снарядный и патронный заводы“.... (Там же, стр. 429).

Помимо дружественного нейтралитета и торговых преимуществ Краснов предлагал „предоставить германской промышленности особые льготы по помещению капитала в донские предприятия промышленные и торговые, в частности по устройству и эксплуатации новых водных и иных путей“ (Там же, стр. 439).

На 15 августа (ст. ст.) 1918 г. был созван Большой Войсковой Круг. Он принял основные законы, по которым Всевеликое Войско Донское объявилось самостоятельным государством „основанным на основах народоправства“. Законодательной властью являлся Войсковой Круг, а исполнительной—атаман.

В „Основных законах Всевеликого Войска Донского“, мы читаем:

„1. Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное государство, основанное на началах народоправства.

2. Верховная и законодательная власть в пределах Войска Донского принадлежит Войсковому Кругу.

3. Высшая исполнительная власть во Всевеликом Войске Донском принадлежит донскому атаману. („Основные законы“ разд. 1, главы 1).

Мы уже говорили о казачьем „народоправстве“.

7-го февраля (ст. ст.) 1918 г. товарищ донского атамана Богаевский на заседании Малого Войскового Круга перед крахом калединыщины сказал: „Большевики в большом числе среди иногородных. Вернувшись к власти, казачество вовсе не собиралось делить ее с иногородными. В „Положении“ о выборах на Большой Войсковой Круг, сказано:

„1) Большой Войсковой Круг образуется из членов, избранных населением на основе всеобщего (без различия полов) и равного избирательного права, посредством прямых выборов и тайного голосования, по наибольшему числу голосов“. Но казачество не доросло даже до буржуазной демократии. Пункт 3-й „Положения“ преобразовывает буржуазную демократию в казачью, сословную. „Правом участия в выборах на Большой Войсковой Круг,—читаем мы,—пользуются: а) донские казаки и казачки, которым ко дню выборов исполнится 21 год... б) те лица, неказачьего сословия, которые принимали участие в борьбе с большевиками... и о которых состоялись приговоры о принятии их в казачество“. По этому „Положению“ даже чины постоянной армии, к формированию которой при-

ступил Краснов, были устранены от власти. Между тем, статья 71 „Основных законов“ гласит: „Все сословные привилегии и сословия отменены“.

О возрождении „Единой Неделимой“ на Войсковом Круге не было и речи, по той простой причине, что эта задача не входила в планы германского командования и в расчеты казачества.

Круг целиком одобрил политику германофила Краснова и по внешним сношениям принял следующую резолюцию, в которой о „доблестных союзниках“ не было сказано ни слова.

Круг постановил:

„1. Одобрить общее в отношении центральных держав направление политики правительства, основанной на принципе взаимного и равноправного удовлетворения интересов обеих сторон в практических вопросах, выдвигаемых жизнью, без вовлечения Дона в общую борьбу ни за, ни против Германии.

2. Приветствовать наладившиеся добрососедские отношения с родственной Украиной и указать правительству на необходимость дальнейшего сближения в общих интересах Дона и Украины.

3. Выразить чувства горячей симпатии Дона к Добровольческой армии, с которой Дон связан в прошлом кровью своих лучших сынов, пролитой во имя общих идеалов, а в настоящем—стремлением к одной цели—победе над большевиками.

4. С братской Кубанью, с которой Дон рука об руку прошел весь крестный путь революции, с которой у нас одни мысли, одни чувства и желания, необходимо самое тесное сближение. Год тому назад на Кубани и на Дону родилась мысль об образовании Юго-Восточного союза, тесная, кровная и экономическая связь Дона с Кубанью и Терекком и других частей Юго-Восточной России должна привести к соединению этих областей в один государственный организм“. (Принята 31-го августа по ст. ст.).

Однако этот Круг не был хозяином Дона. В Новочеркасске хозяевами были немецкий ротмистр Фрейберг и Энгельс, в Ростове—майор Беккенгаузен, прикомандированный к Краснову. Краснов и немецкие войска рука об руку действовали против красных войск. Так, в 1918 г. восстание в Богучарском уезде было подавлено Красновым при помощи немецких войск. Немцы вели с Красновым переговоры о ликвидации Батайского фронта, о взятии Царицына, и даже признавали необходимым соединить немецкие и донские силы под общим командованием.

Германское командование и Краснов грабили, так сказать, „исполу“. 30 августа на заседании Большого Войскового Круга генерал Богаевский сообщил, что Донское правительство получило с румынского фронта оружия и снаряжения на 10.000.000 рублей, при чем половину захваченного у Красной армии оружия немцы передают Донскому правительству.

Но совместными действиями против большевиков далеко не ограничивались планы немецкого командования. В планы немцев входило создание на Северном Кавказе самостоятельного государства под протектором немцев. Вопрос о создании Юго-Восточного Союза неоднократно поднимался Красновым. Так, 28-го июня 1918 г. в Новочеркасске под председательством Краснова было устроено собрание представителей казачьих территорий по вопросу образования Юго-Восточного Союза. Подобное же заседание снова состоялось 4-го июля, на котором, кроме генерала Краснова и представителя Кубанской Рады П. Л. Макаренко, присутствовал также представитель Астраханского правительства Хриштофович и Пшемахо Коцев.

По словам Г. Покровского („Деникинщина“, стр. 30—33), „проект образования Юго-Восточного Союза был выработан 8-го июля 1918 г. и доставлен П. Л. Макаренко при официальной бумаге. А позднее тот же майор Беккенгаузен в официальном разговоре с П. Л. Макаренко высказывал свое искреннее желание и радость видеть Кубанскую область самостоятельным государством во всех отношениях и, конечно, вступающим и организуемым Юго-Восточный Союз“.

Был выработан следующий проект: „Доно-Кавказского Союза“.

1. Доно-Кавказский Союз состоит из самостоятельно управляемых государств: Всевеликого Войска Донского, Кубанского войска, Терского войска, Астраханского войска и Союза Горских Народов Северного Кавказа и Дагестана, соединенных в одно государство на началах федерации.

2. Каждое из государств, составляющих Доно-Кавказский Союз, управляется во внутренних делах своих согласно с местными законами на началах полной автономии.

3. Законы Доно-Кавказского Союза разделяются на общие для всего Союза и местные, каковые каждое государство имеет свои.

4. Доно-Кавказский Союз имеет свой флаг, свою печать свой гимн.

5. Во главе Доно-Кавказского Союза стоит Верховный Совет из атаманов (или их заместителей) Донского, Кубанского, Терского, Астраханского и главы союза горцев Северного Кавказа и Дагестана, избирающих из своей среды представителя, который приводит в исполнения постановления Верховного Совета.

6. При Верховном Совете периодически собирается не менее раза в год сейм представителей от населения государств, входящих в Доно-Кавказский Союз.

7. Сейм собирается распоряжением Верховного Совета, объявленным через его председателя и вырабатывает общегосударственные законы, утвержденные Верховным Советом.

8. Доно-Кавказский Союз имеет общую армию и флот. Командующий всеми вооруженными силами Союза назначается Верховным Советом.

9. Доно-Кавказский Союз имеет следующих общих министров, назначаемых Верховным Советом: иностранных дел, военного, морского, финансов, торговли и промышленности, путей сообщения, почт и телеграфа, государственного контролера и государственного секретаря“ и т. д. (Г. Покровский „Деникинщина“, стр. 30—33).

20-го сентября по старому стилю Войсковой Круг подтверждает необходимость создания Юго-Восточного Союза и выносит следующую резолюцию:

1. Признать, что Юго-Восточный Союз, образованный договором 20-го октября 1917 г., юридически существует, так как никто из членов Союза не заявил о выходе из Союза и не отозвал своих представителей из Об'единенного правительства.

2. Условия данного момента диктуют крайнюю необходимость наискорейшего фактического воссоздания деятельности Союзной власти.

3. В силу изменившейся политической обстановки необходим пересмотр, изменение и дополнение некоторых статей Союзного договора и

4. Означенные изменения и дополнения Союзного договора согласно п. 17 его должны быть произведены в порядке созыва Конференции членов Союза“.

Однако Юго-Восточный Союз фактически не существовал, так как Кубань и Терек находились под пятой Деникина.

Хотя Кубанская Законодательная Рада 9-го мая в ст. Мечетинской и заключила союз с Доном о совместной борьбе с большевиками, но уклонилась от красновского проекта Доно-Кавказского Союза.

В этот период (весной 1918 г.) Добровольческая армия не могла быть серьезной угрозой германскому командованию, но все же зарождение новой силы несколько беспокоило немцев.

„Немцы,—читаем мы в дневнике Эрдели,—разрешили сформировать на Украине четыре корпуса, однако, не раньше ноября... и есть данные, что если бы мы двинулись на север в Россию, то они нам будут препятствовать, но соблюдая всяческую корректность (так говорится в переведенной немецкой телеграмме). Очевидно, они хотят нас запереть здесь на юге, чтобы мы не попали в Россию... А если они запрут нас у Царицына, то нам будет трудно, так как Дон и Волга сходятся на 60 верстах и т. д.“

31-го мая (ст. ст.) он записывает: „Немцы уже показывают зубы и начинают уже поговаривать, что видят в нас самих врагов“ 31-го июня (ст. ст.) во время успехов Добровольческой армии, он пишет: „Патронов опять мало, так как Дон обещанного не присылает и Краснов, повидимому, совсем во власти немцев. Немцы проводят свои идеи расчленения России“.

Добровольческая армия являлась препятствием на пути осуществления Юго-Восточного Союза. Так, Краснов, 20-го мая 1918 г. письменно просил ген. Деникина оставить кубанцев самих бороться с большевиками, а Добровольческой армии идти взять Царицын, а затем двигаться „историческими путями“ на Москву. 23-го мая ген. Деникин ответил ген. Краснову отказом. (Уведомление пред. Куб. Краев. правит. П. Л. Быча на имя уполном. П. Л. Макаренко от 2-го июня 1918 г., Г. Покровский „Деникинщина“, стр. 35).

В этой борьбе германо-турецкого и англо-французского империализма Кубанская Рада оказалась между двумя стульями.

Чтобы избежать включения в состав РСФСР, на чем настаивал Раковский, Кубанская Рада склонялась к федерации с Украиной. Делегированный на Украину Н. С. Рябовол на мирной конференции просил Украину иметь в виду Кубань при заключении договора с Советской властью.

Политика генерала Краснова нашла себе дополнение в лице реакционного романтика М. П. Агеева, тов. председателя Большого Войскового Круга, который договаривался по оказачиванию крестьянства. „Когда это осуществится,—писал он,—тогда на Юго-Востоке получится сплошное казачье море из Дона, Кубани, Терека, когда можно будет из Михайловской станицы на Севере Хопра или Островской станицы на севере Медведицы добраться до Каспия или Черного моря, ни на один час не выходя из родственной казачьей среды, от станицы к станице, от хутора к хутору. В этой мысли нет ни тени агрессивности или какого-либо империализма. Она подсказывается инстинктом самосохранения казачьего облика и психики“. (Г. Покровский, цит. соч., стр. 46—47).

Это—казачья поэзия, за которую скрывалась кровавая проза. Казачьи верхи жестоко мстили крестьянскому иногородному населению. В Сальском округе у оставшихся иногородных был отобран калмыками скот. Станица Платовская была „крепостной у оказаченных калмыков. Мартыновка и Орловка один день работали на казаков-калмыков“. Под влиянием белого террора крестьянство восставало против красновщины. В начале декабря крестьяне села Калмык (на границе Дона)

на своем сходе постановили мобилизовать всех мужчин от 18 до 45-ти лет для борьбы с красновскими бандами.

Особенно отличались в этом отношении, созданные Красновым в противовес Добровольческой армии, монархические Астраханская и Воронежская армии, поровшие и расстреливавшие крестьян и почти уничтоженные восставшим крестьянством.

Распорядительный по земским делам Комитет Всевеликого Войска Донского поднял вопрос об увеличении посаженной платы с иногородных. (Отчет Войск. Круг. о работе Окр. Вн. Дел. Всев. Войска Донского за время между 1-й и 2-й сессиями Круга, стр. 39).

По поручению комиссии законодательных предположений был выработан законопроект о выселении иногородных, а из ст. Аксайской выслелено 43 человека с семьями. (Там-же, стр. 37)

Очагами большевизма являлись Таганрогский, Ростовский и Донецкий округа, где была сосредоточена масса иногородного населения (более одного миллиона). Не даром Большой Войсковой Круг выносит 19-го сентября (ст. ст.) 1918 г. постановление „принять самые решительные меры по сбору винтовок и ружейных патронов у крестьян в Ростовском, Таганрогском и Донецком округах“. (Постановление Большого Войскового Круга Всевеликого Войска Донского, 4-го созыва, сессия 1-я, стр. 55). „Захватчики“ частновладельческих земель были превращены в арендаторов. В период революции крестьяне захватили помещичьи и войсковые земли. Образованное при Донском правительстве особое совещание при отделе землеустройства постановило, что „правило пользования захваченной землей применительно к существовавшему в области обычным нормам арендного вознаграждения за землю“. (Краткий отчет о сформировании и деятельности отдела землеустройства и земледелия за май, июнь и июль месяцы 1918 г., стр. 2).

Работа Совещания по земельной реформе при отделе землеустройства и земледелия, куда входили землевладельцы, представители земельных банков и—для приличия—крестьяне, заслуживает особого внимания. Над работами этой комиссии реет дух Столыпина. В цитированном выше отчете мы читаем: „для крестьянского землеустройства Совещание находило необходимым сохранить во всей полноте действие закона 29-го мая 1911 года о землеустройстве, признав, что единоличное хозяйство является основой поднятия культурного уровня сельского хозяйства и проявления частной инициативы“ (Стр. 3).

Вообще говоря, судя по отчету отдела землеустройства, казачество, закрепив за собой войсковую землю, не прочь было ее поделить.

В упомянутом выше отчете, мы читаем: „наконец, подобно тому, как это делается на крестьянских землях, право отвода земли к одному месту должно быть предоставлено и отдельным казакам, хотя бы впредь до указания опыта, по добровольному соглашению с обществом. В условиях казачьего быта предоставление означенного права едва-ли встретит какие-либо затруднения, так как сравнительно еще недавно, при бывшем ранее земельном просторе, многие казаки вели типичное хуторское хозяйство, при чем обрабатываемые ими земли не перedelались, а находились в единоличном пользовании.“

Все перечисленные мероприятия могут, однако, привести к цели лишь при условии, если так же, как и при выделе довольствия хуторам отвод земли как части хутора, так и отдельным казакам будет носить постоянный характер, обеспечивающий отведенный участок от дальнейших переделов. Всякое другое начало делает предпринятое улучшение временным и сведет на нет произведенные затраты сил и средств.

В соответствии с сим, при сохранении права собственности на выделенные участки за всем войском в целом, означенные участки должны находиться в постоянном пользовании части—хутора и в постоянном, наследственном пользовании отдельного перешедшего к отрубному или хуторскому хозяйству казака. Осуществление таких предположений ныне не может встретить особых препятствий, ибо общинный строй у казаков поддерживался до сего времени трудовой поручкой общества в исправном снаряжении всех его членов на военную службу. Раз расход на это снаряжение отнесен на счет войска, то отпадает и необходимость в сохранении общинного землепользования. (Подчеркнуто мною. Н. Я.). Но само собою разумеется, казак, выходящий из общинного пользования землей, теряет вместе с тем и право на участие в общинной земле, т. е. на дальнейшее увеличение земельного довольствия и при умножении потомства“. (Стр. 44-45).

Сделав установку за крепкого хозяина-единоличника, особое содействие рядом с кулаком-казакон готово было поставить кулака-иногородного, удовлетворив его за счет частного землеуладения. В том же отчете, мы читаем: „На войско не может быть возложена обязанность земельного устройства всех крестьян, проживающих по тем или иным причинам в Крае. Очевидно, такая обязанность, если она и лежит на войске, то только в отношении так называемых коренных крестьян, т. е. таких, предки которых состояли в числе государственных или владельческих крестьян Донской области“. (Стр. 10).

В качестве нормы, до которой необходимо довести земельные наделы этого слоя крестьянства, совещание рекомендовало 15 десятин.

Оставляя за собой земельные пай, казачество готово было откупиться от кулацкой части иногородных частновладельческими землями. В этом корень казачьего „социализма“.

Принятое Большим Войсковым Кругом 7-го сентября (ст. ст.) положение о частновладельческих землях гласит:

„1. Частновладельческие земли разных наименований (помещичьи офицерские, дворянские, чиновничьи и др.): церковные, монастырские с их недрами и лесами, принудительно отчуждаются в войсковой земельный фонд. Мелкие владения трудового типа, не превышающие размеров нормы, которая будет установлена законом, принудительному отчуждению не подлежат. За счет земельного фонда должны удовлетворяться малоземельные казаки и коренные крестьяне Всеволоцкого Войска Донского, не принимавшие участия в борьбе против казаков“. (Сборник законов, принятых Большим Войсковым Кругом В. В. Д. 4-го созыва, сессия 1-я, стр. 33).

И далее: „Отчуждение означенных земель производится: а) земель церковных, монастырских и доставшихся владельцам по царственным актам и наследованию, с их недрами и лесами,—безвозмездно, б) земель, приобретенных покупкою с уплатою из покупной стоимости согласно крепостным актам, в) лежащие на отчуждаемых землях налоговые обязательства принимаются на счет войска, г) владельцы безвозмездно отчуждаемых земель, которые по своему возрасту или состоянию здоровья не могут добывать средства к жизни личным трудом и не имеют других источников дохода, кроме дохода с земли, получают от войска пособие на основании особых правил и т. д.“ (Там-же стр. 33).

Признавая основной формой землепользования—общинное, „Положение“ допускает разделение юрта на вечные хутора, выделенные отдельным казакам в самостоятельное пользование. При чем—

характерно—земельные пай не могут выходить по „Положению“ из пределов войска: при прекращении мужского потомства наследники женского пола распоряжаются вымороченным паем пожизненно или до выхода замуж за „иногородного“.

Некоторые станицы пошли еще дальше в своей ненависти к иногородным: так, в Черкасском округе сходом был вынесен приговор о выселении 43 человек иногородных. (Отчет о деятельности комиссии законодательных предположений 1919 г., стр. 50).

Вся эта ура-казачья политика, превратившаяся просто в кулацкий передел земли, прикрывалась фразами о народоправстве и всяческих свободах. В своем воззвании к крестьянству Донской Войсковой Круг писал: „Войсковой Круг, выразитель взглядов казачества на государственный и общественный порядок, принял закон о земле, в котором сказал, что вся частновладельческая земля подлежит отчуждению в общинный фонд и переходит в руки работающих на ней; что из нового земельного фонда наделяются малоземельные казаки и крестьяне,—не поднимавшие оружия против Дона. Коренных крестьян и русских граждан постановили принимать в казаки. В основные законы Войска Донского Круг ввел статьи о равенстве всех граждан перед законом, об уничтожении сословий и сословных привилегий, о свободе слова и вероисповедания, о неприкосновенности личности, жилища, свободы собраний и союзов.“)

Из „Отчета о деятельности комиссии законодательных предположений Всеволоцкого Войска Донского“, изданного после того, как атаманский пернач по воле союзников перешел из рук Краснова в руки Богаевского, мы узнаем о „многочисленных арестах по обвинению в большевизме“ о том, что „действия карательных отрядов не могут вызвать иного отношения, как самого отрицательного“, что существовал „порядок замещения административных должностей... людьми из бывших жандармов, полицейских урядников“. Из этого отчета мы узнаем о грабежах населения, истязании мобилизованных крестьян, чинимых Южной армией, о явно монархических стремлениях этой армии, злоупотреблениях властей и т. д. (Отчет о деятельности комиссии законодательных предположений Войска Донского за период с 15 октября 1918 года по 1 февраля 1919 года. Новочеркасск, 1919 г., стр. 36 и далее).

„Рабочая политика“ Краснова была политикой белого террора.

В Юзовке был опубликован приказ следующего содержания: „Населению города Юзовки и его района. Означенные телеграммы относятся не только к рабочему города Юзовки и его района, но и ко всем неповинующимся людям приказам.

Настоящим объявляю полученные мною телеграммы:

1. Рабочих арестовывать запрещая, а приказываю расстреливать или вешать. Приказ от 10 ноября № 2428.
2. Приказываю всех арестованных рабочих повесить на главной улице и не снимать три дня. Приказ от 10 ноября 1918 г., № 2431. Титов“. (Пионтовский. Цит. соч., стр. 425).

Так Краснов разрешил крестьянский и рабочие вопросы. Лишь когда красновские войска стали разваливаться под ударами Красной армии, казачьи верхи заговорили о предоставлении прав иногородному населению.

16 октября 1918 года управляющий ведомством внутренних дел К. П. Каключин в своем докладе заявил: „Надо теперь же разобраться в крестьянском и рабочем вопросах, определенно разрешить их и пойти по пути практического осуществления этих решений. Предстоит

высказаться, следует ли, чтобы иногородное население было привлечено на Дону к законодательной работе, к участию в высшем донском учреждении—Войсковом Круге, а также в окружных земско-хозяйственных органах самоуправления“ (Георгий Покровский „Деникинщина“, стр. 44—45). Когда газета бывшего члена первой государственной думы Аладьина „Дон“ пыталась заикнуться о правах иногородных, то она была закрыта, а „Донские Ведомости“ определенно заявили, что „враждебное к Дону трактование иногородной крестьянской проблемы на Дону пока еще невозможно, неудобно и несвоевременно“ (№ 221 от 28 сентября 1919 г.).

Но не только рабочие и крестьяне были лишены каких бы то ни было прав. Мелко-буржуазная демократия стусевалась перед „казачьей демократией“ во главе с генералом Красновым, а затем Богаевским. По приказу Краснова в Новочеркасске были приостановлены выборы гласных в городскую думу на том основании, что Новочеркасск „создан на войсковые средства Донского казачества и является его центром“. 18 августа 1918 года Большой Войсковой Круг отклонил ходатайство Новочеркасской и Азовской городской управы о предоставлении им права участия в заседаниях Войскового Круга точно так же, как и Донскому епархиальному собранию.

За казачьими Кругами стояло махрово-черносотенное офицерство, мечтавшее о реставрации.

Характерные штрихи из новочеркасского быта эпохи Краснова мы находим в записной книжке неизвестного офицера. („Путь Коммунизма“, № 1, стр. 175—176).

„5 июня. Было открытие собрания, при чем обед запоздал на два часа. Вечером ужинали с атаманами, меж казаками и кавалерией, в Европейской гостинице. Много было тостов за дорогое нам. Мы пели гимн, настоящий русский гимн. Музыкантов вышибли за нежелание играть и достали других. В 11 часов пришел комендант, его обложили, потом сказали, что в 12 разойдемся“

7 июня. Были похороны. Вечером оперетка.

21 июня. Узнали о манифесте Михаила Александровича“.

Обед, похороны, оперетка и настоящий русский гимн,—вот в сущности „идеология“ среднего офицерства.

Генерал Эрдели в своем дневнике 22 мая 1918 г. (ст. ст.) пишет: „Если правда, что Дмитрий Павлович—великий князь объявлен великим князем Украины, то наше положение еще более осложнилось; монархические течения у нас сильны очень, и теперь к Дмитрию могут потечь от нас многие, мирясь и с немцами и с немецкой Украиной“.

А 25 мая он излагает следующий белогвардейско-германский проект реставрации дома Романовых: „Немцы хотят царевича на престол с регентом крон-принцем Рупрехтом, но вместе с тем, немцы будто-бы ничего не имеют, если мы сами посадим Алексея, но с нашим регентом. Или иначе говоря, если мы с большевиками не справимся, то посадят нам Алексея с Рупрехтом немцы, а если справимся без помощи немецких войск, то тогда Алексей может быть поставлен нашим русским регентом. Вообще под’ем растет“.

Эти выдержки из записной книжки рядового офицера и писем одного из руководителей Добровольческой армии, достаточно красноречиво свидетельствуют о чаяниях черносотенного офицерства, готового принять монархию с немцами и без немцев, с Рупрехтом и без него.

Но, очевидно, время для монархического переворота еще не пришло, если даже музыканты отказываются играть „настоящий русский гимн“.

Что могла противопоставить Краснову Советская Россия, которая к августу 1918 года оказалась во вражеском кольце? На Украине под охраной немецких штыков выросла генеральско-помещичья диктатура гетмана Скоропадского, на Дону казачье-белогвардейская армия атамана Краснова, ведущего наступление на Царицын и подготавливающего поход на Воронеж. На Волге (Самара, Сызрань, Симбирск, Казань) и на Урале, за исключением Пермского района, эсеры при помощи чехо-словацких штыков пытались навязать крестьянству Учредительное Собрание. На Севере (Архангельск, Мурман) эсеровское правительство, во главе с Чайковским, агитировало за народовластие англо-американскими штыками.

На авансцене—в Сибири из директории вылуплялась диктатура Колчака, а на Северном Кавказе Деникин наступал сапогом на Кубанскую Радугу, продолжая борьбу с 11 и 12 армиями.

Красновский фронт растянулся от Лисок до Царицына. Но против Краснова, собравшего более чем 50.000 т. армию, Советская Россия могла лишь выставить наспех сколоченные из партизанских отрядов красные части, которым было не под силу сдерживать натиск Красновской армии.

Но если германская оккупация решила исход гражданской войны на Северном Кавказе в пользу контр-революции, то германская революция 18 ноября 1918 г., повлекшая за собой очищение немцами Дона и Украины, решила судьбу Краснова и всей Северо-Кавказской контр-революции, опиравшейся на германские штыки.

„Уже в ноябре,—пишет Деникин об армии Краснова,—не взирая на успехи, в армии чувствовалась некоторая моральная неустойчивость. В конце декабря сначала один донской полк предался на сторону красных, потом несколько станиц, и войска Верхне-Донского округа заключили мир с большевиками и начали расходиться по домам. Пораженческое настроение ширилось по фронту, и одновременно ширились прорывы, в которые беспрепятственно вливались волны красных, выходя в тыл и угрожая окружением еще борющимся войскам Хоперского округа“ („Оч. рус. см.“, т. IV, стр. 62).

Красная армия начинает продвигаться вперед. 20 декабря 1918 г. части генерала Гусельщикова заняли Борисоглебск, но при попытке дальнейшего наступления потерпели под Поворино поражение и стали отходить под ударами Уральской дивизии и 23 Мироновской дивизии. 13 января красными частями был занят центр Хоперского округа—ст. Урюпинская. Наступление красных частей не встречало сопротивления до самого Донца.

Параллельно с нашим наступлением происходило разложение красновских частей, усиливался антагонизм между офицерством и казачеством, которое вообще не было склонно переходить за границу Дона. Зеленые отряды красновских дезертиров наводняли границы Дона. Стихийно восстает крестьянство, и ореол спасителя Дона, окружавший Краснова после ухода немцев, начинает меркнуть. Фронт, по словам Краснова, „заболел большевизмом“.

Если север Дона был очищен от войск Краснова без особой борьбы, то южные округа (1-й Донской, 2-й Донской, Черкасский) оказали Красной армии упорное сопротивление. Все-же исход борьбы на красновском фронте в начале 1919 года явно склонялся на нашу сторону. 9-го февраля Красная армия заняла Усть-Медведицкую и Усть-Хоперскую, 16-го Миллерово, 24-го Гнило-Аксацкую, 7-го марта Каменскую, 3-го апреля Великокняжескую, 14 апреля Красная армия находилась в 50 верстах от Новочеркасска, который был бомбарди-

рован с аэропланов, 23-го апреля и красная конница подходила почти к Батайску.

Эпидемия тифа, погубившая нашу 11 армию, добивала армию Краснова.

Но в самый критический момент, когда наша армия подходила к Ростову и Новочеркаску, на смену германским империалистам пришли союзники, заключившие союз с Добровольческой армией, а не с казачеством. В Николаеве и Херсоне высаживается греческая дивизия, в Одессе—французская, которая, впрочем, вскоре была изгнана красными украинскими войсками. Преодолев, наконец, в феврале 1919 г., сопротивление 11 и 12 армий и очистив, таким образом, весь Северный Кавказ от красных войск, Деникин, с согласия Донского Круга и Кубанской Рады, назначается верховным главнокомандующим всеми силами юга России.

В конце апреля на Донском фронте происходит перелом: инициатива переходит в руки Деникина.

Иначе сложились события на Кубани. 16 августа 1918 г. частями генерала Эрдели был занят Екатеринодар, а затем 26-го августа—Новороссийск.

Исключительно зверски расправились белые в Новороссийске. „Вступление в Новороссийск,—пишет Ладоха („Гражданская война на Кубани“, стр. 108),—ознаменовалось тем, что на вокзале старый сыщик Черныш набросился на раненых красноармейцев и перестрелял их“. Помимо комиссаров (Губернского, Пудана, Болгова, Скобликова, Коломцева) здесь было расстреляно много рядовых работников“.

„Радость по случаю прихода носителей закона и порядка, восторженные приветствия войскам Добровольческой армии были искренни и беспредельны. Люди друг друга встречали пасхальными приветствиями: „Христос Воскресе“,—читаем мы в одном белогвардейском документе той эпохи. Но Добровольческая армия вовсе не склонна была христосоваться.—„Появились чины Добровольческой армии,—читаем мы там же,—и началась дикая расправа и мародерство. Уже не отличали ни иногородных, ни казаков. Обычно жертв экзекуции заставляли обнажаться, иногда среди площади в присутствии взрослых и детей, приказывали ложиться становились сапогами на голову или шею и пороли шомполами или плетью, пока не летели во все стороны брызги крови и куски изорванного мяса“. Даже Кубанская Рада была смущена разгулом белого террора, и в Раду был внесен законопроект о введении полевых судов и предоставлении права атаманам отделов учреждать суды по мере необходимости. По существу услужливые „демократы“ из Рады лишь санкционировали то, что творила Добровольческая армия.

Кубанская контр-революция слагалась из трех сил: казачьих верхов во главе с Кубанской Радой, Добровольческой армии и черкесских-помещиков. Однако, реальная сила была в руках Добровольческой армии, которой были подчинены все военные части.

После занятия Екатеринодара у власти формально стала Краевая Законодательная Рада. По положению о выборах в Кубанскую Краевую Раду, опубликованному 20-го августа 1918 г., „правом участия в выборах... пользуются лица мужского пола, принадлежащие или к казачьему населению Кубанского края, или к кубанским горским племенам, или к составу коренных жителей кубанских сельских общин и крестьянских земельных товариществ“. Относительно представительства городов положение умалчивает („будет издано особо“). Таким образом, масса иногородного населения была лишена прав. Восстанавливалось

дореволюционное положение. От 50% иногородного населения Кубанской области в Краевой Раде было лишь 8 чел., т. е. 10% всего количества Рады (80 человек), но зато в состав Рады были введены представители Добровольческой армии по назначению командующего. Когда же Добровольческой армии было предложено ввести своих представителей в состав президиума, то Деникин от этой чести отказался.

(Краевая Рада явилась подлинным выразителем интересов кулацкого казачества, которому угрожала опасность со стороны иногородного населения, т. е. прежде всего мелких арендаторов и батраков. На октябрьской сессии Кубанской Законодательной Рады член Рады Толкунов поднял вопрос об уничтожении иногородных, а председатель правительства Быч—о выселении. Товарищ председателя Законодательной Рады—Рябцев откровенно заявил: „борьба с иногородными входила в одну из задач Законодательной Рады... закон о местном учредительном собрании, о конституции, ограничивающей власть атамана (с отделом его) и закон о земельных комитетах, приняты были Законодательной Радой не столько по необходимости, сколько из тактических соображений, чтобы сдерживать натиски фракций иногородных и тем выиграть время“. (Стенографический отчет Кубанской Краевой Законодательной Рады, Октябрьская сессия 1918 г., ч. I, стр. 10. Цит. по Покровскому „Деникинщина“ стр. 43, 44). В одном из заседаний Рады председатель правительства Л. Л. Быч заявил, „что из 3-х мил. населения Кубанского края, почти половина против нас, т. е. все иногородное население“ (Г. Покровский „Деникинщина“, стр. 51).

На местах Кубань вернулась к дореволюционным сельским, станичным, аульным правлениям, городские думы были распущены, дела городских самоуправлений переданы в руки управ в составе назначенного правительством городского головы и подобранных к ним сотрудников. Таким образом, буржуазия была отсечена от власти. Между прочим, екатеринодарский биржевой комитет отказался от поддержки организованного в Екатеринодаре Кубанского Политехнического Института на том основании, что коренным жителям Кубанского края были предоставлены преимущественные права поступления в институт. Рядом с правительственным возник частный Политехнический Институт, хотя впрочем, эта размолвка продолжалась недолго, и казачество пошло на компромисс.

В заседании 16-го ноября член Рады Омельченко огласил земельный законопроект, прикрывающий революционной фразеологией об уничтожении частной собственности, именно право собственности казачества на землю.

„Самый основной принцип, который мы вынесли из уроков истории—уничтожение частной собственности и статья вторая, именно и говорит об этом: „право частной собственности на все земли с их водами, лесами и недрами и надземными богатствами в Кубанском крае уничтожается... Кубанский край владеет, пользуется и распоряжается в пределах края землями, недрами, лесами, рыболовными водами, как внутренних речных и озерных бассейнов, так и внешних морских на семиверстовом расстоянии от берегов“.

„Но Кубанскому казачьему войску,—продолжал он,—как исторически сложившемуся субъекту, мы в третьей статье также предоставляем право и не боимся, что нас упреknут в нелогичности, что третья статья будет противоречить второй статье, где уничтожается частная собственность. В данном случае мы являемся самостоятельными и считаемся с историческими привилегиями казачества, имеющего право на то, что ему принадлежало и потому комиссия вынесла статью

третью: „Кубанское казачье войско сохраняет за собой все права по владению, пользованию и распоряжению принадлежащих ему земель, недр, лесов и вод“. (Стенографический отчет, стр. 439-440).

В авантюру Добровольческой армии были вовлечены и черкесы. Осенью 1918 г. Султан-Келеч-Гиреем были мобилизованы черкесы, которых он повел на усмирение кабардинских крестьян. Здесь отряд Султан-Келеч-Гирея был разбит Шариатской колонной, под начальством муллы Назира Катханова, вставшего на защиту кабардинских крестьян.

Вместе с Кубанской Радой, в Екатеринодаре обосновалась и Добровольческая армия. По словам Деникина „21-го сентября 1918 г. был окончательно подготовлен проект конституции, устанавливающей на территории добровольческой армии единоличную диктатуру, с предоставлением особых прав Кубани: „Кубанская область—гласил раздел VI „Положения“—пользуется правами автономии, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства“. (Очерки русск. см., т. IV, стр. 42). При Деникине был создан законосовещательный орган „Особое совещание“, под председательством генерала Драгомирова. Особое совещание, рассматривавшее себя впоследствии в качестве всероссийской власти, являлось выразителем интересов буржуазно-помещичьего блока, в котором первую скрипку играли кадеты.

Прикрываясь до поры до времени флагом Учредительного собрания, кадеты выявили свое настоящее лицо лишь весной 1919 г., когда Добровольческая армия распространила свое влияние за пределы Северного Кавказа. Выходивший в Екатеринодаре кадетский офицер „Свободная Речь“ в № от 18-го мая 1919 г. писал: „если-бы паче чаяния умеренные социалисты сумели на этот раз отречься от ведущих к раз'единению партии декларативных органов—вроде учредительного собрания и удовлетвовались более скромными, но бесспорными для ближайшего времени задачами, то мы приветствовали бы такое прояснение политического сознания, как подлинное и ценное завоевание революции“. (Цит. по кн. Покровского). Но об Особом совещании речь будет ниже, ибо деятельность его, главным образом, связана с расцветом деникинщины.

Но пишется „Учредительное собрание“, а выговаривается реставрация. В своем дневнике генерал Эрдели 24-го ноября (7-го декабря), т. е. тогда, когда Добровольческая армия оказалась на Кубани у власти и очищала Терек, пишет о своем визите в Ялту к великому князю Николаю Николаевичу: „С великим князем все ладно, он верует, что называется „в Единую Добровольческую армию“ и больше ни во что, отсюда крайне легки все разговоры. Верует единственно и в наши верования, т. е. 1) борьба с большевизмом, 2) восстановление Единой Неделимой России и 3) отсутствие всякого предрешения будущей государственного строя и даже путей для его образования. В общем изгнание большевизма и насаждение порядка в России с широкой автономией областей в смысле гражданского управления, а затем пусть Россия сама выскажет, какой строй ей нужен, монархию, республику и т. п. Наше дело будет сделано.

Передал Н. Н. привет от армии и те условия, при которых он мог бы возглавлять все дело для окончательной борьбы с большевиками. Во всем мы согласились, разногласий никаких. Н. Н. решительно отказался от слова диктатор, чтобы его и не было вовсе; нужны диктаторские права, но не называть его диктатором—он никогда не свяжет своего имени с этим словом; приемлемое слово правитель, Верховный правитель, Главный правитель, но не диктатор.

Очертил я ему общую обстановку, все союзнические обязательства, обещания и т. д. Начинил Н. Н. всякими сведениями, а главное, на чем мы согласились, это на том, что со стороны Н. Н. не будет никаких самостоятельных выступлений до тех пор, пока Деникин не скажет ему, что пора ему выступить, что для этого время приемлемое наступило“.

Само собой разумеется, пути мелко-буржуазных федералистов из Рады и буржуазно-помещичьей Добровольческой армии, неизбежно должны были разойтись после ликвидации на Северном Кавказе Советской власти. Борьба за власть мелко-буржуазных федералистов и буржуазно-помещичьего блока продолжалась до тех пор, пока Деникин и Кубанская Рада не были выброшены за пределы уже Советского Северного Кавказа.

Первое разногласие произошло по вопросу о создании власти. Покончив с „большевистской опасностью“, Добровольческая армия принялась за ликвидацию казачьей опасности. 28-го октября 1918 г. было созвано совещание краевого правительства, во главе с Сушковым, с представителями командования Добровольческой армии. На этом совещании Лукомский огласил проект организации власти, в котором совершенно недвусмысленно говорилось, что „вся полнота государственной власти в областях, занимаемых Добровольческой армии. (Покровский „Деникинщина“, стр. 57). А генерал Деникин выступил перед Краевой Радой со следующей декларацией: „Все для борьбы“,—заявил генерал Деникин.—Большевизм должен быть раздавлен. Россия должна быть освобождена. Не должно быть армии Добровольческой, Донской, Кубанской, Сибирской, должна быть единая русская армия, с единым фронтом, единым командованием, облеченным полной мощью и ответственным лишь перед русским народом в лице его будущей законной власти. Добровольческая армия, ведя борьбу за самое бытие России, не преследует никаких реакционных целей, ни даже путей, какими русский народ объявит свою волю. От нас требуют партийного флага. Но разве трехцветное знамя великодержавной России не выше всех партийных флагов“.

„В предвидении близких переговоров о перемирии, представителю Добровольческой армии при союзных посольствах, предложено было еще 12 октября пред'явить им следующие основания:

„1. Единство представительства России на мирной конференции, с исключением из него делегатов большевистских и тех территориальных образований, которые в своих основных принципах расходятся с целями Добровольческой армии, т. е. по вопросу о Единой Неделимой России“.

2. Аннулирование политических и экономических договоров, заключенных с Германией или ее союзниками, а также самостоятельных актов о введении в занятых областях того или иного порядка управления. Восстановление нарушенных такими договорами или актами прав, возмещение причиненных этим путем убытков, возврат золота, военного и торгового флота, предметов вооружения, подвижного состава железных дорог и проч. Прекращение вывоза из России продовольствия и имущества. Это требование, само собой разумеется, не имеет в виду соглашения, заключенных державами согласия.

3. Очищение Германией и ее союзниками русских территорий в пределах границ 1914 г., включая и Финляндию. Такое же требование признается необходимым и в отношении Польши.

4. Занятие на русской территории, оккупированной ныне германско-австро-турецкими войсками, главнейших железнодорожных или воен-

ных в стратегических отношениях пунктов русскими частями или же временно войсками держав согласия, до момента формирования достаточно сильных русских отрядов.

5. Немедленный приступ к обмену военнопленными.

6. Обязательство Германии и ее союзников не препятствовать каким бы то ни было способом водворению в России единого прочного строя". (Стенографический отчет Краевой Кубанской Чрезвычайной Рады. Октябрьская сессия 1918 г., часть 1-я, стр. 80, Цит. по кн. Г. Покровского).

Эта декларация предусматривала все, даже интервенцию (пункт 4-й). Но для того, чтобы эта программа была проведена в жизнь, необходимо было устранить с пути Деникина все препятствия и, прежде всего, Кубанскую Раду, противопоставляющую „Единой Неделимой“ федерацию.

11-го ноября 1918 года Краевая Рада почти единогласно (из 500 человек Рады было лишь 17 воздержавшихся) приняла резолюцию следующего содержания:

„1. Образование на территории бывшего государства российского самостоятельных государственных образований и принятие ими на себя верховной власти было актом неизбежным и в то же время актом самосохранения.

2. Основной задачей всех этих государственных образований является борьба с большевизмом, далеко еще не изжившим себя в центральной и северной России.

3. Для успешной борьбы необходимо в самое ближайшее время образование единого боевого фронта и единого командования.

4. Необходимо организация единого представительства от южно-русских государственных образований на предстоящей мирной конференции. Необходимо немедленно, не ожидая образования федеративной власти в освобожденных от анархии областях, принять меры к организации общего Международного представительства.

5. Для достижения целей, поставленных в §§ 3 и 4 необходимо образование Южно-Русского Союза на федеративных началах.

6. Воссоздание России возможно в форме Всероссийской Федеративной Республики.

7. Кубанский край должен войти в состав Российской Федеративной Республики.

8. Кубанская Краевая Рада, ставя своей задачей борьбу с большевизмом, стремится к проведению в жизнь принципов широкого народовластия.

9. Восстановление будущей формы правления в государстве Российском население Кубанского края ставит в зависимость от воли изъяснения народа во Всероссийском Учредительном собрании нового созыва". (Куб. Чрезв. Рада, созыва 28 октября 1918 г. Стенографический отчет плен. засед., вып. 3, изд. канц. Куб. Краев. Чрезв. Рады, стр. 418—419).

В ответ на это представитель Добровольческой армии в Кубанской Раде генерал Лукомский заявил о выходе из Рады представителя Добровольческой армии. Согласие было восстановлено, когда Добровольческая армия продиктовала Раде свои условия. И когда в декабре был в Екатеринодаре арестован командованием Добровольческой армии секретарь украинского посольства Поливан, то Рада уже не подняла голоса против Деникина. По словам Быча, Кубани Деникин оставлял „Круг ведомства... бывшего земского управления". (Стеногр. отчет, стр. 385).

Тем не менее кубанские федералисты в декабре послали в Париж делегацию во главе с Л. Бычем. В одном из меморандумов наивные кубанские федералисты заявили союзникам, что „наилучшей для себя помощью кубанцы считали бы прекращение гражданской войны". Вместе с тем Кубанская Рада просила представителей держав согласия признать Кубанский край самостоятельным государственным образованием, оказать моральную поддержку в демократическом установлении края и, наконец, заявили, что „Кубанский край ведет войну исключительно оборонительную против большевистского нападения". Кубанцы также просили допустить их к работе мирной конференции и принять Кубань, как независимое государство, в Лигу Наций.

Само собою разумеется, союзники просто не обратили внимания на „независимое Кубанское государство".

Однако, и в казачьем стане не было согласия. Кубанское казачество и Рада разделились на два лагеря; „линейцев" представителей Баталпашинского, Майкопского, Лабинского и части Екатеринодарского отделов и „Черноморию"—представителей Таманского, Кавказского и большей части Екатеринодарского отделов. Линейцы (по преимуществу русские) тяготели к Деникину. „Черноморцы" (выходцы из Украины)—к Украине. По словам бывшего члена Рады Федоренко („Путь Коммунизма", № 3, стр. 102) на одном из совещаний линейцев у атамана Филимонова было решено убраться со сцены политических деятелей Черномории. В станицах велась открытая черносотенная агитация против Рады, которая стояла на пути добровольцев. Под давлением Добровольческой армии, некоторые станицы выносили постановления о том, что Россию может спасти только монархия (станция Бородинская, Таманского отдела). Надо заметить, что и атаман Филимонов и глава правительства Сушков являлись сторонниками Добровольческой армии.

К началу 1919 года взаимоотношения Кубанской Рады с Добровольческой армией, этих друго-врагов, испортились совершенно. 27-го февраля 1919 года на закрытом совещании членов законодательной Рады, которое очень беспокоило Добровольческую армию, и повлекло за собой покушение на убийство члена Рады Макаренко, председатель Краевой Рады Рябовол охарактеризовал эти отношения следующим образом: „Кубанские деятели, ушедшие в поход с мыслью сохранить идею народовластия, всеми силами поддерживали ее в походе. Исторический договор в станице Ново-Дмитриевской был подписан после обсуждения в Раде. Нам хотелось сохранить свою кубанскую физиономию и нас поддерживал, правда, как оказалось из-за желания сохранить звание главнокомандующего и генерал Покровский.

Когда обнаружилось в командовании (Добровольческой) армии стремление руководить всем, мы предложили уйти, но нас обвинили в желании сложить ответственность и мы остались. Но физиономия Кубани затерялась. Когда после взятия Екатеринодара, войсковой атаман и председатель Рады были с визитом у Алексеева, тот определенно заявил, что атаман и правительство должны явиться в город первыми, как истинные хозяева, что всякие выработанные без этого условия церемониалы должны быть отменены. Но, конечно, этого не случилось. Дальше, после взятия Екатеринодара выяснилось, что на Кубани всякий прапорщик—полный хозяин. В результате разгромлены хозяйства многих станиц. Когда с нашей стороны был заявлен при визите Алексееву протест по этому поводу и председатель Рады говорил в возбужденном тоне, Драгомиров заявил: „Я прошу вас голоса не повышать. Мы вас освободили, и вы должны нам подчиниться".

Правда, тогда нас не выгнали, теперь же, как известно, за это выгоняют. Итак, пришли завоеватели и не признали законного правительства, а установили какое-то Всероссийское правительство". (Цит. по кн. Покровского "Деникинщина", стр. 121—2).

К чему же сводились разногласия между Добровольческой армией и казачеством? На поверхность выплывало, конечно, далеко не все. Недальновидная Кубанская Рада пыталась вести свою казачью политику вопреки политике Добровольческой армии и стоящих за спиной Деникина союзников.

Осенью в Бухаресте с "главнокомандующим силами в Румынии, Трансильвании и на юге России" генералом Бертело было заключено соглашение.

"Общей задачей русских армий,—пишет Деникин,—ставилось: "разбить советские войска, овладеть центром—Москвой с одновременным ударом на Петроград и вдоль правого берега Волги". (Деникин—"Очерки русской смуты", т. IV, стр. 38).

10-го ноября 1918 г. в Яссах при участии представителей Англии, Франции и Сев.-Американских Соед. Штатов участниками совещания от монархиста Гурко до с.р. Фундаментского была выработана программа деятельности союзников в России, которая заключалась в следующем:

1. Единство России и, как следствие этого общего положения никаких независимых государств на ее территории, в границах до большевистского переворота. Никаких отдельных представительств в международных отношениях. Это единство России должно осуществляться без ущерба для свободы отдельных областей, образующих Россию.

2. Согласованные действия с союзниками для борьбы против большевиков.

3. Немедленная и мощная помощь Добровольческой армии ген. Деникина.

4. Немедленная замена немецких и австрийских гарнизонов вооруженными силами русских и союзников, в целях охраны порядка и образования прикрытия для формирования русской армии.

5. Действительная помощь, чтобы предпринять в кратчайший срок наступления на Москву и Петроград.

6. Единое командование, доверенное русскому военачальнику. Нужна немедленная помощь войсками и военным снаряжением.

Если союзники хотят видеть Россию сильной и крепкой, членом цивилизованных народов, если союзники не желают допустить вымирания населения севера и расхищения сокровищ юга, если союзники признают, что в течение первых лет войны Россия принимала широкое и славное участие в борьбе и тем самым содействовала победе над общим врагом, если победоносная Антанта решила помочь России возродиться, — помощь должна быть оказана без замедления и в достаточном размере". (Деникин. Оч. р. см. т. 5, стр. 7).

Это—декларативная сторона. Обратную сторону рисует Эрдели в своем дневнике, где мы находим не мало интересного о взаимоотношениях Добровольческой армии с союзниками. С грациозной наивностью этот генерал поетствует о своем выступлении за границу в качестве маклера по распродаже России, даже не подозревая о всей гнусности своей роли.

27-го октября (9-го ноября) в Софии он заносит в свой дневник: "Был в 4 часа у здешнего старшего над союзными войсками в Софии. Очень любезен, как все французы, но они так напыщены, смотрят такими мировыми победителями и так подчас снисходительны и

великодушны, что становится и больно и оскорбительно. Англичане очаровали меня своей простотой, сердечностью и прямотой. Скромны, жизнерадостны, работают хорошо и дельно... Там же был и секретарь американского посольства. Заставили меня рассказать про все, что делается в России, про нашу армию, про все наши злоключения, мытарства. Я не скупился на краски и мы сидели за завтраком 2 часа. Обещали помощь и содействовать в восстановлении России—полно ото всех (еще бы деньги то надо от нас вернуть, значит надо помогать восстанавливать порядок). Но у меня впечатление такое, что французы останутся с носом и их англичане и американцы в финансовом и экономическом отношении переunggоляют и если кто и окажет поддержку нам, то англичане и американцы больше всего"...

28-го октября (10 ноября). "Вчера был у французов утром... Днем у англичан... Потом в американском посольстве у генерала-американца... Затем приходил сам генерал. Видел его в 6 часов вечера, а затем пришел к нему в 9 часов вечера поговорить перед его отъездом. Решено, что я в Салоники не поеду, а останусь здесь поджидать, пока не нагрузится пароход всевозможными предметами для нас—патронами, пушками, ружьями и т. п., который из Варны пойдет в Новороссийск к нам. Мерзавцы и торгаши господа французы: за все эти пушки и т. п., которые берутся у болгар (так как у них много нашего типа вооружения), мы должны им возместить хлебом. А когда стал вопрос о том, чтобы нас поддержать денежно, то этот генерал потребовал от меня возмещения хлебом, продуктами и т. п. И странно говорить о гарантии от горсти людей, которая борется по восстановлению своего отечества: неужели богатства России и в будущем не есть достаточная гарантия для всего.. Мерзавцы. Хотят всячески поддержать и восстановить Россию и от нас, военных добровольцев, не имеющих территории и богатства, требуют возмещения расходов и гарантий теперь же, не понимая, что поддержать сначала в долг, а потом получай от российских богатств. Скоты. Наговорили мне с три короба, чтобы я верил в то, что союзники сделают все то возможное для воссоздания единой, сильной России, изгнания большевизма и т. п."

20-го октября (11 ноября). "Был у министра в 12½ часов, потом завтракали мы долго, а затем еще в 4 часа был у него же. Торговались. Единственный способ получить скоро винтовки и патроны—это обменом на хлеб. Пока французы подвезут, пройдет вечность. Но за 20.000 винтовок и 40 миллионов патронов надо около 500.000 пудов, а это по 14 руб. пуд составляет 4.000.000 руб. слишком. Винтовка—100 руб., 1.000 патронов 130 руб."

30-го октября (12 ноября)... "Союзникам надо получить от нас те деньги, которые Россия им задолжала и им поэтому нужна Россия единая и работоспособная. Затем им надо, чтобы эта Россия была достаточно сильна, чтобы противостоять Германии, которая, конечно, обратила на Восток свои усилия для своего развития, т. е. в сторону наименьшего сопротивления при слабости России. Таким образом, союзникам выгодно наше объединение, но с точки зрения капитала и собственного благополучия. Но с точки зрения социализма и интернационализма—это выходит самодержавие, против которого социализм и борется. Кто знает—если социалистическая волна захлестнет и союзников, упоенных победой, и пойдет мирная дележка между всеми народами и станут на точку зрения, что нет победителей и побежденных, а все имеют право на свободное развитие и существование, и нет угнетателей и угнетенных, то тогда не знаю как будет, но будет

иначе, чем теперь думают союзники. Уже сегодня мне англичане намекнули, что ввод внутрь России союзнических войск очень то не желателен, т. к. войска могут в России попортиться и занесут большевистскую заразу и к ним, что достаточно занять порты Черного моря и только. И все они здесь признают, что перемирие заключено слишком рано, т. к. иначе они свободнее бы заняли Россию, чем теперь и было бы у них основание ее занять по праву войны с немцами, и не спорным способом, как предстоит теперь“.

Как видно, Эрдели достаточно хорошо понимал истинные причины событий и отнюдь не заблуждался в действительных мотивах союзников. Заключается сделка за счет русского народа, выгодная для обеих сторон: союзникам и буржуазно-помещичьей России, и если происходят размолвки, то на почве: „поддержать сначала в долг, а потом получай от российских богатств“.

Сделка была заключена, и пароходы с оружием прибыли в Новороссийск.

Казачество оказалось между молотом и наковальней, между пролетарской революцией и буржуазно-помещичьей контр-революцией. В обоих случаях казачеству предстояло быть раздавленным. И казачество раскололось. Казачье дворянство пошло с Добровольческой армией, т. е. буржуазно-помещичьей реакцией плюс союзнический империализм, другая часть пошла рука об руку с рабоче-крестьянской Россией, а кулацкая—за Кубанской Радой и Войсковыми Кругами Дона и Терека.

Но союзники с Деникиным вели игру крапленными картами. Толкая Деникина на Воронеж, о чем упоминает в своем дневнике Эрдели, англичане приняли на себя миссию „спасения Кавказа“. От „Единой Неделимой“ англичане пытались отделить то, что им больше всего было нужно: нефть. В своих показаниях на суде, Савинков говорит: „Очень упорно, очень много англичане говорили со мной о том, что желательно образовать независимый Юго-Восточный Союз из Северного Кавказа и Закавказья, говорили о том, что этот союз должен быть только началом, что потом с ним должны объединиться Азербайджан и Грузия. Я в этом чувствовал запах нефти“. („Правда“ № 196, 1924 г.). И действительно, когда Эрдели в феврале 1919 г. достиг Баку, то англичане его просто оттуда выгнали. В своем дневнике от 15-го февраля (ст. ст.) он пишет: „Выгнали нас англичане. Предложили завтра убраться всем офицерам и солдатам из Баку: я не пошел на провокацию, отказался исполнить требование англичан и нас просто выгнали. Уезжаю завтра... Тяжело и оскорбительно на сердце“. А 16-го февраля он заносит в свой дневник: „Конечно, англичане сильнее тут, и думать нечего, а как бы хорошо, если бы мы вместе действовали, открыто и честно, как союзники, а не так с подвохом или подкопом... Татары ликуют, что наших нет, англичане холодно торжествуют, что добились своего и изгнали русское влияние“¹⁾.

Преодолев сопротивление горской бедноты, Добровольческая армия натолкнулась на Терек и в Дагестане на препятствия, в лице Горского правительства, во главе в Пшемахо Коцевым.

Об этом с огорчением Деникин пишет: „26 ноября горская делегация посетила в Баку английского генерала Томсона, обратилась к нему за помощью, и Томсон счел полезным для английских интересов поддерживать существование Горского правительства. Вот как об этом повествует Пшемахо Коцев:

„Когда анархия и развал коснулись и нашей окраины, то для меня стало ясно, что собственными силами и авторитетом мы не можем водворить у себя порядка. И вот все это время прошло в хлопотах за поисками этой внешней силы.“

Эти внешние силы были заняты собственными делами, все же они нам помогли, как могли, и снабдили военным снаряжением. Но одни силы ушли, а другие пришли. В тот самый момент, когда я собирался пробраться в залитую кровью Кабарду, я был приглашен в Баку главным английским командованием для переговоров.

Английское командование, признав впрямь до всемирной конференции, существование Горской республики и правительства, предложило мне организовать новое коалиционное правительство, которое действовало бы в единении с союзниками.

Согласившись в принципе, я отказался сделать это без народного доверия горских племен. С 18 по 22 н. ст. декабря происходил в Темир-Хан-Шуре съезд представителей Дагестана, Чечни, Осетии и нескольких кабардинцев. Это совещание вручило мне всю полноту власти как от горского, так и от казачье-русского населения. После этого английское главное командование назначило при моем правительстве военную миссию во главе с полковником Роулинсоном, который уже приехал в Темир-Хан-Шуру“... (Очерки русск. смуты“, т. IV, стр. 122-123).

Не лишены интереса сведения об этом правительстве, сообщаемые в дневнике генерала Эрдели, впоследствии правителя Терско-Дагестанского края:

„Горское правительство, которое горцами особенно не признается, даже очень ревниво относится к своему личному существованию, а так как его не хочет признавать и Деникин, то оно всячески старается возбудить горцев против Деникина и вообще Добровольческой армии и для этого не гнушается никакими средствами, самими провокационными и лживыми, для того, чтобы среди населения распространить небывлицы и ненавистное отношение. И, к сожалению, эта провокация начинает проникать в толщу населения, которое очень лояльно и честно настроено к России. И по моему, Деникин сделал ошибку. Каково-бы то ни было Горское правительство, но когда Северный Кавказ был очищен, следовало признать это правительство, и т. к. оно населением нелюбимо и никто его не выбирал, то сделать хотя бы вид, что с ним имеют дело, а затем, у того же населения спросить, выбирало ли оно это правительство, доверяет ли ему. Ответ получился бы отрицательный и тогда это правительство само себя дискредитировало-бы. А теперь, одним росчерком пера это правительство Деникиным не признается: оно начинает будировать и распускать слухи, что Деникин посягает на самостоятельность горцев, хочет воевать с ним, отнимать права, посягать на религию и т. д.“

Придерживаясь на Кавказе политики: „разделяй и властвуй“, союзники Деникина—англичане—поддерживали Горское правительство, которого не желал признать Деникин. По словам того-же Эрдели: „Англичане втихомолку нравственно поддерживают горцев и позволяют им думать, что образование Горской республики вполне в интересах и видах союзников и подогревают сепаратизм горцев от России, чтобы не только Закавказье, но и Северный Кавказ попал им в лапы, в смысле эксплуатации народных и естественных богатств. В Закавказье они эту линию ведут более открыто, а здесь платонически что-ли, но цели одни. Я не удивляюсь, если англичане в скором времени попросят русский отряд из Петровска вывести на Терек, как выставили меня из Баку“.

¹⁾ Англичане оставили Баку лишь в сентябре 1919 года.

Англичане вели двойную игру—и с Горским правительством и с Деникиным. Горское правительство в свою очередь вело точно также двойную игру, объединяя вокруг себя все недовольные Добровольческой армией элементы.

Эта двойная игра была известна и англичанам и Эрдели. В своем дневнике 5-го марта, он пишет: „Коцев застрелял у чеченцев. Хорош глава правительства, которого чеченцы, свои же подвластные, держат вроде заложника и не пускают. Обнаружено сношение Горского правительства с большевиками, которые укрылись у чеченцев, сообщали об этом англичанам. Им уже это тоже известно. Затевают опасную игру эти министры без народа. Сейчас идет шире борьба между крайними и умеренными элементами, в смысле отношения к Деникину и к армии. Англичане проявляют тенденцию поддерживать нас больше, чем Горское правительство. Видно, темные дела правительства горцев начинают выявляться англичанам и они им не особенно доверяют“.

Тем не менее, когда под руководством коммунистов восстали против Добровольческой армии дагестанские аулы, Горское правительство арестовало 11 дагестанских коммунистов во главе с Улубием Буйнакским, и выдало их Добровольческой армии. В конечном итоге Англия предпочла иметь на Северном Кавказе Добровольческую армию, а не Горское правительство.

Дагестанская фракция „Союзного Совета Республики горцев Северного Кавказа вынесла постановление о том, „чтобы членам Союзного Совета раз'ехаться“ и поручила генералу Халилову организовать Дагестанское правительство из трех лиц, „для охраны порядка и спокойствия в Дагестане“.

Горское правительство бежало в Грузию, а правителем Дагестана был назначен военный министр Горского правительства—оказавшийся агентом Добровольческой армии—генерал Халилов.

Горское правительство все же отправило делегацию на всемирную конференцию в Париж в составе: Чермоева, Баматова, Хадзаратова. Об этом факте мы упоминаем потому, что заключение договора с Горским правительством Кубанской Радой послужило одним из поводов для разрыва между Добровольческой армией и Радой.

Дагестан явился пределом, дальше которого англичане Деникина не пускали. В Азербайджане, в Баку, английские интервенты обосновались с 17-го ноября 1918 года, и покинули Закавказье лишь в сентябре 1919 г. Грузия, Армения и Азербайджан находились под покровительством „его величества короля Англии“, точно также как и бакинская нефть. В 1919 г. из Баку вывезено 20,6 мил. пуд. нефти, тогда как до этого времени через Батум вывозилось от 3 до 6 мил. пуд. На Черноморском побережье англичане предоставили Деникину порты Новороссийск и Туапсе. Добровольцы пытались было продвигаться по Черноморскому побережью дальше, но начавшиеся в районе Гагр бои между Добровольческой армией и грузинскими войсками были приостановлены и, по договору Грузии с Деникиным, граница была установлена в районе Адлера.

Со времени занятия Добровольческой армией Екатеринодара до занятия Терека прошло полгода. Здесь удельный вес казачества был ниже, чем на Дону и на Кубани, тогда как городская буржуазия представляла солидную силу. Между тем, Добровольческая армия с первых же шагов наступила сапогом на своих союзников, которые с пасхальными приветствиями „Христос Воскресе“ ждали Добровольческую армию, как избавительницу от большевиков. В Пятигорске „Вечером 20-го в здании думы было устроено торжественное заседа-

ние, но... пришел от коменданта штаба есаула Чайдоянца дежурный офицер и приказал всем разойтись, заявив, что они не в „Совдепии“ и что никаких собраний и митингов командование не допустит. При этом указал, что должна работать старая дореволюционная управа и что на город налагается Чайдоянцем контрибуция, которую город должен внести не позже 21, т. е. на другой день к 12 часам дня в размере 200.000 рублей. При чем подчеркнуто, что за неисполнение этого дума и управа будут арестованы“. А затем, на кургане, за Пятницким базаром, были поставлены виселицы и за первые 3—4 дня было повешено 30 человек (в том числе Ксения Ге-Карташевская). Весь 1919 г. прошел на Тереке под знаком белого террора, в контрразведку сажали даже за просьбу о повышении заработной платы, тысячи людей томились в тюрьмах по обвинению в большевизме.

Во Владикавказе на другой день после вступления Добровольческих отрядов, в соборе был отслужен молебен, на котором присутствовал генерал Шкуро, а на третий день на той-же площади была поставлена виселица. Ежедневно вешали по несколько десятков человек, подолгу не снимая их с виселицы.

Казачество на Тереке, как и на Кубани, было отодвинуто на задний план. В марте открылся Большой Войсковой Круг, организовавший правительство и избравший атаманом Вдовенко. Председатель Круга П. Д. Губарев, председатель правительства В. И. Абрамов и атаман Вдовенко служили не всегда послушным орудием в руках командования Добровольческой армии, которое всячески препятствовало проявлению самостоятельности казачества и объединению казачьих областей Дона, Кубани и Терека.

Так, 20-го мая генерал Эрдели в своем дневнике записывает: „С терцами положение прямо угрожающее. Непримириемость самостийная у них ярче и как мы из этого выйдем, я не знаю. Если бы не было примеров Дона и Кубани, которые выбрались на такую самостоятельную дорогу, которой естественно хочет добиться и Терек, то бы было легче, но теперь втиснуть терцев в те рамки, которых нет на Дону и на Кубани, конечно, трудно и несправедливо.“

Сущность разногласий Деникина с терским казачеством сводилась к борьбе за нефть и самостоятельную армию. Об этом пишет Деникин в своих „Очерках“. „Терцы требовали,—пишет он,—отдачу им Минераловодской группы потому, что с нею „политически тесно связаны казачьи станицы, упразднения грозненского градоначальства, существование которого „со включением туда нефтяных казачьих земель создает у широких казачьих масс впечатление, что казачье достояние промысла—власть хочет оттянуть у войска“; передачу „всего горного дела, в частности, нефтяного, на территории войска, как со стороны горнотехнического надзора, так с хозяйственной... исключительно в ведение терского правительства“... К этим чисто экономическим требованиям присоединилось и военное, чтобы атаман являлся „прямым начальником всех терских войсковых частей, вне зависимости от места их нахождения и ему принадлежало право инспектирования и всех назначений... („Оч. русской смуты“, т. IV, стр. 117-118).“

Для втискивания казачества и горцев в „рамки“, удобные для Добровольческой армии, на Терек вначале был назначен полковник Ляхов, а затем Эрдели. Отряды Шкуро, Серебрякова и Ватбольского залили Терек потоками крови.

Мелко-буржуазные демократы и казачество, послужившие мостиком, по которому пришел к власти Деникин, были отброшены в сторону.

ДЕНИКИНЩИНА.

26 декабря 1918 г. Деникин объявил в приказе: „По соглашению с атаманами Всевеликого Войска Донского и Кубанского, сего числа я вступил в командование всеми сухопутными и морскими силами, действующими на Юге России“. Несколько позднее,—15 февраля (по ст. ст.) 1919 года взамен Краснова донским атаманом был избран А. П. Богаевский, и на другой же день, 16 февраля (ст. ст.), на заседании Донского Войскового Круга появился генерал Деникин.

Причинами падения Краснова являлись: наступление Красной армии, подходившей к самому Ростову, отход германских войск и давление союзников.

В официальном отчете комиссии законодательных предположений мы находим историю торга Краснова с союзниками.

„12-го ноября 1918 года, комиссией было заслушано сообщение плана комиссии П. М. Агеева о поручении ему представителем французского правительства в г. Екатеринодаре г. Эрлишем обратиться от имени последнего, действовавшего согласно указаний своего правительства, к донскому атаману с предложением поставить для нужд Донской армии необходимое количество технических средств борьбы и предметов обмундирования и медицинского ухода.

При этом представителем французского правительства г. Эрлишем было указано, что союзные державы считают необходимым оказание всемерной помощи сложившимся государственным образованиям, ведущим ныне борьбу с большевиками, при чем залог победы в этой борьбе союзные державы видят в объединении всех борющихся с большевиками вооруженных сил единым командованием. И лишь, при достижении сложившимися государственными образованиями соглашения по вопросу об едином командовании, помощь союзников имела бы положительный результат. В виду этого, оказание помощи союзниками тем или иным государственным образованиям, в том числе и Дону, возможно при условии признания ими необходимости объединения в оперативном отношении действий вооруженных сил единым командованием. В качестве главнокомандующего вооруженными силами Юга России была выдвинута кандидатура главнокомандующего Добровольческой армией генерал-лейтенанта А. И. Деникина“.

Еще в ноябре 1918 года, представитель французского правительства, Эрлиш, предложил Краснову помощь при обязательном условии принятия единого командования Деникина.

„Изложенное поручение г. Эрлиша было передано членом комиссии П. М. Агеевым донскому атаману. Последний указал, что признание главнокомандующего Добровольческой армией генерал-лейтенанта А. И. Деникина главнокомандующим в ряде других армий, также Донской армией, является для него неприемлемым, что же касается вопроса о снабжении Донской армии предметами снаряжения,

обмундирования и пр., то атаманом было указано, что в таковых предметах, за исключением танков, в настоящее время нужды не ощущается“. (Отчет о деятельности Круга Всев. Войска Донского за период времени с 15 октября 1918 года по 1 февраля 1919 года, стр. 23-24).

Когда председатель Круга, Харламов, обратился к союзникам с просьбой о помощи Дону, „генерал Пуль засвидетельствовал восхищение храбростью, доблестью казачьих войск, сыгравших почетную роль в законченной войне с Германией и другими государствами, и оказавших неоценимые услуги в общем деле победы над врагом. Храбрость и доблесть казачьих войск проявляется и теперь в борьбе с большевиками и анархией. Глава войска Донского, атаман генерал Краснов, по праву займет почетное место в деле возрождения и восстановления России.

Представители союзных держав выразили вместе с тем уверенность, что донской атаман, как глава войска, найдет пути соглашения с Добровольческой армией в разрешении стоящих на очереди вопросов единого командования. Эти пути приведут к общему благу как в отношении общего дела восстановления России, так и в отношении Донского войска, в частности, и незамедлительной, по возможности, со стороны союзников, помощи Дону“. (Там-же стр., 27-30).

О некоторой „односторонности“ понимания союзниками „общего блага“ свидетельствуют требования, предъявленные Краснову капитаном Фуке от имени французского командования. Вот этот замечательный документ:

„28-го января в 10 часов утра атаман зашел к капитану Фуке, помещавшемуся в номере „Центральной“ гостиницы. Он застал у него французского консула в Ростове г-на Гильоме. Фуке просил остаться втроем без посторонних свидетелей. Он был взволнован. Он достал несколько листов, напечатанных на машинке и, видимо, спешно этой же ночью, или рано утром изготовленных, и подавая их атаману, сказал:

— Здесь условия в четырех экземплярах, два для меня, потому что, вы понимаете, что я должен обо всем, обо всем доносить моему генералу, одно оставит у себя консул и одно для вас. Видите ли вы, я настаиваю на том, чтобы я периодически получал из вашего штаба все карты и сводки, которые вы отправляете генералу Франшэ д'Эсперрэ. Вы мне передадите обещанное письмо для генерала Франшэ д'Эсперрэ с изложением положения дел на Дону и с указанием того, что для вас необходимо нужно, а затем я попрошу вас подписать эти условия.

„Мы, представитель французского главного командования на Черном море, капитан Фуке, с одной стороны, и донской атаман, председатель совета министров Донского войска, представители Донского правительства и Круга—с другой, сим удостоверяем, что с сего числа впрелдь:

1. Мы вполне признаем полное и единое командование над собою генерала Деникина и его совета министров.

2. Как высшую над собою власть в военном, политическом административном и внутреннем отношениях, признаем власть французского главнокомандующего—генерала Франшэ д'Эсперрэ.

3. Согласно с переговорами 9 февраля (28 января) с капитаном Фуке, все эти вопросы выяснены с ним вместе и что с сего времени все распоряжения, отдаваемые войску, будут делаться с ведома капитана Фуке.

4. Мы обязываемся всем достоянием войска Донского заплатить все убытки французских граждан, проживающих в угольном районе

„Доне“, и где бы они не находились, и происшедшие вследствие отсутствия порядка в стране, в чем бы они не выразились—в порче машин и приспособлений, в отсутствии рабочей силы, мы обязаны возместить потерявшим трудоспособность, а также семьям убитых вследствие беспорядка, и заплатить полностью среднюю доходность предприятий с причислением к ней 5-ти процентной надбавки за все то время, когда предприятия эти почему-либо не работали, начиная с 1914 г., для чего составить особую комиссию из представителей угольных промышленников и французского консула“... (Архив Русской революции, стр. 308 и 309, глава двадцать первая, статья П. Н. Краснова „Всевеликое Войско Донское“. Цит. по кн. Пионтковского „Гражданская война в России“, стр. 432-433).

1919 год на Северном Кавказе проходит под знаком деникинщины. Эпоха диктатуры Деникина продолжалась с 26 декабря 1918 г., когда он принял командование Донской армией и превратился в верховного главнокомандующего вооруженными силами Юга России до 22 марта 1920 года, когда Деникина сменил Врангель.

С середины апреля 1919 года Деникин отразил удары нашей Красной армии и повел наступление на Царицын и Донбасс. 15-го июня войска Деникина находятся в 5-ти верстах от Царицына, 20-го июня он отдал приказ о походе на Москву. 21-го июня он занимает Феодосию, Павлоград, 24-го Белгород, 26-го Харьков, 3-го июля Богдухов и Балашев (занятые нами снова 7-го июля), 4-го Борисоглебск, несколько раз переходивший из рук в руки, 31-го Полтаву, 18-го августа—Херсон, Николаевск, Воронеж, 21-го Житомир, 23-го Одессу, 31-го Киев, 12-го сентября деникинские войска занимают Бахмач, 20-го Курск, 12-го октября Чернигов, 13-го Орел.

В общем к октябрю 1919 года Деникин как будто выбрался на „исторические пути“ к Москве, но „путь от Орла до Новороссийска, —по словам Антонова-Овсеенко,—оказался для деникинской армии много короче, чем путь от Кубани до Орла“.

В этот период буржуазно-помещичья контр-революция развернулась во весь свой рост. Прежде всего Деникин даже территориально отделился от Кубанской Рады, с которой он был связан, правда, формальным соглашением и совместной борьбой с Советской властью. Его штаб переехал в Таганрог, а Особое Собрание в Ростов. С переходом границ казачьих областей, Деникин приобрел опору в более мощной буржуазии Юга России и помещиках Украины и Таврии. Деникин на всем скоку пересел с одного коня на другого: с казачества Северного Кавказа и Дона на помещиков и буржуазию Юга России.

Лозунг Учредительного Собрания, столь любезный сердцу мелкой буржуазии, был отброшен, как ненужная ветошь. В апреле 1919 года Деникин подменил Учредительное Собрание „Народным Собранием“. В широко распространяемых листовках было объявлено:

„НАШИ ЦЕЛИ“.

ЗА ЧТО МЫ БОРЕМСЯ.

Опубликовано следующее официальное сообщение председателя Особого Собрания при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России, от 12—10 апреля.

Главное командование на Юге России обратилось к правительствам союзных держав через их официальных представителей со следующей декларацией:

„Прошу вас довести до сведения вашего правительства о целях, какие преследует командование вооруженными силами на Юге России в вооруженной борьбе с Советской властью и в государственном строительстве:

1. Уничтожение большевистской анархии и водворение в стране правового порядка.

2. Восстановление могущества Единой и Неделимой России.

3. Созыв Народного Собрания на основах всеобщего избирательного права.

4. Проведение децентрализации власти путем установления областной автономии и широкого местного самоуправления.

5. Гарантия полной гражданской свободы и свободы вероисповедания.

6. Немедленный приступ к земельной реформе для устранения земельной нужды трудящегося населения.

7. Немедленное проведение рабочего законодательства, обеспечивающего трудящиеся классы от эксплуатации их государством и капиталом.

Подлинное подписали: Главнокомандующий вооруженными силами на Юге России Генерал-Лейтенант Деникин. Председатель Особого Собрания Николай Астров, С. Безобразов, А. Герасимов, Б. Лебедев, А. Лукомский, С. Маслов, А. Нератов, Д. Никифоров, И. Романовский, В. Степанов, А. Цакани, Н. Чебышев, В. Челищев, И. Шипов, Е. Шуберский, В. М. Энгельке и М. Федоров.“

Кадетский официоз „Свободная речь“ 4-го октября 1919 г. писал: „Союз возрождения требует немедленного по освобождению от большевиков созыва Учредительного Собрания“, но „ясное понимание окружающей обстановки заменяется избавляющим от размышления поклонением партийным иконам.“ В № от 5-го октября того же года „Свободная речь“ писала: „Усиление начала национальной диктатуры, неумолимый отбор годных людей во всех отраслях управления, решительное пресечение болтовни демократических начетников, смелое, безотлагательное разрешение земельного вопроса в пользу хозяйственно-стойких элементов крестьянства—вот вкратце основные черты желательного курса“.

Началась реставрация дореволюционной России. „Временное положение о гражданском управлении в местностях, находящихся под верховным управлением главнокомандующего вооруженными силами на Юге“ устанавливает структуру власти, ничем не отличающуюся от царской России. Раздел 1-й на стр. 31 „Положения“ об управлении областями, занимаемыми Добр. армией“, текст которого составлен проф. Соколовским и Степановым, гласит:

„1. Вся полнота государственной власти в областях, занимаемых Добров армией, принадлежит В.Г.Д.А. (главнокомандующему Добров армией).“

2. В областях, занимаемых Добровольческой армией, сохраняют силу законы, действовавшие на территории Российского государства до 25-го октября 1917 года с изменениями, вытекающими из настоящего положения, а равно из имеющих быть изданными на основании его законов.

3. Все граждане Российского государства без различия национальностей, сословия и вероисповедания, пользуются в сих областях равными правами гражданства. Особые права и преимущества, издавна принадлежащие казачеству, сохраняются в неприкосновенности.

4. Первенствующая церковь в сих областях есть церковь русская

православная, возглавляемая Святейшим Патриархом Московским и всея России. Прочие признанные церкви и религиозные общества пользуются полной свободой и находятся под покровительством закона.

5. Государственным языком является русский. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях допускается в пределах, указанных законом.

6. Государственным флагом служит национальный русский 3-х цветный (бело-сине-красный) флаг". (Деникин. „Очерки русской смуты т. III, стр. 267—69).

По этому „Положению“ высшая государственная власть—законодательно-исполнительная принадлежит главнокомандующему вооруженными силами на Юге России, при которых находится придаток в виде совещательного органа, так называемого, „Особого Совещания“. Права Особого Совещания определяет раздел IV „Положения“.

„18. Для содействия В.Г.Д.А. в делах законодательства и управления при нем состоит Особое Совещание, в составе которого образуются отделы:

- 1) Внутренних дел
- 2) Дипломатический
- 3) Финансовый
- 4) Военно-морской
- 5) Торговли и промышленности
- 6) Продовольствия и снабжения
- 7) Земледелия
- 8) Путей сообщения
- 9) Юстиции
- 10) Народного просвещения
- 11) Государственного контроля.

Члены Особого Совещания назначаются В.Г.Д.А. Управляющие отделами состоят членами Особого Совещания по должности.

Председатель Особого Совещания назначается В.Г.Д.А. В тех случаях, когда В.Г.Д.А. найдет нужным лично председательствовать в Особом Совещании, председатель Особого Совещания участвует в заседании на правах члена. При Особом Совещании состоит Управляющий Делами, коему подчинена канцелярия Особого Совещания. Управляющий Делами входит в состав Особого Совещания на равных с Управляющими Отделами правах.

19. На обсуждение Особого Совещания поступают:

- 1) Все законодательные предположения.
- 2) Все правительственные мероприятия общегосударственного значения,
- 3) Все предположения о замещении главных должностей местного управления. Дела, подлежащие рассмотрению Особого Совещания, вносятся в оное В.Г.Д.А. или Управляющими Отделами. На внесение в Особое Совещание дел законодательного характера, Управляющие Отделами испрашивают предварительно разрешения В.Г.Д.А.

20. Законы издаются В.Г.Д.А. за скрепой председателя и всех наличных членов Особого Совещания. Указы обще-государственного значения скрепляются председателем Особого Совещания и Управляющими теми Отделами, к предметам ведения коих данное дело относится. Указы и распоряжения по отдельным ведомствам скрепляются Управляющими Отделами по принадлежности.

21. В области законодательства и Верховного Правления Особое Совещание в полном его составе, а равно Управляющий Отделами, являются законосовещательными органами при В.Г.Д.А. В области

управления Управляющие Отделами пользуются правами министра применительно к учреждению министерства.

22. За общий ход государственного управления Управляющие Отделами ответственны единственно перед В.Г.Д.А. (Деникин. „Очерки русской смуты“, т. III, стр. 267—69).

В местностях еще не „освобожденных“ Добровольческой армией, власть принадлежит главноначальствующим, пользующимся правами дореволюционных генерал-губернаторов, а в „успокоенных“ областях губернаторам, начальникам уездов (исправникам). В отношении деревни деникинское „Положение“ в статье 182 гласит: „Сельское общественное управление образуется по правилам, определенным в положении о Сельском состоянии (Св. Зак. том IX, Особ. прилож. 1902 г. и 182 ст. Полож. Георг. Покровский „Деникинщина“, стр. 99). На Северном Кавказе Черноморская и Ставропольская губернии управлялись губернаторами, а казачьи области—Донская, Кубанская и Терская—тешили иллюзией казачьего самоуправления.

Форме власти вполне соответствовало и содержание. Армия монархистов-чиновников дополнила армию монархистов-офицеров. Орган кубанских федералистов „Кубанская Воля“ в № 4 от 4-го февраля 1920 г., когда на поверхность выплыла грязная пена деникинщины, меланхолично подводит итоги политике своего союзника—Добровольческой армии. По словам газеты, Югом России во времена деникинщины управляли 221 царский чиновник:

Сенаторов	8 человек
Генералов	18 „
Действит. стат. сов.	50 „
Статск. совет.	22 „
Предвод. дворянства	49 „
Бывших председателей и членов цензовых земских управ (дореволюционного времени)	74 „

Итого 221 человек

Деникин собрал обломки царской России и из этих обломков пытался построить копию России эпохи дома Романовых. Лишь 17-го декабря 1919 г., накануне краха, Деникин издает приказ об упразднении Особого Совещания, подсовывая другой рукой „правительство“, под председательством генерала Лукомского, в составе Челищева, Бернадского, Фенина и других столпов Особого Совещания:

Но сама по себе северо-кавказская контр-революция составляла лишь часть всероссийской контр-революции, на вершине которой находился адмирал Колчак, 30-го мая 1919 года Деникин, под давлением союзников, издает приказ за № 1457 следующего содержания:

„Бессмертными подвигами Добровольческой армии, кубанских, донских, терских казаков и горских народов освобожден Юг России. Неудержимо движется армии вперед к сердцу России.

С замиранием сердца весь русский народ следит за успехами русских армий с верой, надеждой и любовью. Но на ряду с боевыми успехами, в глубоком тылу зреет предательство на почве личных честолюбий, не останавливающихся перед расчленением Великой, Единой России. Спасение нашей родины заключается в единой верховной власти и нераздельном с нею едином верховном командовании.

Исходя из этого глубокого убеждения, отдавая свою жизнь служению горячо любимой родине и ставя превыше всего ее счастье, я

подчиняюсь адмиралу Колчаку, как Верховному правителю русского государства и Верховному Главнокомандующему Русских Армий. Благословит Господь его крестный путь и дарует спасение России.

Подлинный подписал:

Генерал-Лейтенант Деникин“.

Между тем Дон, Кубань и Терек, сторонники „возрождения“ России „снизу“ на основах федерации, т. е. при условии сохранения „земельного пая“ и казачьей „муниципализации“, Колчака верховным правителем не признавали.

✚ К армии монархических офицеров и царских бюрократов присодинилась армия помещиков. Деникин отменил закон Временного Правительства от 12-го июля 1917 года, об ограничении земельных сделок, а также монополию на хлеб. Помещичья земля стала отбираться у крестьянства. Пункт 3-й земельной программы Деникина гласил: „Сохранение за собственниками их прав на землю. При этом в каждой отдельной местности должен быть определен размер земли, которая может быть сохранена в руках прежних владельцев, и установлен порядок перехода остальной частновладельческой земли к малоземельным. Переходы эти могут совершаться путем добровольных соглашений или путем принудительного отчуждения, но обязательно за плату. За новыми владельцами земля, не превышающая установленных размеров, укрепляется на правах „незыблемой собственности“.“ („Ген. Деникин о земельном вопросе“. Объявление).

Но этого мало. Деникин пожелал возратить помещикам „издержки революции“. Он издает закон, по которому земледелец по каким-либо причинам засеявший землю помещика, должен отдать последнему одну треть урожая 1919 года, а если владельца нет, то хлеб отдается местному начальству. Благодарные помещики не остались в долгу перед Добровольческой армией. Так, с'езд херсонских помещиков постановил об отчуждении десятой части каждой земельной собственности в распоряжение Деникина. Землевладельцы Донского округа созывают с'езд с целью добиться отмены закона, изданного Донским Войсковым Кругом. Между прочим, в Ставропольской губернии помещик Юрьев отказался сдать в аренду крестьянам села Владимировского 3.000 десятин земли, назначив высокую арендную плату. Особым Совещанием был составлен законопроект, по которому у землевладельцев остается более 75% всей площади единоличного владения.

Само собой разумеется, свою земельную политику Деникин мог проводить лишь при помощи карательных экспедиций. Юг России запыхал крестьянскими восстаниями. И если украинский кулак шел против Добровольческой армии под лозунгом Махно: „бей добровольцев“, то на Северном Кавказе, выросла на Черноморском побережье, так называемая „красно-зеленая армия“, а на границах Дона зеленая армия дезертиров Добровольческой армии, отказавшихся защищать интересы помещиков, поднялось против Деникина и крестьянство Ставропольской губернии.

По отношению к рабочему классу политика Деникина была политикой арестов, расстрелов и разгона рабочих организаций. Большевики усердно помогали Деникину, занимая предоставленное историей место на левом фланге контр-революции. Большевицкая газета „Начало“ № 1 от 29-го июня 1919 года писала: „дождь разрушения... предстал“ в образе „мирового большевизма“, т. е. слепого стихийного возмущения низов, прошедших жестокою школу войны и горьких

разочарований“. (Цит. из кн. Пионтковского: „Гражданская война в России“, стр. 538).

При своеобразном „разделении труда“ в лагере деникинщины, меньшевики выполняли самую отвратительную часть—предательство рабочих, идейное обезоруживание рабочего класса.

О расправе Деникина с рабочими и профессиональными организациями мы находим материал в „Первом меморандуме Югпрофа председателю Особого Совещания“.

„Бюро краевых объединений профессиональных союзов Юга России,—читаем мы,—вынуждено обратиться с нижеследующим заявлением по поводу имевших место как в Харькове, так и в ряде других мест Юга России массовых случаев преследований, арестов и даже расстрелов ответственных работников и рядовых членов профессиональных союзов.

В конце июня с. г. был арестован в Мереве, Харьковской губернии член областного правления союза рабочих-химической фарфоро-фаянсовой и стекольной промышленности—Н. Виленский.

Несмотря на многократные обращения к властям, со стороны представителей бюро краевых объединений, удостоверявших, что Н. Виленский никакого отношения ни к партии коммунистов, ни к Советской власти не имел, не только не удалось добиться его освобождения, но 4-го июля с. г. он был убит „при попытке к бегству“. как гласит официальное уведомление, полученное его женой. Не подлежит сомнению, что эта версия не соответствует истине, и что Виленский сделался жертвой бессудной расправы, тем более, что по имеющимся сведениям, он перед смертью подвергся жестоким истязаниям (избиению шомполами и пр.).

„Приведенный случай с Н. Виленским, являясь только наиболее вопиющим из всей массы, имеющих в распоряжении бюро краевых объединений фактов, отнюдь не является фактом случайным и единичным“.

„Кроме указанных случаев арестов работников профессионального движения,—читаем мы там-же,—имели место также случаи неправомысленных обысков в помещениях союзов и даже попыток разгона законо-существующих рабочих организаций. Так, 15-го июня с. г. агентами контр-разведочного отделения было, в отсутствие правления союза, вскрыто помещение союза рабочих химической, фарфоро-фаянсовой и стекольной промышленности, по Горяиновскому пер. № 13, кв. 86, при чем после обыска были забраны все документы, бумаги и книги союза, а часть бумаг, по заявлению хозяина помещения, была сожжена. И это несмотря на то, что в беседе с представителями Харьковского Совета профессиональных союзов комендант города Харькова выразил согласие на то, чтобы обыски в помещениях профессиональных союзов производились не иначе, как в присутствии представителей правлений союзов. Другой случай имел место на фабрике М. С. Кузнецова в Будах, Харьковской губ., куда 25-го сего месяца явилась воинская команда, в количестве 20-ти человек, под начальством прапорщика, и выгнав из помещения фабрично-заводского комитета находившихся там членов комитета и членов правления местного профессионального союза рабочих химической промышленности и посетителей, запретила фабрично-заводскому комитету и правлению союза, под угрозой расстрела, продолжать свою деятельность в фабричном помещении. Между тем, у фабрично-заводского комитета имеется даже письменное согласие фабричной администрации на предоставление помещения под комитет и правление союза“.

2 Вместе с помещиками организуется и торгово-промышленная буржуазия, 8-го октября 1919 года в Ростове состоялось совещание торгово-промышленных деятелей, которое самой неотложной мерой экономической политики считала укрепление частной собственности. Горнопромышленники добивались у торгово-промышленного совещания отмены нормировочных цен, издания закона о продлении аренды крестьянских земель и т. п. Пункт 1-й программы Деникина по рабочему вопросу гласил: „Восстановление законных прав владельцев фабрично-заводских предприятий и вместе с тем обеспечение рабочему классу защиты его профессиональных интересов“. Национализированные заводы и рудники были возвращены обратно владельцам.

Что касается мелко-буржуазной демократии, то очутившись между пролетарской революцией и буржуазно-помещичьей контр-революцией, она упорно целовала сапог Деникина, а он не менее упорно отталкивал ее тем же сапогом, который она лобызала. Еще когда физиономия деникинщины недостаточно определилась, состоявшийся в Симферополе с 30 ноября по 8-е декабря 1918 г. съезд представителей земских и городских самоуправлений Юга России, вынес постановление: „принять все необходимые меры к созданию временной государственной власти всего Юга России и политически представлять ее от земских городов. Он высказался против придания Особому Совещанию характера всероссийской власти и в пункте 6-м резолюции заявил: „Съезд полагает, что на Юге России должно быть образовано Южно-Русское Центральное Правительство. Это правительство должно быть образовано путем сговора политических и общественных групп на государственном совещании в форме немногочисленной директории. Главнокомандующий всеми русскими силами на Юге России должен войти в директорию на правах директора“.

(Георг. Покровский. „Деникинщина“. Стр. 74).

Но Деникин перешагнул через директорию.

Несколько дальше пошли в своих требованиях городские деятели Терского края, пытавшиеся заявить о своих скромных желаниях Добровольческой армии. Совещание городских и общественных деятелей Терского края, состоявшееся в Пятигорске с 11-го по 15-е апреля 1918 года под председательством бывш. члена 4-й Государственной Думы Дзюбинского, в своей резолюции говорит: „идеям народного самоуправления и самоуправления ныне должны служить городские самоуправления, как органы народной воли; до созыва учредительного собрания должен быть создан Терский учредительный съезд (сейм), в котором выразится народная воля казаков, крестьян и всех граждан Терского края; городские управы по назначению, как учреждения, чуждые городскому населению, должны быть ликвидированы. Взамен их должны быть избраны, при условиях свободы предвыборной кампании, на основе 4-х членной формулы (без урезок) городские думы“.

Такую же лояльную оппозицию представляли съезды иногородных: „Состоявшийся в Эссентуках 29-го октября по 1-е ноября (н. ст.) 1919 г. съезд иногородных Терского края, под председательством Д. Павлова, начал с приветственных телеграмм Добровольческой армии. На этом съезде эсер Л. Орлов, вместе с палачем ген. Петренко, убийцей Ге, был избран в делегацию для приветствия Д. А. Однако, и на этом съезде прорвался больной для иногородных земельный вопрос. В докладе делегата ст. Лысогорской М. Деденко говорится, что „при Советской власти у крестьян была земля, а пришла Добрармия—все забрала, иногородных как бы отбросили...“ Съезд признал, что ...„зе-

мельный вопрос обострился... и отложил его до Учредительного Собрания, заняв по отношению к казачеству примиренческую позицию“.

Деникин круто расправился со своими вчерашними союзниками. Во Владикавказе была разогнана выборная городская управа, новую назначил каратель генерал Ляхов. В Ставропольской губ. ни один член управы не был утвержден, гласные арестовываются, высылаются. 6-го марта 1919 года, Деникиным были изданы правила об упрощенном управлении городским хозяйством, по которым городские думы распускаются, а обязанности их возлагаются на управы последнего состава, а если их нет, то городские головы и члены управы назначаются губернаторами. В дальнейшем Особым Совещанием было издано временное положение об общественном управлении городов в духе городского положения 1892 года.

В этом черносотенном концерте тускло звучал голос социал-гласителей. Большевики и эсеры представляли из себя лояльную оппозицию, на манер английской оппозиции „его величества“. Они были необходимым аксессуаром деникинщины „государственности“, фиговый листком, прикрывающим уязвимое место, по выражению Эрдели, „хама“ Деникина. (См. отчет о процессе киевских меньшевиков. „Партия меньшевиков и деникинщина“. „Красная Новь“ Москва. 1923 г.).

↓ За „помещичьим шарабаном“—по остроумному выражению Агева,—генерала Деникина плелось и православное духовенство. Мещанский даже в революции Ставрополь, в эпоху реакции превратился в поповский центр. Помимо епархиальных и уездных съездов духовенства, здесь с 19 по 24 мая 1919 года состоялся юго-восточный русский поместный церковный сбор. Не лишены интереса некоторые постановления и воззвания, собравшихся под крыло Добровольческой армии, попов.

Вот отношение духовенства к революции (из „Воззвания к красноармейцам поместного собора“). „Революция—это кровавый поход против Христа. Вот почему вы слепо разрушаете православные храмы, когда в синяги и мечети стоят неприкосновенными. Вот почему вы оскверняете честные мощи. Вы растапывали, как бесноватые, в алтарях Святые Дары. Вы издевались над иконами Спасителя и Божьей Матери и угодников Божьих. Вы распинали на крестах, мучили, закапывали живыми в землю служителей Бога живого. Ни один народ не творил таких страшных преступлений, какие содеяны вами за два последние года.

Долготерпелив Господь, но страшен гнев Его. Возмездие земное уже близится. Победоносные полки Добровольческой армии, объединившие почти весь юг, сибирская армия адмирала Колчака, подошедшая к Волге, генерала Юденича, осаждающая Петроград, западные полки славян, приближающиеся к Киеву, уже сжали железным кольцом Красную армию. И близок час, когда силой оружия, благославляемые православной церковью, русские полки с крестом и священными знаменами войдут в Кремль Москвы. Наступит час расплаты. И вожди ваши еще раз предадут вас: с награбленными миллионами они найдут способ убежать и скрыться, а вас оставят для расплаты“.

(Никулихин. Цит. соч. стр. 123).

Другое обращение—21-го мая 1919 года „Ко всем чадам православной церкви южного края России“, начинается следующими елейными словами:

„Благодать вам и мир от Бога Отца Нашего и Господа Иисуса Христа“. „Блюдите, как опасно ходите, не якоже немудры, но якоже премудры, искупающе время, яко дние лукавы суть“.

А дальше идет защита частной собственности: „Православные русские люди, прекратите взаимные распри, раздражающие близких соседей и братьев по вере и крови; сильные, не притесняйте слабых; богатые, не обижайте бедных; бедные, не завидуйте богатым; не позволяйте себе неправомерных прибылей, которые, как огненные уголья, падут на голову вашу; берегитесь убийства, жестокости и беззащитным, грабежей и присвоения не принадлежащего вам имущества—этот наш великий порок, увы, за последнее время стал причиной недоброй славы в народе нашем“. (Там же, стр. 124).

Духовенство выступает не только, как идеологический придаток деникинщины, но и как земельный собственник. Так председатель временного высшего церковного правления на Юго-Востоке России в циркулярной записке к Особому Совецанию просил—„не торопиться с отобранием церковных земель, прежде чем всероссийский церковный собор не выскажется, в каком объеме это можно было бы сделать, идя навстречу просвещенным заботам о благе народа главного командования и чем можно было бы заменить земельную обеспеченность... во всяком случае необходимо освоиться с мыслью, что полное лишение церкви ее имущества—недопустимо“.

Национальная политика генерала Деникина, т. е. вопрос исключительной важности для Северного Кавказа, повторяла путь царского правительства. Не даром генерал Эрдели в своем дневнике записывает: „Заниматься покорением Кавказа вновь—это совсем некстати, а только страшное бремя“. Союз с горскими феодалами, вроде Султан-Келеч-Гирея, вовлекшего черкесский народ в деникинскую авантюру, расправлявшийся с горцами, привел в конечном итоге, к тому, что в горах к концу деникинщины пылал революционный пожар. С осетинским крестьянством расправлялся Бетта Хабаев, князь Вадбольский, кабардинский князь Анзоров.

Разгром селения Христианского, революционного центра Осетии, красочно описывает М. К. Гарданов (Известия Осетинского Научно-Исследовательского Института Краеведения, вып. 1, 1925 года, стр. 217—218).

„Рано утром (16 апреля, стар. стиль или 29 апреля нов. стиля), князь Вадбольский, командовавший экзекуционными отрядами Добровольческой армии на Северном Кавказе, в соучастии с кабардинским князем Анзоровым Мулдаром, казачьими верхами и иронскими полковниками Гутиевым и Икаевым, осадил Христианское село и потребовал от него выдачи всех керменистов и непосильной контрибуции. Срок исполнения приказа 3 часа—от 7 до 10 часов утра. Жители села только что выгнали скотину на пастьбу, и стада крупного рогатого скота сделались достоянием Вадбольского, который считал их военной добычей и в счет контрибуции не вносил. Христиановцы не могли выполнить приказа к сроку. Тогда Вадбольский приказал всем мирным жителям покинуть село и перейти на его сторону, чтобы в селении не было случайных жертв. Это было в день народного праздника Алаурди, в понедельник, после Фоминой недели. Все граждане села надлежащим образом приготовились к празднику Алаурди, патрона подрастающего поколения обоего пола. Все было заготовлено к празднику: жареные и вареные барашки, пироги, хлеб, пиво, наливки, арака—все это в изобилии в каждом доме, в кладовых и на столах тех, которые успели накрыть столы с утра. Редкие из хозяев успели принести свои жертвы и отведать от своего праздничного приношения, как раздался клич покинуть село на несколько часов. Легковерные граждане села думали, что они выйдут в поле к Вад-

больскому, и скажут ему, что они подчиняются ему и получают разрешение вернуться в селение, а потому они и вышли в открытое поле к Вадбольскому с голыми руками. Раздались первые пушечные выстрелы. Народ в панике бежит в открытое поле, на то место, которое ему указал „Иуда“ Хабаев. Другая часть населения, керменисты и революционная молодежь, более 200 всадников, захваченных врасплох, в селении, решила вступить в неравный бой с осаждавшими село, прорвать цепь и избавиться от врага, или же умереть смертью честного революционера в открытом бою. Вся эта конница запела песни богатырей и с военным криком древних нартов пустилась в атаку. Цепь расступилась и открылась нашим керменистам дорога в северо-западном направлении, в лес. Через несколько минут они скрылись в горах и лесах Муртазата и Силтанук. До вечера пустое безлюдное село обстреливалось белогвардейцами перекрестным огнем из пушек, пулеметов и бомбометов, но ответного огня им никто не посылал навстречу. В селении осталось несколько дряхлых стариков и два коммуниста—Чаголов Г. А. и Золоев Н. А. Вадбольский убедился, что в селении нет никого больше и под вечер вступил в село. Все те зверства, которые чинил этот человек в селении Христианском, не поддаются описанию при помощи пера современного историка-очевидца. Опьяненные до безумия казаки четвертовали слепых стариков и старух, метавшихся на постелях, издевались и глумились над ними; разрубали на части грудных детей в колыбелях. Особой жестокостью в Христианском селении отличался отряд Мул-дара Анзорова, который разбивал целые пасеки на части, бросал ульи в реку, насиловал женщин, добывал стариков дубинами и прикладами до смерти, чтобы им тяжелее было умирать: подвергали пыткам людей, чтобы получить от них золотые клады, которые, по их мнению, были спрятаны в подземельях Христианского села. Были случаи, когда женщина-старуха, оставшаяся дома, как больная, вступала в бой с казаками, убивала противника выстрелом из револьвера“.

То-же самое происходило в Кабарде и в Чечне, на борьбе которой с деникинщиной мы остановимся далее подробнее.

Говоря о деникинщине, нельзя не остановиться хотя бы попутно на Осваге и деникинской печати вообще.

Осваг это—осведомительное агитационное бюро при деникинском Особом Совецании—сочетание агитации с контр-разведкой. Осважные газеты издавались во всех более или менее крупных пунктах Юга России и носили явно черносотенный характер. Такой же характер носила „Великая Россия“, официоз Добровольческой армии, газета выходившая под редакцией Н. Н. Львова. Издавались также плакаты. Образец осважной агитации приводит белогвардейский писатель Георгий Виллиам в своей брошюре „Распад добровольцев“: „стены домов и окон магазинов в Новороссийске... были сплошь оклеены дешевыми олеографиями на подобие известных лубков, как-то: „смерть пьяницы“, „водка есть кровь сатаны“, и т. д. На этих картинках фигурировал Московский Кремль, освещенный зарею, русский витязь на борзом коне, Троцкий в образе чорта; ярко-рыжий англичанин тащил за собой связку крошечных корабликов и вез на веревочке игрушечные пушки. На этом была надпись: „Мои друзья русские. Я, англичанин, даю вам все нужное для победы“ (Стр. 41).

Помимо осважной прессы Пуришкевич издавал в Ростове на Дону журнал „Благовест“, в котором вел погромную агитацию. Выходила „Донская волна“ казачьего журналиста Виктора Севского, черносотен-

ное „Родное слово“, сатирический журнал „Фараон“ и др. издания. Вся эта беспардонно-продажная печать занималась травлей большевиков. Г. В. Немирович-Данченко („В Крыму при Врангеле“, Берлин 1922 г., стр. 36) клеймит осваивников беспринципными и жадными до денег Тряпичкиными и газетными мародерами. Из писателей в лагере денкинской печати мы встречаем Ивана Наживина, Евгения Чирикова, Евгения Трубецкого, А. Суворина, И. Сургучева и целую плеяду менее заметных.

За спиной Деникина стояли англичане. Они решали и стратегические и политические вопросы, слишком поспешно причислив Россию к своим колониям.

Чтобы понять политику англичан, необходимо учесть и значение кавказских месторождений нефти, стоящих по мощности на втором месте в мире (на первом месте стоит Америка), и жестокую борьбу между собой нефтяных королей.

На первом месте по добыче нефти стояла фирма бр. Нобель, принадлежащая к группе, состоявшей в тесной связи с американским керосиновым трестом „Standard oil С-у“, являвшаяся монополистом. Английская политика на Кавказе была направлена к захвату кавказской нефти, что в случае успеха, обеспечило бы Англию, которая успела наложить руку на Персию, Месопотамию, Египет, Канаду и Индию, монопольное положение на мировом нефтяном рынке¹⁾.

Деникин являлся по существу приказчиком нефтяных королей, точно так же, как грузинские меньшевики были приказчиками марганцовых баронов. Вот мелкий, но очень показательный факт: Сочинская белогвардейская газета „Родное слово“ 1 ноября 1919 г. (№ 220), посвящая статью описанию вручения в Царицыне главой английской миссии ген. Хольденом ордена барону Врангелю, приводит следующие слова Хольдена: „Приходится очень сожалеть, что расстояние мешаает Его Величеству лично наградить вас за службу и исключительную стойкость в борьбе с нашим общим врагом, большевиками“. (Цит. из кн. Павловича: „Основы империалистической политики“).

Большевики, волею исторических судеб, были вдвойне врагами английских империалистов: во-первых, потому, что большевики есть большевики, а во-вторых, потому, что Советская власть стала поперек дороги на пути Англии к господству на нефтяном рынке.

Замечательным образцом самоуверенного английского империализма является воззвание полковника английской службы Роулансона к чеченцам, ингушам и дагестанцам, своей непокорностью вызвавших раздражение англичан. „Объявляю всему чеченскому народу от английской миссии,—пишет полковник Роулансон.—Я, представитель английской миссии при генерале Деникине, полковник Роулансон обращаюсь к представителям Ингушетии, Чечни, и Дагестана и говорю: „Правительство Англии поддерживает правительстве Деникина и его цели. Цели генерала Деникина: уничтожение большевиков, возрождение Великой Неделимой России и широкое самоуправление горских народов.

Вы не должны думать, что Англия вывела свои войска из Тифлиса и Баку потому, что она против Деникина.

¹⁾ По добыче нефти Россия занимала важное место в мировом хозяйстве. В 1901 г. Россия дала 50% мировой добычи нефти. В 1913 г. Россия дала лишь 17,8%, тогда как Северо-Американские Штаты 62,4%. В 1913 г. из 556 мил. пуд. Грозный 2,842 мил. пуд., Бинагады 36 мил. пуд., Эмбенский район 16,5 мил. пуд. Святой 6 мил. п., Черекен 6 мил. п., Майкоп 4 м. п.,—старобакинские площади—333 м. п.

Выгнав из Кавказа немцев и турок, Англия, исполнив свою задачу, отвела свои войска.

Представитель Англии в Закавказье 4 августа н. ст. объявил Грузии, Азербайджану, что в Дагестане право водворить порядок принадлежит генералу Деникину и что Грузия и Азербайджан должны помогать Деникину в его борьбе с большевиками, иначе Англия будет смотреть на это, как на акт недоброжелательства... Англия поощряет Деникину снаряжением, танками, аэропланами, пушками, пулеметами и будет помогать при исполнении Деникиным его цели.

„...Будет очень жалко,—предупреждает горцев Роулансон,—если придется обратить это оружие против горцев и их аулы будут разрушены“ (Костерин—„В горах Кавказа“, стр. 51—52).

В распрях Деникина с казачеством и прежде всего с Кубанской Радой англичане неизменно принимали сторону Деникина. И когда перед концом денкинщины между ними назревала разрыв, то, главным образом, по настоянию англичан не развалился союз Деникина с казачеством и по их же настоянию Деникин был вынужден принять неудачливого главу Архангельского правительства Н. В. Чайковского.

„Почетный казак“ станиц Незамаевской и Старочеркасской представитель английской миссии генерал Хольман грозил кубанцам не дать ни одного патрона, если они порвут с Деникиным, и призывал их к борьбе с „врагами христианства“.

„Казак!—писал он.—Меня послал сюда Его Величество король Англии для того, чтобы помогать вам в вашей борьбе против врагов христианства. Не забывайте, что с большевиками идут китайцы, латыши и другие наемники, которые хотят справить кровавый праздник в ваших домах и станицах. Допустите ли вы, чтобы ваши жены и дети стали посмешищем этих убийц.

Я доложил Его Величеству, что вы все решили во что бы то ни стало уничтожить этих людей.

Я знаю, что война трудная, я знаю, как доблестно сражались вы везде, в безводных степях Царицына, в холод и вьюгу в начале войны. Я знаю, как вы боролись до сих пор, будучи лишенными многого необходимого. По всему этому я могу и буду помогать, как только смогу, обмундированием и снаряжением“.

Заканчивается воззвание словами:

„Не допустите, казаки, чтоб вас прокляли потомки ваши. Лучше заслужите вечную славу за Родину. Помогите вам Бог“. Подпись: Генерал-майор Хольман, начальник Его Величества английской миссии, почетный казак станиц Незамаевской и Старочеркасской.

Тихорецкая, 10 января 1920 г.“ (Цит. из газ. „Накануне“).

Обеспокоенные земельной реформой Кубанской Рады,—а это беспокойство вполне понятно, т. к. в Кубанскую нефть вложены английские капиталы,—английские генералы произносят речи по аграрному вопросу против насильственного отчуждения частновладельческих земель. Точно также и французский представитель при Деникине Эрлиш заявил, что „союзники считают своим врагом всякого, идущего против Добровольческой армии“.

Без союзников Деникин был ничто, он светил отраженным светом керосиновых королей, и английские мундиры на денкинской армии свидетельствовали о фактическом положении вещей.

При помощи Деникина английские империалисты, в погоне за нефтью, пытались вытащить каштаны из огня чужими руками.

Втянутое в эту сложную авантюру казачество Северного Кавказа

поддерживало связь с Деникиным отнюдь не в целях возрождения „Великой Единой Неделимой“, а в целях сохранения „земельного пая“. От пролетарской революции и от помещичьей реставрации оно искало спасения в федерации, которая, при ликвидации основ казачьего землевладения, могла сохранить за кулачеством его земли. Демократия и федерация на устах казачества являлись реакционными лозунгами.

Но даже контр-революционное казачество было более демократичнее, чем черносотенная Добровольческая армия. К тому же казачество не прочь было пожертвовать интересами крупного землевладения, чтобы откупиться от иногородных за чужой счет.

Чем ярче вырисовывалось лицо помещичье-дворянской реакции, тем далее казачество отходило от Деникина. Во главе казачьей оппозиции стояла Кубанская Рада, именно—ее левая часть.

Как видно из заявления одного из виднейших кубанских федералистов Макаренко,—„демократы“ из Рады не возражали против диктатуры Деникина, но Деникин возражал против „казачьей демократии“. 15-го августа 1919 г. он заявил в Таганроге В. А. Харламову, В. И. Баскакову и Л. Л. Макаренко: „Я не допущу, чтобы над моей головой стоял многоголовый совдеп“... (Г. Покровский, „Деникинщина“, стр. 161).

Но казачество все же упорно стремилось идти по своему пути. „Декларация Кубанского Краевого Правительства“, оглашенная в Законодательной Раде 29 января 1919 г. (по ст. ст.), гласит: „Для успеха борьбы, а равно и в интересах правительства внутренней жизни, необходимо... объединение всех действующих в одном направлении сил. Такими силами являются те части России, которые освобождены от Советской власти и ведут с ней решительную борьбу. Мы можем окончательно предрешить теперь формы будущего воссоединения разобщенных частей России. Этот вопрос будет призвано разрешить лишь Всероссийское Учредительное Собрание нового созыва. Но мы признаем жизненным и целесообразным принцип федерации; и объединение в настоящее время существующих ныне государственных образований мы мыслим лишь на основах федерального союза. И в первую очередь должны объединиться в прочный государственный союз казачьи земли: Кубань, Дон и Терек. Их интересы тождественны, их социальный строй однороден и на пути к их объединению нет никаких препятствий“.

Надо заметить, что Терский Большой Казачий Круг в своей декларации высказался в том смысле, что возрождение России „терские казаки не мыслят иначе, как через Всероссийское Учредительное Собрание“, Донской Большой Войсковой Круг в декларации от 1-го июня 1919 г. говорит, „что будущую Россию Круг мыслит „как единую свободную демократическую страну“, с государственным устройством, установленным Учредительным Собранием“.

Земельный вопрос стоял не только между Деникиным и казачеством, но и между казачьими областями. На одном из заседаний конференции по созданию Южно-Русского Союза В. А. Харламов заявил: „Возьмите земельный вопрос. Мы не можем создать общего министерства по земельному делу, ибо у вас одни отношения, у нас другие. Если у вас мало земли, то мы ни клока земли вам не дадим, это нужно прямо сказать. А Кубань, если имеет больше, то тоже Дону не даст ни клока земли своей. Это, по моему, неосуществимо в жизни“. (Стенографический отчет. С.-К. Архив).

В июне—июле 1919 года в Ростове и Новочеркасске состоялась казачья конференция по созданию Южно-Русского Союза. Между До-

ном, Кубанью и Тереком был заключен договор, по которому „государственное образование Дона, Кубани и Терека составляет политический и экономический союз“. На этой конференции политика Деникина подверглась жестокой критике со стороны федералистов и было вынесено следующее постановление полномочных представителей государственного образования Дона, Кубани и Терека: „Полномочные представители государственных образований—Дона, Кубани и Терека, собравшись в г. Ростове на Дону 11—15 июня 1919 г. на конференцию для образования союза, в полном соответствии с постановлениями Донского и Терского Войсковых Кругов и Кубанской Рады и принимая во внимание единогласное признание общности интересов Дона, Кубани и Терека, постановили:

1. Государственные образования—Дон, Кубань и Терек составляют политический и экономический союз.

2. Конституция союза вырабатывается особо.

3. До выработки конституции Дон, Кубань и Терек действуют солидарно в области общих политических и экономических интересов.

4. Цель союза: а) согласование и защита культурных, национальных, политических и финансово-экономических интересов членов союза; б) всемерное содействие объединению России, как государства, на основе широкого народоправства и признания культурных, исторических и национальных особенностей отдельных областей; в) создание условий, необходимых для созыва нового Всероссийского Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

5. В союз могут вступить и другие государственные образования, признающие основные начала союза“. (Стеногр. отчет. С.-К. Архив).

В ответ на это 20 июня, накануне окончательного решения вопроса о создании Южно-Русского Союза, добровольцами был убит председатель Кубанской Краевой Рады Н. С. Рябовол, один из инициаторов идеи создания Южно-Русского Союза. Деникинцы не скрывали своей ненависти к „самостийникам“. По словам члена Рады Федоренко („Путь Коммунизма“, № 3, стр. 101), когда на здании Рады в Екатеринодаре была вывешена листовка со словами: „Врагами народа убит председатель Краевой Рады Николай Степанович Рябовол“,—корниловские офицеры, в присутствии членов Рады зачеркнули слово „врагами“ и написали „друзьями“. Но Рада не осмелилась выступить против Деникина и продолжала мобилизовать для Деникина казаков. А конференция, после неудачной попытки столкнуться с Деникиным, закончилась ничем. Точно также повисло в воздухе постановление Рады о создании Кубанской армии. Только Дон имел свою армию, но ни Терек, ни Кубань армии не имели. Лишь перед концом деникинщины, в период полного развала Добровольческой армии, Деникин разрешил формирование Кубанской армии, назначив командующим ее ненавистного федералиста генерала Шкуро, которого сменил Улагай.

В своем письме от 11 июля 1919 г. за № 10066 на имя Войскового атамана Кубанского казачьего войска Деникин писал:

„Вы знаете, что в свое время генерал Краснов дважды меня угваривал с Добровольческой армией двинуться на север и предоставить кубанцам, входившим в Добровольческую армию, самим очищать и, следовательно, формировать свою армию, и в то время это легко было исполнимо и генерал Покровский мог приступить к формированию постоянной Кубанской армии, но вы, Кубанское правительство и Законодательная Рада просили этого не делать и просили Добровольческую армию двинуться для освобождения Кубани, что я и исполнил.

...Итак, ни стратегические, ни политические, ни технические условия, ни численное состояние Кубанских частей, не позволяют мне согласиться на вашу просьбу" (С.-К. Архив).

Помещичье землевладение в казачьих областях и вообще на Северном Кавказе, за исключением Донской области, не являлось сколько нибудь значительным.

Федеративным устройством казачье кулачество стремилось узаконить свою обособленность. Отгородившись от русского крестьянства, казачество готово было бросить кость иногородным за счет помещичьего землевладения. Впервые земельный вопрос был поставлен на Чрезвычайной Раде, заседавшей в ноябре 1918 г. Торжествуя свою победу, казачество не стеснялось в проявлении своей ненависти к иногородному населению. Один из членов Рады говорил об иногородних, что если они не будут выселены, то „к весне мы сами истребим их“. Министр земледелия Скобцов заявил, что борьба идет из-за 500 тыс. дес. земли, принадлежащей частным владельцам. Казачество торопилось закрепить за собой земли. Статья 3-я представленного закона о земле гласила: „...кубанское войско сохраняет за собой право владения, пользования и распоряжения всеми принадлежащими ему землями“. В проекте говорилось, что „за счет кубанского краевого земельного фонда удовлетворяются землей в первую очередь малоземельные казаки, горцы и коренные крестьяне Края, которые не принимали активного участия в большевизме“. (Гольдентул: „Земельные отношения на Кубани“, стр. 57).

Таким образом, масса иногородного населения—батраки и арендаторы остались в прежнем положении. Но не только иногородные, а также и горцы не были удовлетворены предлагаемым решением земельного вопроса. На заседании Рады представитель горцев Готагогу сказал: „Наши нужды в данном проекте не отражены. Карачаевец Биджиев „просил оставить за ними хотя бы их земли“.

В декларации Краевого правительства по земельному вопросу говорится, что: „все земельное законодательство должно быть направлено к восстановлению такого порядка, при котором вся земля, нужная для сельского хозяйства, безболезненно перешла бы в пользование народа и все граждане, составляющие коренное население Края, получили бы в пользование равное право“.

В дальнейшем этот широковещательный пункт в декларации был расшифрован: „народ“, о котором идет речь превращается в казачество. 2-го сентября 1919 года Законодательная Рада приняла закон о земле, который отменял частную собственность на землю, конечно, но безвозмездно. Это внешне революционная мера лишь фиксировала фактическое положение вещей в казачьих областях. Эта мера ударяла лишь по немногочисленной группе частных собственников и, как это не парадоксально, под революционным флагом напугавшим Деникина, казачество протащило реакционную политику. 106-я статья закона о земле гласит: „право на надельные земли кубанского краевого земельного фонда принадлежит, в первую очередь, на равных основаниях, всем малоземельным коренным жителям Края (казакам, горцам и крестьянам)“, а затем уже другому населению Края, занимающемуся сельским хозяйством. Казаки, горцы и крестьяне по этому закону сохраняют свой земельный пай безотносительно к тому, обрабатывают ли они землю или нет. Но коренное-же иногородное население этого права лишено.

Этот закон был первым шагом к кулацкому переделу земли, что мы видим и на Дону. Кулацкое казачество сохранило за собой земли,

а также батраков и арендаторов. По земельному закону арендаторы, заключившие договор до 1-го марта 1917 года остаются арендаторами и платят аренду, а у заключивших договор после 1-го марта 1917 года, земля может быть отобрана в земельный фонд для дополнительного наделения коренных и иногородных.

При обсуждении этого проекта член Рады иногородный Преображенский заявил: „раньше у иногородных были какие-нибудь надежды, что при переделе их интересы будут соблюдены... И большевизм, восстановивший одно население против другого, должен быть учтен с этой точки зрения. Мы должны были эту занозу вырвать, но мы ее углубили“. (Гольдентул, цит. соч., стр. 65).

Не менее последовательно „казачья демократия“ проведена в избирательном законе. Установив при выборах в Краевую Раду всеобщее, прямое, равное и тайное голосование, закон для казачества и коренных жителей не устанавливал ценза оседлости, но для иногородных городов ценз оседлости был установлен в два года, а в станицах в пять лет. Точно также было ограничено пассивное избирательное право иногородного населения при помощи того-же ценза оседлости. Таким образом, большинство иногородного населения было устранено от власти.

Но поскольку земельный закон Кубанской Рады все же подрывал принцип частной собственности на землю, он коренным образом расходился с программой деникинских Особого Совещания. Спекулирующая на революционных лозунгах, но по существу реакционная Кубанская Рада, превратилась в пугало для черносотенцев—помещиков, даже англичане и те были шокированы своим союзником-казачеством.

Насколько велика была ненависть помещиков к Раде на Кубани видно из того, что землевладелец Николаенко избил члена Рады Сахно. Несколькое иное положение сложилось в Донской области, где помещичье землевладение играло большую роль, нежели на Кубани. Земельным законом от 1-го июня ст. ст. 1919 года „все земли сельскохозяйственного пользования в пределах Всевеликого Войска Донского, принадлежащие их владельцам на праве частной собственности... подлежат принудительному отчуждению в особый земельный фонд Войска Донского. Однако, из подлежащих принудительному отчуждению взят целый ряд земель, а безвозмездно отчуждаются лишь земли церковные и монастырские, благотворительных, учебных и прочих учреждений и—выпад против донского чиновничества и офицерства безвозмездно отчуждаются „земли, вымежеванные первоначально из общего войскового достояния Всевеликого Войска Донского, дошедшие до нынешних владельцев, через непрерывную цепь безвозмездных передач“. Пункт 16-й. Из 105 статей этого закона статьи от 16-й до 51-й посвящены исключительно способам вознаграждения частных владельцев.

Само собой разумеется, иногородное население от этой реформы ничего не получило. По пункту 52-му закона земли от особого земельного фонда „назначаются для дополнительного наделения землей малоземельных и безземельных донских казаков и донских крестьян“.

Предельной нормой наибольшего количества земли, которая может быть сосредоточена в руках одного лица, назначена от 35 до 50 десятин.

Пропитанная сословно-кулацким духом казачья земельная „реформа“ на Дону, однако, ударила по крупным земельным собственникам—помещикам, сторонникам „Великой Единой Неделимой“. Перед нами брошюра „Земельный вопрос с государственной точки зрения“, издан.

в 1919 году „Донским союзом собственников недвижимых имуществ“. Собственники крайне обеспокоены проектом земельной реформы на Дону. Они, ведь, тоже—иногородные. На странице 4-й мы читаем:

„Ст. 1. Земельная собственность сельско-хозяйственного пользования в пределах В. Донского может быть приобретаема только гражданами его“.

„Кто же граждане?—спрашивает автор.—Разве всякий подданный русской державы не есть в то же время гражданин Дона? Если гражданин Дона есть понятие государственно-правое, то стало быть по мысли проекта Дон должен составлять особое государство, при чем остальные граждане России не могут считаться гражданами и на Дону и в свою очередь донцы будут иностранцами во всей остальной России? Каким образом можно приобрести право гражданства на Дону? Можно ли, приобретя или будучи гражданином на Дону, быть в то же время и гражданином всей России?“

Являются ли гражданами постоянные обитатели Дона, но не принадлежащие к числу казаков и коренных крестьян?“

Такие тревожные вопросы возбуждает эта статья.

Среди многочисленных жалоб земельных собственников мы находим жалобу, исходящую непосредственно от донских офицеров и чиновников. Их смущает статья 16-я проекта, которая гласит, что „земли, вымежеванные первоначально из общего войскового достояния Всевеликого Войска Донского и дошедшие до нынешних владельцев через непрерывную сеть безвозмездных передач, возвращаются в войсковой земельный фонд безвозмездно“. Обиженные чиновники и офицеры в отместку подкапываются под право на землю неблагоприятного казачества.

„Казаки отстояли Дон для себя и России, за что законная государственная власть и отдала казакам область, как их собственность. Но нельзя же забывать, что без начальников и офицеров не могли бы и казаки отстоять Дона.“

Представляется странным, что деньги играют в глазах авторов проекта, вносимого в доблестный казачий круг, круг воинов, бесконечно большее значение, чем оказанные Дону заслуги и пролитая за него кровь“. (Там же, стр. 22—23).

Таким образом, казачье дворянство и иногородные помещики оказались в оппозиции к казачеству. Если казачья федерация имеет корни в земельном пае, то „Единая Неделимая“—в помещичьей экономике.

В своих положениях в указанной выше брошюре Совет Донского Союза собственников недвижимости заявил:

„I. Всякого рода мероприятия в области народного хозяйства должны стоять в полном соответствии и гармонии с принципом Единой и Неделимой России...“

III. Права собственников земли должны быть определены законом точно и твердо. Всякая неопределенность и неустойчивость прав влечет за собой вредные последствия для сельско-хозяйственной культуры.“

V. Хозяйство единоличных владельцев должно быть построено на принципе неограниченной частной собственности“. (Там же, стр. I, IV).

И самое замечательное это то, что помещики, в борьбе с казачеством готовы даже взять под свою защиту обиженных казачьим законом „иногородных“. В той же брошюре мы читаем:

„Проект касается только казаков и „коренных“ крестьян, оставляя без улучшения быт остального сельского населения, даже припи-

санного к селам и волостям, в общем по Донской статистике в количестве 314482 („посторонних“). Проект оставляет совершенно без внимания судьбу безземельных крестьян, которых в области чрезвычайно много (около 500000 душ)“.

(1-го декабря 1919 года (ст. ст.), когда „выдуманная“ союзниками деникинщина была близка к своему концу,—только тогда Войсковой Круг решил „обсудить“ вопрос о предоставлении крестьянству одинаковых прав с казачеством.

В „Указе Войскового Круга по крестьянству вопросу“ мы читаем:

„Войсковой Круг, державный хозяин земли Донской, оценил жертвы, какие несет Донское крестьянство на алтарь родины и давно торжественно заявил, что все донское крестьянство, наравне с казаками льющее кровь, за благо родного Края, должно пользоваться и одинаковыми с казаками благами.“

Твердо Войсковой Круг исповедует, что только тогда будет достигнуто счастье и благосостояние на Дону, когда все его верные сыны будут составлять одну дружную казачью семью, когда честно проливающее кровь на поле брани донские крестьяне вольются в казачество равноправными членами.

Имея первой заботой устройство народной жизни сообразно желанию самого народа, Войсковой Круг полагает, что проведение такой важной реформы не должно пройти без изъяснения на то воли всего населения как казаков, так и крестьян.

Поэтому Войсковой Круг поручает своим членам немедленно по завершении работ настоящей сессии поставить и обсудить этот вопрос на станичных сборах. Комиссии Законодательных предположений в срочном порядке разработать подробный план и программу крестьянских с'ездов в округах при участии членов Круга и провести эти с'езды.“ (Краткий обзор деятельности Войскового Круга за период времени 1 октября—1 декабря 1919 г. III сессия созыва 1918 г., стр. 18—19).

Казачество, отгородившись от остальной России, утратило охоту защищать крупного помещика. Для характеристики настроения вождей того времени не лишено интереса письмо члена Войскового Круга Всевеликого Войска Донского—Агеева. В своем письме, которое было прочитано на заседании Кубанской Краевой Рады 1 октября 1919 г., он писал: „По каким соображениям для местностей, находящихся под управлением особого совещания, издаются законы об уплате в пользу помещиков одной трети урожая с их полей, засеянных крестьянами в дни Советской власти?.. По каким методам и в чьих интересах издаются и другие распоряжения по земельному вопросу во всех местностях, кроме казачьих?.. Нет, господа, эта политика диктатуры классовой,—воскликает Агеев,—эта политика помещичьего шарабана и кареты с графскими и баронскими гербами... одно из двух: или Единая Великая Россия без г.г. крупных земельных собственников, или крупные земельные собственники без Единой Великой России“.

Осваг и черносотенское офицерство начинает травлю против Рады, Кубанские федералисты превращаются чуть-ли не в социалистов. 19 октября 1919 года, Законодательная Рада обратилась к населению с воззванием, в котором, разоблачая монархическую травлю, приглашает казачество бороться с анархией „слева и справа, в борьбе за истинное народоправство“, цену которому мы знаем.

Казачество во главе с Кубанской Радой фрондирует. Рада поставляет не замечать пост убитого председателя Рады Рябовола, а за-

местителем избирают Макаренко, одиозную фигуру для Добровольческой армии.

Еще ранее этого в „Программе и тактике кубанской объединенной группы федералистов-республиканцев“, опубликованной в газете „Вольная Кубань“ 30 августа ст. ст. 1919 г. № 191, ряд членов Законодательной Рады выступил открыто против „слуг царского режима“ и требовал передачи трудящимся частновладельческих земель. Так казачество предало своих союзников, закрепив, однако, за собой свои земельные фонды.

Но Деникин жестоко расправился со своими зарвавшимися союзниками. Он предает военно-полевому суду членов Парижской делегации, по обвинению их в государственной измене на том основании, что члены Парижской делегации Быч, Намитков, Савицкий и Калабухов подписали в Париже договор с Горским правительством, которого, кстати сказать, Деникин не признавал. Рада отказалась подчиниться этому требованию. Деникин объявил Кубань тыловым районом кавказской армии, назначив начальником генерала Покровского, злого гения Кубанской Рады. 6 ноября 1919 года Покровский, окружив Раду войсками и наставив на непокорных союзников пулеметы, потребовал выдачи Калабухова и 33-х республиканцев-федералистов, сократив потом требование до 11-ти. Калабухов, Бескровный, П. Л. Макаренко, Манжула, Омельченко (докладчик по земельному вопросу в Чрезвычайной Раде), Балабас, Воропинов, Феськов, Роговец, Жук, Подтопленный и Гончаров были арестованы.

Военно-полевой суд по делу Калабухова вынес следующий приговор: „1919 г., ноября, 6 дня. Город Екатеринодар.

Военно-полевой суд, учрежденный на основании приказа командующего войсками тылового района Кавказской армии от 6/XI за № 6 в составе председателя полковника Каменского, членов: есаула Лычева, есаула Прудий, есаула Закрач и есаула Хорина, рассматривало дело об Алексее Ивановиче Калабухове, казаке станицы Новопокровской, Кубанской области, и признал его виновным в том, что в июне текущего года он в сообществе с членами Кубанской делегации Бычем, Савицким и Намитковым, с одной стороны, и представителями меджлиса горских народов Чермоевым, Гайдаровым, Хадзагаровым и Баматовым, с другой стороны, подписали договор, явно клонящийся к отторжению Кубанского края от государства Российского и к покушению на передачу Кубанских войсковых частей в распоряжение меджлиса, то-есть в преступлении, предусмотренном ст. 100 части 3-й и 2-й, 101, 108 уголовного уложения и приговорил его к смертной казни через повешение.

Настоящий приговор подлежит представлению на утверждение командующего войсками тылового района Кавказской армии.

Председатель суда полковник Каменский, члены суда: есаул Лычев, есаул Прудий, есаул Закрач, есаул Хорин“.

Резолюция командующего войсками:

„Приговор военно-полевого суда утверждаю“.

Генерал-лейтенант Покровский, 7 ноября 1919 г. (Листовка. С.-К. Истпарт).

7-го ноября Калабухов был повешен на Крепостной площади в Екатеринодаре, и на груди его болталась деревянная дощечка с надписью: „За измену Родине и Казачеству“. Остальные были высланы в Константинополь (кроме захворавшего Гончарова).

Перепуганная Рада в этот же день вынесла резолюцию о единении командования с Добровольческой армией и предала Парижскую

делегацию кубанскому суду. Мало этого: Рада постановила упразднить Законодательную Раду и ввела, так называемую „врангелевскую конституцию“ с Атаманской Радой.

Войсковой Круг Дона занял выжидательную позицию. Он постановил послать на Кубань делегацию, дав ей инструкцию, в которой было указано:

„В момент напряженнейшей борьбы за целостность Родины, враги казачества и Единой Свободной Великой России делают все, чтобы разбить единый фронт, не пренебрегая никакими средствами.

Поэтому Войсковой Круг настаивает на немедленном завершении работ Южно-Русской Конференции по скорейшей организации общегосударственной власти совместно с Главнокомандующим вооруженными силами на Юге России и по созданию Юго-Восточного Союза казахских областей.

В целях установления единообразного понимания казахской программы и тактики—по вопросам борьбы с большевизмом и воссоздания Единой России признать желательным съезд представителей законодательных учреждений Дона, Кубани и Терека.

Для выяснения вопросов, связанных с осуществлением означенного съезда и для переговоров по сему вопросу с представителями Кубани и Терека уполномочить делегацию, избранную в заседании Войскового Круга 9-го ноября сего года, срок созыва съезда и состав его пока не устанавливать“. (Краткий обзор деятельности Войскового Круга за период времени 1 октября—1-го декабря 1919 г. III сессия созыва 1918 г. Новочеркасск, 1919 г., стр. 16-17).

Экономическая политика Деникина являлась политикой крупных землевладельцев и крупной буржуазии. Мы уже говорили о реставрации помещичьего землевладения. Владельцам фабрик, заводов Деникин возвращает им их собственность. Так, во Владикавказе, который был, занят деникинскими, войсками 11-го февраля 1919 г. градоначальник г. Владикавказа уже 22-го февраля дает приказ вернуть завод „Алагир“, национализированный Терским Народным Советом, юриконсульту владельца. В области торговли деникинщина—эпоха расцвета спекуляции и мародерства. Деникин отменил даже мероприятия Временного правительства, так 13 июля 1919 г. была отменена хлебная монополия.

Расцвету спекуляции способствовало полнейшее расстройство денежной системы. На юге ходили самые разнообразные деньги (Одесса, Украина и Крым имели особые деньги, на Кубани и на Дону были донские и деньги Добровольческой армии, а на Дону кроме того, ходили советские). Денежный хаос отражал общий хаос. Терек, Дон, Кубань, расценивая себя в качестве самостоятельных государств, пытались вести собственную экономическую политику. Так, Терское войсковое правительство ввело ограничение вывоза нефти из Грозного. Кубанское правительство ограничивает вывоз с Кубани, устанавливая торговлю на принципе товарообмена. Обладая богатыми ресурсами для вывоза (одной пшеницей урожая 1919 г. имелось к вывозу 26,4 мил. пуд.), Кубань ставила препоны Добровольческой армии, мешая выкачивать богатства Края. На этой почве завязалась упорная экономическая борьба, при чем Деникин в свою очередь не пропускал товаров на Дон и на Кубань.

Так, 10 октября 1919 года за № 3390 атаман Филимонов, прижатый к стене, просил деникинское правительство принять зависящие от него меры, чтобы:

„1. Пользование морем для Кубани не имело никаких ограни-

чений, чтобы ввоз и вывоз товаров через Новороссийский и Кубанские порты был совершенно свободным, аналогично с грузами, проходящими транзитом через территорию Кубани.

2. Чтобы товары, идущие на фабрикации продуктов, главным потребителем которых является армия, как-то: соль, каустическая сода, уголь и обручное железо пропускаться без всякого препятствия на Кубань". (С.-К. Архив).

Не лучше обстояло дело и с внешней торговлей.

27 июня (10 июля) 1917 г. на конференции по созданию Южно-Русского Союза В. А. Харламов так охарактеризовал торговые отношения с союзниками:

„Оказывается, что товарообмен или торговые сношения с союзниками и вообще с за границей до сих пор не налажены. Главной причиной этому, нам казалось, является именно отсутствие общепризнанной государственной власти. Те условия по товарообмену, которые предлагаются господами иностранцами, абсолютно неприемлемы для какого-либо европейского государства, — и может быть допустимы лишь для дикарей Африки, или Занзибара, или для каких-нибудь чукчей, или камчадалов в далеких тундрах Сибири". (Стенографический отчет. С.-К. Архив.).

На ряду с экономическим развалом к концу 1919 года, разваливается деникинский фронт и тыл. В армии стало расти дезертирство, усиливалась вражда к офицерству со стороны мобилизованного крестьянства и казачества, которые отказались сражаться за пределами казачьих областей. На Кубани, в силу упомянутых выше причин, дело приняло более угрожающий характер. Здесь дезертирство стало сплошным явлением. Против нежелающих сражаться кубанских казаков перед концом деникинщины Верховный Круг направляет карательные экспедиции из донцов. Начинается порка, расстрелы.

По словам Покровского, в станице Славянской подверглись порке станичный атаман Клименко и член Рады Шербак. В обезоруженном Таманском полку, после отказа итти на фронт, был расстрелян каждый 70-й и выпорот каждый 10-й. Донцы расправлялись с кубанцами, грабя и расстреливая. На Кубани возникают казачьи зеленые отряды, которые ведут борьбу с карательными отрядами Краевого Правительства (см. след. главу.). На границах Дона растет крестьянское повстанческое движение, на Черноморском побережье вырастает крестьянская зеленая армия, наносящая Добровольческой армии удар в спину; на Терекке огнем восстания пылают Чечня и Дагестан. Красная армия надвигается на Ростов.

По мере того, как Деникин терпит поражение на фронте, Рада вновь смелеет. С 4-го по 30-е января 1920 года, созывается Верховный Круг в составе по 50 чел. представителей от Дона, Кубани и Терека, которые выносят постановление о создании власти.

Постановление Верховного Круга Дона, Кубани и Терека об организации власти гласило:

„Мы, избранные Донского Войскового Круга, Кубанской Краевой Рады и Терского Большого Войскового Круга, в тяжелый исторический момент, когда купленной потоками крови свободе и самому существованию самого населения грозит гибель, собрались в Екатеринодаре для организации решительной борьбы против большевиков и очищения от них наших территорий, защиты от разгрома родных очагов, установления внутреннего спокойствия и обеспечения свободы и права, берем в свои руки верховную власть по делам, общим для

Дона, Кубани и Терека и устанавливаем следующее положение о Верховном Круге:

1. Верховный Круг является полномочным представительством государственных образований Дона, Кубани и Терека и ставит себе задачи:

а) установление союзного государства, составленного из указанных выше территорий, с возможностью расширения пределов союзного государства, включением новых областей на основах союзной конституции и по свободному волеизъявлению населения тех областей;

б) создание союзной власти.

2. Союзная конституция и союзная власть устанавливаются на время до создания общегосударственной власти Всероссийским Учредительным Собранием.

3. Имеющая быть выработанной конституция вступает в силу с момента принятия ее Верховным Кругом". (Цит. по кн. Пионтковского „Гражданская война в России“, стр. 425.)

В своем выступлении на Круге Деникин между прочим заявил: „Русское добровольческое офицерство готово сложить свои головы за Россию, но за благополучие лишь одного казачества умирать не будет“.

Верховный Круг объявил себя верховной властью Дона, Кубани и Терека, но этому воспротивились союзники. Об этом пишет Деникин:

„Кубанский атаман Буктерев вступил в переговоры с английским и французским представителями, и председатель Рады Тимошенко обнадежил ее, что Кубанская армия будет обеспечена английским снабжением. Тотчас же ген. Хольман послал атаману и опубличковал в газетах письмо, в котором было заявлено, что ни один мундир, ни один патрон не будет выдан никому без разрешения главнокомандующего... Тем не менее кубанские самостийники не теряли надежд и продолжали вести сильнейшую агитацию на фронте и в тылу. Кавказская армия разлагалась и разбегалась окончательно, пополнения отказывались итти на фронт, и славные некогда кубанские корпуса превратились в штабы без войск, а последние в тучи дезертиров, осевших по станицам“.

По настоянию главы английской миссии генерала Хольмана, 5-го февраля 1920 года, была образована, так называемая, Южно-Русская Власть, во главе которой стал генерал Деникин. Новое правительство (по словам Савинкова, см. его показания на суде) должен был возглавлять Н. В. Чайковский. Но деникинщина была уже на ущербе.

Декларация Южно-Русской власти представляет известный интерес, как попытка соглашения на словах с казачеством и мелкой буржуазией. На деле же Южно-Русская власть представляла из себя слегка подмалеванное Особое Совещание.

„Во имя спасения родины и возрождения ее на основах народо-властия, — гласит декларация, — по соглашению Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России с демократическим представительством Дона, Кубани и Терека, на Юге России образована новая власть, осуществляемая: Главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России Антоном Ивановичем Деникиным, как главою власти, Законодательной Палатой и Советом Министров, ответственных в своих действиях перед Законодательной Палатой из свободно избранных представителей населения.“

Совет Министров образован в следующем составе:

Николай Михайлович Мельников (Председатель Совета Министров).

Генерал-лейтенант Анатолий Киприанович Кельчевский (Военный и Морской Министр).

Николай Николаевич Баратов (Министр Иностранных Дел).
Владимир Феофилович Зеелер (Министр Внутренних Дел).
Василий Михайлович Краснов (Министр Юстиции).
Павел Михайлович Агеев (Министр Землеустройства и Земледелия).
Михаил Владимирович Бернацкий (Министр Финансов).
Леонид Владимирович Зверев (Министр Путей Сообщения).
Федор Степанович Леонтович (Министр Торговли и Промышленности).

Филипп Семенович Сушков (Министр Народного Просвещения).
Николай Саввич Долгополов (Министр Здравоохранения и Призрения).

Яков Лаврентьевич Щупляк (Министр Продовольствия).
Николай Васильевич Чайковский (Член Совета Министров).
Южно-Русское Правительство ставит своей задачей восстановление русской государственности через Учредительное Собрание на началах всенародного представительства, ответственности власти. Оно стремится использовать демократическую государственность для проведения и осуществления в жизни коренных экономических и социальных реформ в интересах народа и прежде всего трудящихся крестьян, казаков и рабочих.

Мелкая собственность трудового типа—общинная, товарищеская, подворная или единоличная—сохраняется в полной неприкосновенности за их нынешними законными владельцами. Вся земля, чья бы она ни была, превышающая определенную законную норму, немедленно и в полном объеме поступает в распределение между нуждающимися в земле с выдачей правительственными органами соответствующих документов. На этих основаниях, впредь до разрешения земельного вопроса в полном объеме Учредительным Собранием, будет издан в срочном порядке временный закон о земле. Владельцы отчуждаемых земель устраниваются от переговоров и расчетов с новыми владельцами. Переговоры и расчеты по земельным делам ведет Правительство через особые его органы, созданные на демократических началах.

Земельные законы Дона, Кубани и Терека проводятся в жизнь местными законодательными учреждениями.

По вопросу рабочему правительству примет все меры к тому, чтобы условия и оплата труда обеспечивали рабочему и служащему существование, достойное гражданина свободной страны. Правительство берет на себя совместно с профессиональными организациями охрану интересов трудящихся и примет меры к страхованию их от увечий, инвалидности, болезни и старости. Правительство предоставит трудовому населению выгоды крупного капитала через кооперативные организации, содействуя развитию последних.

Правительство поставит на местах честную администрацию, вся деятельность которой будет проникнута законностью и будет обеспечивать жизнь, свободу, честь и достояние граждан. Власть ответственная и твердая будет неуклонно проводить в жизнь указания центрального правительства и установит столь нужный для граждан порядок. Городские и земские самоуправления будут восстановлены на основах всеобщего голосования.

Правительство будет вести беспощадную борьбу с моральным развалом, со взяточничеством, спекуляцией, сведением личных счетов, и всемерно пойдет навстречу проявлению творческих сил населения и повышению производительности труда и т. д." (Пионтковский „Гражданская война в России“, стр. 560).

Но эта попытка не пошла дальше декларации. Казачество в последний момент отреклось от своего союзника, друго-враги расстались врагами. Верховный Войсковой Круг Дона, Кубани и Терека вынес постановление следующего содержания:

„Верховный Круг Дона, Кубани и Терека, обсудив текущий политический момент в связи с событиями на фронте и принимая во внимание, что борьба с большевизмом велась силами, в социально-политическом отношении слишком разнородными, объединение их носило вынужденный характер, и что последняя попытка Высшего Представительного Органа Краев—Верховного Круга Дона, Кубани и Терека сгладить обнаруженные дефекты объединения не дала желанных результатов, а также констатируя тяжелую военную обстановку, сложившуюся на фронте, постановил: 1) считать соглашение с ген. Деникиным в деле организации Южно-Русской власти не состоявшимся; 2) освободить атаманов и правительства от всех обязательств, связанных с указанным соглашением; 3) взять немедленно войска Дона, Кубани и Терека из подчинения ген. Деникина в оперативном отношении; 4) немедленно приступить совместно с атаманами и правительствами к организации обороны наших Краев—Дона, Кубани и Терека и прилегающих к ним областей; немедленно приступить к организации союзной власти на основах постановления Верховного Круга от 12 января 1920 года.“ (Цит. по кн. Пионтковского „Гражданская война в России“, стр. 564).

8-го января 1920 года конница Буденного ворвалась в Ростов, и союзники, в предчувствии падения Деникина, 10-го января признали независимость Грузии и Азербайджана; 16-го января Деникин на заседании Верховного Круга пытался достигнуть соглашения с казачеством, обещая „широкую автономию казачьих войск“ и „землю крестьянству и трудовому казачеству“. Он призывает снова к борьбе с большевиками „до конца“. И действительно конец был близок, но не тот, которого хотел Деникин.

— Не только Деникин, но и Верховный Круг не пользовались авторитетом в казачьих массах. Казак перестал верить „панам“. Казачьи станицы Воздвиженская, Петропавловская и другие выносят приговоры об удалении Деникина с Кубани.

Доигрывался последний акт белогвардейщины. Несмотря на то, что некоторые члены Кубанской Рады предлагали войти в переговоры с советскими войсками, Рада приняла решение о выходе из Екатеринодара и 16 марта Екатеринодар был оставлен. „Южно-Русская власть“ просит в Екатеринодаре, только что выпущенных из тюрьмы большевиков, гарантировать неприменение репрессий к ряду деникинских деятелей, в том числе к „министру без портфеля“ Н. В. Чайковскому.

22-го марта Деникин сходит со сцены, передав командование Вооруженными Силами Юга России Врангелю. Англия уступает место Франции.

Жалкая Кубанская Рада, заключившая союз с Добровольческой армией, уподобилась глупому медведю, который при дележке добычи получает от репы верхушки, от гороха корешки, при чем роль умного мужика играл генерал Деникин.

✦ Когда выявилось лицо помещичье-генеральской диктатуры, казачья стихия, которая помогала Деникину превратиться в диктатора Юга России, обратилась против него. Взаимоотношения Деникина с казачеством можно назвать лишь дружбой поневоле. Борьба Деникина с Кубанской Радой продолжалась все время и закончилась лишь в тот момент, когда и Деникин и Кубанская Рада были выброшены

Красной армией из пределов России (Корни казачьей „самостийности“ уходили в стремлении кулака охранить свои земельные интересы от покушений со стороны безземельного и бесправного „иностранного“, но те же интересы восстанавливали казачество против помещичье-генеральской диктатуры Деникина. Казак готов был защищать себя, но не помещика, помещик—себя, но не казака.

Кулацкая часть казачества искала спасения от пролетарской революции в казачьей „муниципализации“, буржуазно-помещичья контр-революция—в реставрации „Единой Неделимой“. Но за спиной Деникина стоял Черный, который имел полное право заявить об армии Деникина: „Вот, это моя армия“.

Кубанская и грозненская нефть, в которую вложены английские капиталы, и уголь Донецкого бассейна, в который вложены французские капиталы, определяли и „зоны“ влияния союзников. Граница „зон“ проходила по линии Константинополь—Керчь—Ростов—р. Дон, к востоку—сфера влияния Англии, к западу—Франции. (Нота нач. французской миссии полк. Кордейль Деникину от 14 мая 1919 года, Деникин „Очерки русской смуты“, т. V, стр. 68).

В течение всего времени своего „командования“ Деникин не мог столкнуться с французами, которые вели политику, далеко не дружественную по отношению Добровольческой армии, т. е. Англии.)

БОРЬБА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА.

Борьба за освобождение Северного Кавказа велась не только со стороны Красной армии, но также изнутри. Гражданская война на Северном Кавказе не затихала в течение всего периода власти белых. На месте частью уничтоженных, частью вытесненных из пределов Северного Кавказа 11-й и 12-й армий, крестьянских войск Ставрополя, красногвардейских отрядов Дона и отрядов керменистов-горцев, здесь выросли новые партизанские отряды.

В этой борьбе революционным до конца являлся пролетариат и его партия. Но мы знаем, что пролетариат был прежде всего авангардом и организующей силой в общей борьбе трудящихся Северного Кавказа за свое освобождение.

Пробным камнем для Деникина являлись на Северном Кавказе национальный и аграрный вопрос в его специфической постановке в казачьих областях. Политика царских бюрократов, черносотенного офицерства, „помещичьего шарабана“ и крупной буржуазии, нашедшей в Деникине своего вождя, восстановила против казачество и националистически настроенную горскую буржуазию. Таким образом, наряду с борьбой рабочего класса и крестьянства, на Северном Кавказе мы встречаемся с восстанием казачества, которое за счет помещиков (в том числе и казачьих дворян, по существу являвшихся также помещиками), пыталось откупиться от иногородных. С новой силой в эпоху деникинщины на Кавказе разгорается борьба за национальное освобождение,—и показательно—именно в период деникинщины шейх Узун-Хаджи в Чечне создает шариатскую монархию „под зеленым знаменем Магомета“, пытаясь копировать своего великого предшественника Шамиля.

Остановимся сначала на борьбе рабочего класса и подпольной работе Коммунистической партии.

Белый террор не мог уничтожить революционного движения, он лишь загнал революцию в подполье. Но ни деникинская контр-разведка, ни расстрелы и пытки, ни шомпола и виселицы не могли уничтожить работы ВКП. Под бдительным оком деникинской контр-разведки, под угрозой виселиц и пыток, теряя лучших товарищей, ВКП собирала и организовывала трудящихся Северного Кавказа для последней борьбы.

Подпольную работу на Дону работники того времени делят на два периода: в начале 1918 года велась лишь подготовительная работа. Лишь во второй половине 1919 года—ВКП выступила с оформленной организацией.

В сентябре 1918 года в Ростове было созвано первое совещание подпольных работников большевиков (в квартире рабочего завода „Лели“ Василенко). На этом заседании присутствовали товарищи:

Мурлычев, Василенко, Харин, Дунаевский, Новохотский и А. Васильев. По предложению Мурлычева и Василенко, имевших связь с Донбюро, совещание решило приступить к военной и агитационной работе и организовать подпольный центр в Ростове. С большим трудом удалось наладить подпольную типографию. Позднее была установлена связь с заводом „Лели“, депо трамвая, портовыми грузчиками, Владикавказскими мастерскими, депо Юго-Восточных и Екатерининских жел. дор., заводом „Аксай“ и электрической станцией, а также Таганрогским округом.

В ноябре 1918 года было созвано первое делегатское собрание из представителей крупных предприятий Ростова, на котором было избрано бюро в составе: председатель—Мурлычев, казначей и секретарь—Василенко, организатор-инструктор—А. Васильев, в бюро же был кооптирован Новохотский. Бюро установило связь с Ростовским, Таганрогским и Новочеркасским округами, воинскими частями и гарнизоном. Была даже выпущена листовка в количестве 600 экземпляров. Состоявшийся вскоре после этого 1-й Областной Съезд, на котором присутствовало 32 человека, избрал Донком ВКП в составе: Мурлычева, Василенко, 4—от Донбюро—Анны, Елены, Марии и Ольги, затем Халина, А. Васильева и Абросимова (Мурлычев—председатель, Анна—секретарь, Василенко—казначей, А. Васильев и т. Елена—инструкторы-организаторы).

Однако, успешно налаживавшаяся работа была сорвана провалом типографии и арестом Мурлычева (24-го ноября 1918 года). 20-го февраля 1919 года Мурлычев был казнен в Ростове на свалке, за Новым Поселением. Впоследствии труп его был извлечен и похоронен на Софиевском кладбище.

Несмотря на пытки, Мурлычев перед смертью не пал духом и горел верой в общее дело. Об этом говорит его письмо из тюрьмы, написанное перед казнью: „Товарищи, я прочел вашу листовку,—писал он,—у меня забились кровь, прибавилась сила. Я не сомневаюсь, что вы будете продолжать начатое дело. Я умру с твердой уверенностью, что вы также будете идти до конца, до полной победы. Желаю вам успеха. Да здравствует Советская власть! Да здравствует рабочая армия! Да здравствует Российская Коммунистическая партия большевиков! Я немного болен. Привет всем. Целую вас. Егор Мурлычев“.

После провала Донком был переизбран. Председателем был избран Васильев, секретарем Анна, казначеем Васильченко, заведующим типографией—Абросимов. Типографию удалось значительно расширить. Она помещалась в Нахичевани на 35-й линии, в доме № 52, где жил тов. Спирин. Вот описание этой типографии: „Под землей была вырыта землянка, в которую вел вход из погреба. Вход был тщательно замаскирован. Таким образом внешне ничто не указывало на существование под землей типографии. Это помещение было шириной 5 аршин, столько же длиной. Высота была достаточна. В нем помещалось 2 типографских станка, 8 пудов шрифта, наборный стол и 6 пудов бумаги. Чтобы легче было дышать и чтобы не тухли керосиновые лампы, была проделана труба, которая на поверхности земли была замаскирована дерном.“ (Васильев: „Третья годовщина майского провала.“ Пролетарская революция на Дону. Вып. 1-й). Типография работала пять месяцев, выпуская газету „Беднота“ (6.000 экз.), воззвания и приступила к изданию газеты „Красное Знамя.“ Она провалилась в ночь с 6 на 7-е мая, ст. ст. 1919 г. На ряду с этим шла работа в воинских частях и округах, в Сулине и Ростове, который был разбит на три района, были подрайоны в Батайске, Аксае и других пунктах.

Помимо этого организация вела подрывную и разведывательную работу, сопряженную с большой конспирацией. В одном Ростове нужно было иметь до 30 квартир. Существовало и паспортное бюро, для чего была снята собственная граверная мастерская. Впоследствии при Донкоме был организован Военный Штаб в составе т.т. Пивоварова (Роберт), Калиты, Горина и Романова (Алексей). Работа велась в исключительно трудной и опасной обстановке под бдительным оком контр-разведки и „Осага.“ Несмотря на это, организация росла и крепла. Существовали ячейки в 30-ти крупных пунктах, не считая ячеек в городах, по заводам и фабрикам (в одном Ростове было до 30 крупных ячеек). Кроме того, существовали ячейки в воинских частях.

Донской организации удалось связаться с Кубанью, Черноморьем, Баку, Тифлисом и городами Украины. В своих воспоминаниях тов. Пивоваров („Трудовой Дон“ № 489, за 1923 г.) рассказывает о работе штаба в дни наступления Красной армии весной 1919 года. В Ростове на предприятиях проводились собрания, вооружались рабочие и организовывались дружины. Работали также по подготовке восстания ячейки в селах. Но отступление Красной армии и разгром партийных организаций (в Батайске генералом Покровским был повешен президиум ячейки), нанесли тяжелый удар подпольной работе. Была арестована типография, а вместе с ней Аболин, Муравич, Илья Абросимов, Спирин и другие. Впоследствии было установлено, что этот провал являлся делом члена Донкома Василия Абросимова и Емельяна Василенко, и эти предатели впоследствии были уничтожены. На ряду с провалом в Ростове, были произведены аресты в Таганроге, в Новочеркасске. После этого часть работников уехала в Россию, часть отправилась в „зеленую армию“ на Черноморье, в Ростове осталось лишь несколько товарищей: Пивоваров (Роберт), Калита (Горин), Романов (Алексей), „Кавказ“, Петров, „Злая рота“ и другие.

31 октября 25 членов организации предстали перед денкинским судом, из них: Илья и Александра Абросимовы, Спирин, Аболин, Рыбкин и Бродский—были приговорены к смертной казни и 6 человек в каторжные работы на разные сроки.

В августе 1919 года был избран Донком, куда вошли: А. Васильев, Анна, Вольмар, Пивоваров, Пустынников, Сенька, Калита и Кузьма. Рабочие массы были терроризованы. Когда началась агония белогвардейщины, власть в Ростове в декабре 1919 года перешла в руки генерала Кутепова, который довел белый террор до последних пределов и вешал рабочих на деревьях по улицам Ростова. Так мстила белогвардейщина за свое поражение. Однако, еще до прихода Красной армии партийный комитет организовал Ревком и выпустил воззвание. Наконец, Ростов 8-го января 1920 года заняла конница Буденного. „Когда конница тов. Буденного ворвалась на тюремную площадь,—пишет в своих воспоминаниях т. Пивоваров („Трудовой Дон“, № 489, за 1923 г.), на созванном Политотделом 1-й Конной армии в трамвайном депо заседании всех подпольных работников, совместно с представителями армии, раздались свободные звуки „Интернационала“,—мы почувствовали, какое иго свалилось с плеч“.

В Таганрогском округе первый подпольный комитет был организован 12 декабря 1918 года, в комитет входили: Наливайко, в качестве председателя, и Крайгородская-Малиновская, в качестве казначея, Фалин, Головин, Ларин и Москатов. Было организовано по селам 31 ячейка и в городе—9, существовала также связь с воинскими частями. Была организована боевая дружина во главе с „Ванькой Золо-

тым" (т. Беликов), за поимку которого правительство Деникина обещало 10.000 рублей. В 1919 году была подготовлена попытка освобождения заключенных из тюрьмы, которая не удалась, благодаря случайной ошибке. Весной 1919 года организация была провалена. Наливайко был приговорен к 10 годам каторги. 25-го мая 1919 года комитет был снова организован в составе: П. Москатова, Н. Диско, А. Азарова, Монченко и Козлова, но в середине июня он был разгромлен. Тогда был организован третий комитет.

Оживление партийной работы на Кубани после разгрома относится к началу 1919 года, когда была создана „инициативная группа ВКП“ в Екатеринодаре. Вначале в эту группу входили Михаил Маслиев, Ник. Пшеничный, Владимир Черный, Алексей Черный, Сима Полуян и др. Эта группа выпустила воззвание к рабочим и казакам, которое было отпечатано в одной из типографий Екатеринодара. Впоследствии был организован Екатеринодарский комитет, куда вошли: председатель—Лиманский, секретарь и начальник Военно-Революционного Штаба—Владимир Черный, организатор ячейки—Кочин и заведующий „Красным крестом“—Михаил Маслиев. Начинается работа, охватывающая всю область. Была установлена связь с Темрюком, Славянской, Крымской, Новороссийском, Тихорецкой, Армавиром и др. крупными пунктами. Через Василия Абросимова, оказавшегося провокатором и убитым в Ростове (см. об этом выше), была установлена связь с Ростовом. Организация создала Штаб, во главе с Пшеничным, помощником которого был Алексей Черный.

Весной 1919 года была установлена связь с „зеленой армией“ и создан в Новороссийске Комитет, куда вошли: Воронин, Ронис и др. в Новороссийский Военно-Революционный Штаб во главе с т. Ворониным. Работа развивалась усиленно. Уже к маю 1919 года в Екатеринодаре было значительное количество вооруженных ячеек.

В это же время Екатеринодарский Комитет был утвержден ЦК ВКП, как Северо-Кавказский Краевой Комитет. Северо-Кавказский Комитет был создан в составе: председатель—Владимир Черный, секретарь—Пшеничный, при чем он также был начальником Военно-Революционного Штаба.

Тогда же в Киеве состоялось совещание коммунистов Северного Кавказа и было создано Бюро Северо-Кавказского Комитета в составе: Асаульченко, Сорокина, Якова Полуяна, которое должно было, находясь на Советской территории, связывать ее с Северным Кавказом.

Вскоре после этого произошел провал Новороссийской и Екатеринодарской организаций. В Новороссийске был арестован Воронин, в Екатеринодаре—Лиманский и др. Провал произошел благодаря провокатору Абросимову. Однако, несмотря на исключительно тяжелые условия, к августу снова удалось создать в Екатеринодаре Комитет, куда вошли: Янковский, Сима Полуян и др. Часть работников была в рядах „зеленой армии“ Черноморья (Маслиев, Сергеев и проч.).

Наступила тяжелая пора, настроение масс было подавленное. Удалось связаться с Кавказским Комитетом (в Тифлисе), но практического значения эта связь не имела.

В этот период в Екатеринодаре появилась организация, именовавшая себя „Кубанским Краевым Комитетом“, образовавшаяся на Дубинке из оставшихся после разгрома партийных ячеек, во главе с „Сергеем“, занимавшаяся, между прочим, экспроприациями. Эта организация выпускала нелепые воззвания, не имеющие ничего общего с марксизмом, являясь группой анархо-бандитского характера. После ликвидации белогвардейщины, она превратилась в подпольную орга-

низацию, поставив своей задачей борьбу с „советским бюрократизмом“, посредством терроров и эксов. Главарь этой группы Сергей был убит при аресте в 1920 году.

К январю 1920 г. Северо-Кавказский Комитет был связан с Черноморьем и Терекком, а через Терек—со Ставрополем. Получались сводки из Новороссийска и от „зеленой армии“, которая выполняла задания Комитета, где члены ВКП завоевали позиции у эсеров. Между прочим, была попытка договориться с левой частью Рады под лозунгом: „Мир казаков с большевиками и борьба с Деникиным“, но из этих переговоров ничего реального не вышло, хотя контакт был установлен. Смысл этих переговоров сводился к тому, чтобы, войдя в переговоры с „Черноморцами“, внести раскол в Раду и вовлечь в борьбу с Деникиным казачьи массы. Эти переговоры велись через членов Рады Савву Крикуна и Л. З. Федоренко.

На Кубани, как и везде, свирепствовала деникинская контрразведка. Так т. Саян, прибывший из Советской России, был арестован и перед казнью был подвергнут пыткам. Ему жгли пятки, вкалывали иглы под ногти, резали кожу и сдирали ее полосами. Во многих арестах играл роль провокатор Корпущенко, который был уничтожен.

При содействии Северо-Кавказского Комитета незадолго до ликвидации деникинщины, из тюрьмы были освобождены Лиманский, Цейтлин, Евменьев и Копчинский, а в последний день—все остальные. 15—16 марта (н. ст.) состоялось совместное заседание Северо-Кавказского Комитета вместе с выпущенными из тюрьмы товарищами, а 17 марта (н. ст.) на улицах Екатеринодара появились раз'езды Красной армии. После занятия города был составлен Временный Кубанский Областной комитет, в составе: Лиманского, Евменьева и Владимира Черного.

На Терекке, в Пятигорске, после прихода белых, началась ловля „комиссаров“ и полоса белого террора.

В Грозном, в период деникинщины ведется подпольная работа отдельными группами за свой риск и страх. В августе 1919 года Грозненской организацией была установлена связь с тов. Гикало, и совместно с тов. Гикало, было организовано восстание в тюрьме, которое было жестоко подавлено.

Коммунистическая организация на Терекке была разгромлена, но подпольная работа велась. В июне 1919 года в Пятигорске и Армавире была арестована белогвардейцами подпольная организация ВКП (более 20 человек): Роза Каспарова, Сурен, Магадзян, Катя Румянцева, Тамара и другие. В эту организацию входила, главным образом, студенческая молодежь Армавира и Баку. Организация имела связь с Бакинским комитетом и фронтом Царицын—Воронеж—Харьков. 2-го февраля 1920 года 19 человек из них, в том числе Роза Каспарова и Сурен, были повешены в Грозном на тюремном дворе.

Лишь после ухода белых, в марте 1920 года, на Терекке возник Временный Комитет ВКП в составе: Минцлова, Пашенко, Живолупа и еще некоторых товарищей. Организация к тому времени объединяла 80 членов партии, далеко не удовлетворявших необходимым требованиям. Из Пятигорска Добровольческая армия отступила 19 марта (ст. ст.), тогда же был организован Ревком в составе: председателя—Дызовского, зам, пред. П. Кофанова, Степанова и Пашенко.

Руководители Терской Советской республики (Орджоникидзе, Бутырин, Фигатнер, Назаретян, Махарадзе, Гегечкори, Габиев и др.) ушли из Владикавказа в горы Ингушетии, а ингуши на требования добровольцев о выдаче их отвечали, что „гостей они не выдадут“. Часть

товарищей впоследствии переправилась в Грузию. Точно также была разгромлена Северо-Кавказская Горская организация ВКП, в состав которой входила партия „Кермен“, в качестве окружной организации, сохраняя, однако, свое название.

Бежавшими в Грузию товарищами был организован в Тифлисе Горский Комитет ВКП, служивший руководящим центром для всех организаций ВКП, на Тереке и слившийся позднее с Терским Областным Комитетом. Отсюда, из Баку, направлялись на Северный Кавказ работники для подпольной работы. В конце декабря 1919 года на состоявшемся в Тифлисе собрании товарищей, бежавших с Северного Кавказа, было решено отправить на помощь горцам в Дагестан, Чечню, Осетию, Ингушетию и Кабарду ряд работников. 3-го января 1920 года из Тифлиса через Караугомский ледник была отправлена экспедиция в Осетию, во главе с т. Такоевым, в которую входили Бутаев и Тогоев. К 10-му марта, когда линия фронта проходила у Св. Креста и под Батайском, а добровольцы еще держались в Нальчике, Владикавказе и на Сунже, — в Осетию, в селении Христиановском, был организован при участии С. А. Такоева Военно-Революционный Комитет, во главе с т. Борукаевым, Областной Комитет ВКП, ЦК партии „Кермен“ и Военно-Революционный Совет начали свою работу по объединению революционных сил горцев и организации восстания против Добровольческой армии.

Другая группа горцев (Калмыкск, Мидов, Катханов и другие) направились для освобождения Кабарды и Балкарии из Тифлиса через Азербайджан, Дагестан, Чечню и Ингушетию.

Дагестанский Областной Комитет ВКП, после занятия отрядом Добровольческой армии Темир-Хан-Шуры, Хунзаха, Ботлиха, Гуниба, Маджалиса и Кусум-Кента избрал местопребыванием сел. Леваши, Даргинского округа, где в сентябре 1919 года был организован Совет Оборона, во главе с Магомедом и Гамидом Долгат и другими товарищами. Совет Оборона был связан с Кавказским Краевым Комитетом ВКП, который в свою очередь был связан с Астраханью и Азербайджаном.

Очагами партизанского движения на Северном Кавказе являлись границы Азербайджана (Дагестан, Чечня) и Грузии (Черноморское побережье). Если Деникин вспахал почву для восстания горцев Дагестана и Чечни и черноморских крестьян, то муссаватистское правительство беков и ханов Азербайджана и меньшевистская Грузия попытались использовать партизанское движение горцев и черноморских крестьян в своих целях: сначала — против Деникина, поскольку он угрожал Азербайджану и Грузии, а затем против Советской власти, в целях создания „буферных“ государств.

Перед ВКП стояла здесь чрезвычайно сложная задача: отвоевать горскую бедноту и черноморское крестьянство, превратить борьбу против Деникина в борьбу за Советскую власть. И эту задачу немногочисленным партийным работникам того времени удалось разрешить.

Борьба дагестанской бедноты продолжалась с мая 1919 года по март 1920 года. Уже в конце июня 1919 года массы Дагестана встали против контр-революционеров и вырезали казачьи посты в Гунибе, Салтах, Кусум-Кенте и др. пунктах, заставив Деникина оттянуть войска в Темир-Хан-Шуру, Дербент и Петровск. В этом стихийном движении участвовало и дагестанское духовенство.

Борьба трудящихся Дагестана происходила в весьма сложной обстановке. Национализм (Горское правительство), панисламизм (имам Али-Акушинский, Узун-Хаджи), пантюркизм (присланные Муссаватист-

ским правительством Азербайджана, якобы для борьбы с Добровольческой армией турецкие офицеры Куазим-Бей и Нури-Паша) — все это затемняло в глазах трудящихся Дагестана истинный смысл борьбы.

Центром революционного движения Дагестана являлся Кавказский Краевой Комитет в Тифлисе и „Горское Совецание“ в Баку, фактически лишь помогавшие бежавшим из Дагестана партизанам, руководителем которого одно время был Султан Казбеков, расстрелянный впоследствии в с. Леваши, в Дагестане Киазим-Беем.

Совет Оборона был организован в октябре 1919 года, во главе его стояли Магомед и Гамид Долгат, Довлетов, Казбеков, а впоследствии т. Каркмасов. Восстание поддерживало и Муссаватистское правительство Азербайджана. По словам т. Самурского („Пр. Революция“ № 10, 1924 г. „Октябрьская революция в Дагестане“) — „Краевой Комитет РКП и Муссаватистское правительство были врагами, но на поддержке дагестанского восстания они сошлись“.

Совету Оборона, несмотря на то, что большинство Совета составляли коммунисты, приходилось делать уступки религиозному фанатизму масс: так, почетным председателем Совета были Шейх-Али-Акушинский и Узун-Хаджи. Аскеры (солдаты) Народной армии Совета Оборона приносили следующую клятву: „Я, аскер Народной армии Совета Оборона Северного Кавказа, клянусь священным кораном защищать шариат, свободу, независимость трудовых народов Северного Кавказа, избранный верховный орган власти — Совет Оборона“.

(А. Костерин „В горах Кавказа“. Владикавказ. 1921 г.).

Азербайджанское правительство посылало на помощь отряды из „всякого сброда“. Во главе первого отряда стоял турецкий офицер Киазим-Бей, во главе второго — Нури-паша, брат Энвер-паши.

Несмотря на то, что оба они выступили под знаменем защиты мусульман от добровольцев, — система террора, установленная Киазим-Беем и Нури-Пашой, занимавшихся грабежами и насилием уничтоживших 30 аулов, восстановила массы против этих „защитников“ мусульманского народа не менее, чем против казачьих карательных отрядов, сделавших имя „галгасков“ (казаков) ненавистным в Дагестане.

В начале 1920 года Киазим-Бей напал на Совет Оборона и захватил в плен Каркмасова, Казбекова и других. Казбеков был убит, а Каркмасов спасен осетинами.

Сложившуюся в Дагестане в начале 20 г. обстановку характеризует приводимое ниже заявление члена Дагестанского Окружного Комитета т. Султанова на конференции комячейки (февраль 1920 г.): На ряду с нашей партией, — сказал он, — работало турецкое командование и кулацкое казачество. Сначала классовой дифференциации населения не было, и нам это сделать нельзя было. Пришлось работать с мелко-буржуазными партиями. В настоящее время дифференциация заметно намечается и между нашей партией и остальными группами замечается раскол. Мелко-буржуазные силы группируются вокруг Киазим-Бея; явно же контр-революционные — группируются вокруг Нури-Паши. Он ведет переговоры с представителями Деникина и Нажмуддина. Областной Комитет поставил вопрос ребром Нури-Паше: с кем он, с нами или контр-революционерами. Он заявил, что он никому не подчиняется. Нури-Паша является сторонником Константинопольского правительства, поэтому он стремится присоединить Дагестан и Азербайджан. Он может ввести в Дагестан азербайджанские войска с целью помощи“. (А. Костерин „В горах Кавказа“. Владикавказ. 1921 г. стр. 93—94).

Борьбой народов Дагестана против Деникина руководили: Каркасов, Самурский, Габиев, Ахундов, Мамедбеков, Долгат и другие.

Весной 1920 года деникинцы вступили в переговоры с Нури-пашей, предлагая ему союз, но он покинул Дагестан. Грузинские меньшевики при приближении Красной армии выставили против Советских войск отряд генерала Кереселидзе. Но Дагестан был в руках красных партизан, и Кереселидзе пришлось отступить.

В марте 1920 года партизаны отбросили белогвардейцев в Темир-Хан-Шуру, Петровск, Дербент, и здесь партизаны встретились с передовыми отрядами XI армии.

Отношение горцев к своим освободителям—Красной армии носило почти религиозный характер. Когда XI армия продвигалась по низменной части Дагестана к Баку и происходили неизбежные эксцессы, старики,—по словам участников,—говорили: „Это ничего. Ведь когда паломники, долженствующие стать хаджами, идут в Мекку, то и они позволяют себе безобразия, несмотря на то, что это им запрещено шариатом“. Это сравнение на устах горца характеризует его отношение к Советской власти, освободившей его от векового ига. Однако, в основе своей борьбы, эта борьба велась также против беков и ханов, боровшихся рука об руку с Деникиным против горской бедноты.

Но эта борьба, как мы выше отмечали, облеклась в горах Дагестана в своеобразные формы. Вот еще не безынтересный факт, характеризующий своеобразный горский „большевизм“, окрашенный в религиозные тона, который в своих воспоминаниях о гражданской войне в Дагестане приводит Н. Самурский („Новый Восток“, № 3 за 1923 г.): „Ответственный агитатор на митинге долго говорил, его совниманием слушали бедняки, одетые, несмотря на жаркую погоду, в бараньи шкуры. Наконец, когда наступило время полуденного намаза, слушатели заявили, что следует устроить перерыв, так как им нужно молиться. Ответственный агитатор возмутился религиозностью полуденных обитателей гор, в течение веков проливавших кровь под лозунгом за веру, и заявил: „какие же вы большевики, если не можете, несмотря на все слышанное вами, отказаться от молитвы, какие же из вас после этого коммунисты?“

Слушатели заинтересовались, что говорит вновь прибывший высокий гость, но переводчик сознательно затруднился перевести дословно сказанное товарищем и замаял дело, а „большевики, прогнавшие перед этим казачьего полковника Кайтмаса, Алиханова из крепости Хунзах, отправились на молитву“.

По словам тов. Самурского (Октябрьская революция в Дагестане. „Пролет. рев.“ № 10, 1919 г., стр. 95): „Красные партизаны 1919-1920 г., бесспорно представлявшие в то время интересы середняцкого и бедняцкого крестьянства Дагестана, уже вполне сознательно шли под лозунгом Советской власти.“ В этом переломе в пользу Советской власти, по словам т. Самурского, сыграли не малую роль и национальные мотивы, и умелое использование влияния на массы наименее реакционного духовенства.

В Чечне борьба с белогвардейцами протекала вначале под зеленым знаменем Магомета. Турецкие агенты разжигали религиозный фанатизм, шейхи и муллы мечтали о калифате. Центром этого движения, во главе которого стоял шейх Узун-Хаджи, была слобода Ведено.

С именем Узун-Хаджи связано образование шариатской монархии „Северо-Кавказского Эмирства“ под протекторатом „его величества Магомета Бахидина VI“.

В своем месте мы говорили о значении духовенства в горском быту, о шейхизме и мюридизме. Дагестан и Чечня знают Гамзат-Бека и Шамиля. В истории горских народов, по мнению М. Покровского, „мюридизм был демократическим движением, всюду низвергавшим власть беков и ханов, основанную на праве, и ставившим на их место власть наибов, нередко очень скромного происхождения, назначенных „имамом“. В то время, как беки и ханы предавали и продавали горцев русскому царизму, имам Шамиль (1787-1871) поднял над разделяющими горцев родовыми и племенными преградами зеленое знамя пророка. Это было в то время, когда родовые и феодальные узы крепко скрывали горцев. Но и тогда национальный и религиозный моменты играли служебную роль.

Движение Узун-Хаджи, точно такая же реакционная романтика, подобно той, с которой мы встретились у казаков в первые дни революции. Но к этой реакционной романтике приложили свою руку и турецкие политики и грузинские меньшевики.

Узун-Хаджи—ученый арабист, фанатик—панисламист, по своему он был демократичен. По описанию Самурского („Пролет. рев.“ № 10, 1924 г. стр. 85), маленького роста, почти карлик, Узун-Хаджи отличался храбростью, твердостью и большой силой воли. Подобно Шамилю, он пытался сплотить горцев против русских под зеленым знаменем Магомета, забывая, что от провозглашения имамом Шамиля (1834 г.) его отделяет почти столетие.

Тем не менее он подчинил своему влиянию Аварию, Андию и Чечню. Сначала религиозный энтузиазм масс как будто благоприятствовал Узун-Хаджи. К нему в слободу Ведено стекались чеченцы, тавлинцы, ингуши и кабардинцы. В сентябре 1919 г. при ближайшем участии бывшего царского пристава чеченца Дышинского, именовавшего себя князем, который, якобы, привез от турецкого султана грамоту об образовании Северо-Кавказского Эмирства, Узун-Хаджи превратился в шейха Узун-Хаир-Хаджи-Хана, главу Северо-Кавказского Эмирства.

Вот обоснование этой монархии (приводим дословно с копии):

ВЕЛИКИЙ ВИЗИРЬ

и

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ
С.-К. ЭМИРСТВА

Военно-юри-акад-ротмистр
Князь Магомет Киамиль Хан
Он-же Иналук-Арвеланнуков

ДЫШИНСКИЙ

№ 114

Врем. ст. Ведено

ЦИРКУЛЯРНО.

Министрам, Командующим армиями, военным губернаторам, Градоначальнику вр. ст. Ведено и другим должностным лицам С.-К. Эмирства.

Даю Вам знать, что высочайшим приказом его величества Эмиром Северного Кавказа, как известно, я был назначен Великим Визирем с поручением мне составления кабинета министров: кроме того, мне передано его величеством верховным вождем, главное командование войсками С.-К. Эмирства.

Кабинет министров мною составлен следующим образом:

- 1) Министр двора его величества—Генерал-майор Каиммханны.
- 2) Министром Иностранных Дел военно-юридич. академии ротмистр князь Магомет Киамиль-Хан (он же Иналук) Арвеланнуков Дышинский;

3) Министром Продовольствия, Торговли и Промышленности Магомет Хамхоев;

4) Министром Земледелия и Государственных Имуществ—Билал Шамилев;

5) Министром Военным—генерал-майор Шиты Истамулов;

6) Министром путей сообщения, почт и телеграфов—Куси Вайгиреев;

7) Министром Внутренних дел—генерал-майор Хабала Бесленнев;

8) Портфель министра юстиции временно остается за мной;

9) Портфель министра народного просвещения временно остается за мной;

10) Портфель министра вакфуных дел и имущества остается временно за мной.

По главному командованию мною приступлено к реорганизации армии по примеру благоустроенных держав.

О состоявшемся акте правительства, в виде составления названного кабинета мною будет дано знать своевременно соседним державам, с просьбой о признании С.-К. Эмирства самостоятельной шариатской монархией во главе с Эмиром Узун-Хаир-Хаджи-Ханом, но под протекторатом Халифа мусульманского мира его величества Оттоманского Императора Магомета-Ваххидинна VI-го.

За сим с Божией волей, я буду добиваться шариатской монархии, ибо в стране мусульманской республика не может существовать на том основании, что признанием республики мы бы не признали Халифа, значит отрицание Пророка Магомета, отрицание последнего—это значит отрицание Бога.

Итак, мы не требуем автономии, а хотим самостоятельной шариатской монархии. Всякий пришелец наш гость, которого мы в силу нашей религии и традиции так любим и уважаем, но всякое вмешательство в наше правовое дело посторонних лиц еще не реабилитировавшим себя за прошлое, перед народом, не можем принять.

Мы не можем протянуть руки людям, изгнанным из собственного отечества. Мы не можем подать руки людям, не признающим ничего святого. Мы не можем отступить от шариатской монархии. Мы не можем допустить в нашу среду лиц, не испытанных его величеством Эмиром нашим Узун-Хаир-Хаджи-Ханом. Мы избегаем повторения эпопей мифической горской республики.

Об изложенном объявить народонаселению и подведомственным должностным лицам для неуклонного исполнения и сведения.

Великий визирь и Главнокомандующий
войсками военно-юрид.-акад. ротмистр Дышинский

Правитель Канцелярии поручик Асанхани.

В правительство Узун-Хаджи входили чеченцы, ингуши, тавлинцы и кабардинцы. Эмирство отличалось необыкновенной пышностью, был даже министр двора „его величества“ генерал-майор Касим-Хаджи.

В Северо-Кавказском Эмирстве традиции времен Шамиля смешались с турецким авантюризмом и ловкостью предприимчивого царского пристава Дышинского. Играя на религиозных чувствах народа, Узун-Хаджи пытался все-же установить свою родословную от Шамиля. Об этом говорит воззвание к соседним русским и другим национальностям:

„На основании дарованных свобод, после ухода царя русского, мусульмане Северного Кавказа добивались, как известно, самоопре-

деления, путем республики. Эти цели и эти мечты были разбиты варварским вторжением деникинской банды... Северо-Кавказские мусульмане составили свое правительство, во главе с Эмиром шейхом-Узун-Хаджи-Хаир-Ханом и пойдут по стопам своим крепко, которые в течение многих лет проливали кровь за свободу“ (см. ист. Имам Шамиля). Узун-Хаджи удалось собрать довольно значительный отряд; 29-го августа в бою под слободой Воздвиженской он разбил белых и повесил всех пленных офицеров.

Но на ряду с мюридами Магомета в Чечне вели борьбу и „мюриды революции“. В слободе Шатой боролась с Добровольческой армией небольшая группа чеченцев-коммунистов, но вождь их—Аслан-Бек Шерипов был убит в бою под слободой Воздвиженской 29-го августа 1919 года.

Впоследствии центр тяжести борьбы горцев против Добровольческой армии переместился в слободу Воздвиженскую, где с горстью партизан героически боролся т. Гикало.

Здесь на ряду с опереточным эмирством Узун-Хаджи, выросла из отряда тов. Гикало грозная революционная сила.

Свою революционную борьбу отряд гикаловцев начал с одной горной пушкой—„сискал-карабином“ (кукурузный чурек). Это пушка сейчас стоит на Гикаловской площади в г. Грозном.

Сначала отряд Гикало насчитывал в своих рядах 60 человек, при 13 винтовках и 2 пулеметах, и отряд кабардинцев, при 2 орудиях и 2 пулеметах. Затем отряд возрос до 200 человек, а в начале 1920 года—до 800 штыков, 35 конных и 12 пулеметов. В отряд тов. Гикало шли красноармейцы, сюда стекались чеченцы и кабардинцы, спасаясь от преследований карательных отрядов и мести горских помещиков, а также рабочие из Грозного.

Н. Анисимов в газете „Грозненский Рабочий“ (№ 67 1925 г.) описывает путешествие рабочих из Грозного в отряд Гикало: „Через несколько дней после восстания“ (в декабре 1919 года, Н. Я.) на теперешнем „западе“ Старых Промыслов начинают собираться отряды к Гикало. Нужно было сговориться кто идет, когда и где сборный пункт.

Легче всего эту задачу выполнить женщинам, они ее выполнили. И вот 24-го января 1920 года в кочегарку на Максимовском участке (на „западе“) со всех сторон Старых Промыслов собралось около 40 человек, которые решили идти в повстанческий отряд, скрывающийся в Чечне. И вот часть из них почти в течение года могла показываться на промыслах только ночью, остальная часть—бежавшая из тюрьмы и скрывавшаяся несколько дней в катухах и сараях в Старом поселке. Из числа последних тов. Терехин и тов. Петров были больны тифом. Собравшиеся решили забрать и их с собою. Часов в 10 вечера мы от 99 участка (Максимовской кочегарки) тронулись в Чечню. Перед отправлением рабочие снабдили нас, кто чем мог: хлебом, бельем и даже водкой. В общем отдали все, что могли, поделились последним пополам“.

Гикаловцы вели неустанную борьбу с Добровольческой армией.

В декабре 1919 года, получив сообщение из грозненской тюрьмы, где к тому времени было до 600 арестованных, что там готовятся массовые расстрелы, тов. Гикало напал со своим отрядом на Грозный и освободил тюрьму. Однако, благодаря предательству, восстание не удалось. Главной массе освобожденных из тюрьмы удалось скрыться, но с пойманными белогвардейцы зверски расправились. Вот что пишет в своих воспоминаниях разведчик отряда т. Гикало Никита Лукьянов-Никитин, посланный в город разузнать, что там делается (при-

водим с сохранением орфографии): „я отправился счасже к т. Гикале Воздвиженку. Гикало мне дал наказ: поезжай в город и узнай, что там делается. Я приехал ночью к город, видел чудную картину, кто был привязан за шею, кто был прибитым гвоздями на телефонных столбах, а кто висел кверху ногами. Я сполнил свое дело“...

Отряд Гикало установил связь с Дагестаном с Кавказским Краевым Комитетом и XI армией, от которой позднее получил денежную поддержку, а также с „камышанцами“.

Приводим с копии письмо тов. Носова к „камышанцам“, дышащее бодростью и верой в близкую победу:

„Товарищи камышанцы!

Воздвиженский Комитет Российской Коммунистической Партии (большевиков) шлет вам свой искренний товарищеский привет. Глубоко верим и надеемся, что близко то время, когда нам придется оставить свои камыши и горы для того, чтобы грудь с грудью столкнуться в бою со своими варварами.

Советская власть близка, советская власть идет, и гибель реакции не за горами. И как бы тяжело не приходилось нам, мы бодро перенесем все— победа за нами.

Будем же пока работать и работать!

С товарищеским приветом Председатель Комитета А. Носов“.

1/1—1920 г.
Сл. Воздвиженская.

В начале 1920 года организуется Штаб Терской Областной Группы Красных повстанческих войск, которому подчинялись все действовавшие в Терской области отряды.

Как видно из приказа тов. Гикало от 24-го января 1920 года, на основании директив Кавказского Краевого Комитета РКП, под командованием тов. Гикало, должны быть объединены в трехдневный срок все красные повстанческие отряды. Начальником Штаба был назначен представитель XI армии Султан Дудаев, начальником оперативного отдела—тов. Костерин, политического—Носов.

Штаб пользовался большим доверием среди чеченцев, и имел даже кредит у разных лиц, задолжав им до 10-ти милл. рублей „романовскими“. В отряде имела коммунистическая организация и велась политическая работа. В Кабарде, Ингушетии и Осетии были созданы подчиненные Штабу Ревкомы. Отряд тов. Гикало вел большую работу по организации чеченской бедноты, подготавливая ее к активному выступлению против Добровольческой армии.

„Военный министр“ Северо-Кавказского Эмирства кн. Дышинский, пытался подчинить хотя бы формально отряд тов. Гикало своему влиянию. В своей речи на заседании Совета министров 27-го ноября 1919 г. он говорит: „Командующий Красной армией господин Гикало приказом моим от 6-го ноября с. г. назначен командующим 5-й армией, во-первых, как гость, и во-вторых, наш соратник с подчинением ему, Гикало, даже части наших войск. Но в настоящее время, вследствие отсутствия у него, Гикало, понимания наших целей и наших стремлений и так как стремления Гикало мне совершенно чужды, нахожу необходимым его устранение с назначением на его место другого“.

Но тов. Гикало „не признавал“ эмирства и центр тяжести революционной борьбы переместился из сл. Ведено в сл. Воздвиженскую и сл. Шатой, в отряд тов. Гикало.

В Грозном был создан Добровольческой армией из чеченских домовладельцев и торговцев (Чуликов и другие) особый „Комитет по очищению Чечни от большевиков и банд Узун-Хаджи“. Но, несмотря на запугивания „правителя“ Чечни, ставленника Деникина, Алиева, несмотря на разгром казаками аулов, чеченцы не сдавались. Правитель Чечни Алиев писал в своих прокламациях: „Объявляю чеченскому народу: начальником Грозненской группы войск генералом Драценко предъявлено следующее решительное требование и условия, при выполнении которых спасти аулы от полного разорения и разрушения: 1) если аул выдает русских красноармейцев, большевиков, дезертиров, грузин, азербайджанцев и друг. участников из отряда Узун-Хаджи и Гикало, Эльдеханова и проч. главарей и не делает ни одного выстрела по войскам Добровольческой армии, то такой аул не будет уничтожен...“ (Костерин, цит. соч., стр 54).

Добровольцы принимали все меры для уничтожения отряда тов. Гикало. 31 января 1920 г., казаки, во главе с ген. Драценко неожиданно напали на штаб группы в сел. Воздвиженском. Бой длился 8 часов. Со стороны Добровольческой армии наступало 6.000 человек. Армия Узун-Хаджи во главе с Дышинским, находилась в это время в 6-ти верстах от сел. Воздвиженского. Узун-Хаджи и Дышинский пытались уклониться от помощи отряду т. Гикало. Но пока Дышинский, чтобы оттянуть время, совершал молебствие в ауле Дуба-Юрте, чеченцы его отряда сами, под командой турецкого полковника Гусейн-Эффенди, ударили в тыл добровольцам. Последние отступили, потеряв до 1000 чел.

За измену чеченцы сами арестовали Дышинского, обезоружили командный состав его отряда. Слава Узун-Хаджи померкла.

29 февраля 1920 г. тов. Гакило писал Дагестанскому Комитету РКП (б):

„В Терской области, при наличии стихийного революционного настроения горцев, существовали и работали партийные и советские организации, отдельные партийные товарищи, которые между собою не были связаны, не было контакта и единой тактики. Теперь иное, каждая народность (Ингушетия, Кабарда, Осетия) имеют Ревкомы, созданные Кавказским Краевым Комитетом, которые объединяют революционный элемент своей народности. Эти Ревкомы, в свою очередь, объединены Штабом Терской Группы Красных повстанческих войск, Командующим коей, согласно постановления Кавказского Краевого Комитета, я состою. Чечня непосредственно объединена Штабом. Работа, в смысле организации революционного элемента быстрым темпом подвигается вперед. Связь существует с Ингушетией, Осетией; с Кабардой временно прервана. Все отдельные партизанские и красноармейские части объединены на территории Терской области Штабом. Идет работа по подготовке общего восстания горцев. Сейчас действуют мелкие партизанские отряды над разрушением тыла добровольцев, а потом будет общий удар...“

Сообщаю для сведения, что Узун-Хаджинское влияние с каждым днем падает и рушится. Отряд красноармейцев с помощью революционной части горных чеченцев в сл. Шатой 6 февраля с. г. обезоружил Эмирское воинство. Отобраны пулеметы, орудия. Великий Визирь „Князь Дышинский“ арестован и предан шариатскому суду. Факт разрушения—это факт нашего влияния в Чечне“.

Тотчас же после ухода добровольцев национально-религиозное движение, поднятое Узун-Хаджи, контр-революционные силы—шейхи, офицерство и буржуазия—пытаются обратить против Советской власти,

но 16 марта 1920 г. Узун-Хаджи умер. Отряд т. Гикало еще до прихода регулярной Красной армии 20 марта 1920 г. занял Грозный.

Белогвардейцы бежали в Петровск.

Судьба Северо-Кавказского Эмирства весьма поучительна. Если в прошлом столетии Шамилю удалось сплотить горцев в борьбе за независимость под зеленым знаменем Магомета, то в 1919—1920 г. г. подобные попытки выродились в карикатуру. Из под зеленого знамени горская беднота ушла под красное знамя. Мюридов Магомета сменили мюриды революции. Аслан-Бек-Шерипов был прав—Чечня дала их, и он был первым из них.

Боролась с Деникиным и Ингушетия. Здесь во главе партизанского движения против Добровольческой армии стоял бывший офицер Хизыр-Арцханов, под прикрытием отрядов которого укрылись в Ингушетию т.т. Орджоникидзе, Назаретян и другие члены Северо-Кавказского Комитета РКП(б), которые затем перебрались в Закавказье. В течение всего периода деникинщины Арцханов вел с Деникиным партизанскую борьбу, укрывая в горах красноармейцев. Грузинское правительство пыталось использовать это движение в своих целях для создания горской республики и даже снабдило Арцханова оружием (200 винтовок, патроны и проч.). Узун-Хаджи в свою очередь формально подчинил себе отряд Арцханова, назначил его „главнокомандующим мусульманскими вооруженными силами Северного Кавказа“. Однако, и в Ингушетии руководство борьбой перешло в руки РКП. Во главе штаба Арцханова находился т. Сотников, имевший связь с Краевым Комитетом РКП и т. Гакило.

В бои с белогвардейцами было вовлечено до 4000 ингушей. Эрдели бежал из Владикавказа на аэроплане.

В горах Терек действовали многочисленные партизанские отряды. Так, недалеко от Пятигорска (гора Бештау), действовал отряд Тимошенко, оказавшийся, как потом выяснилось, агентом деникинской контр-разведки. Есть сведения также о партизанском движении на севере Прикумского уезда. Здесь партизанский отряд возрос до 1-го батальона, 2-х эскадронов при 10-ти пулеметах и вел довольно успешно бои с белыми.

Однажды, ему удалось захватить даже 4 орудия. Перед бегством белых из Пятигорска (13 января 1920 г.) произошло восстание „розовых“, возникшее в пригородах Пятигорска, во главе которых стоял упомянутый выше Тимошенко.

В Кизлярском отделе, в камышах, точно также оперировали довольно сильные отряды „камышанцев“, которые боролись довольно успешно с белогвардейцами. „Камышанцы“ не теряли не только бодрость, но и юмора, о чем свидетельствует их обращение к городскому голове г. Кизляра, напоминающее письмо запорожцев к турецкому султану:

„Городскому голове города Кизляра.

Голова (дурная кадетская голова).

Оповести население г. Кизляра (особенно рыбаков), что всех появляющихся в районе камышей будем расстреливать.

Кадеты разрешили ловить рыбу на озерах, но мы хозяева озер не разрешаем. Одно.

Другое: Ваши газетки брешут, что мы растерзали белых сестер милосердия, попавших к нам в плен. Напечатай в газете их собственноручное письмо, что они живы, здоровы и в пику вам, белым—веселы, а сестра Градская исполнилась к вам такой ненависти, что уже вышла замуж за матерого большевика с обещанием к весне пополнить красные ряды двумя красно-зелеными.

Главенствуй, чертова голова, пока мы не обезглавили контр-революцию.

В гости скоро будем, своими милостями не оставим и тебя.

„Камышанцы.“

В Осетии, в центре революционного движения с марта 1919 г., стал Окружной Комитет РКП, бывший ЦК партии „Кермен“ в сел. Христиановском и Ревком, во главе с т. Борукаевым. Во Владикавказе в это время сосредоточились добровольческие части, во главе с генералом Эрдели, готовясь к отступлению в Грузию по Военно-Грузинской дороге. По плану керменистов против Добровольческой армии должны были выступить все горские народы. С этой целью из с. Христиановского во Владикавказ и в Нальчик были отправлены отряды керменистов. Во главе Владикавказского отряда стояли товарищи: С. А. Такоев, Н. М. Таламов, Н. А. Золоев. 4 марта в Алагирском ущельи отрядом при полном сочувствии горцев была провозглашена Советская власть. На взятой с бою Мизурской фабрике был создан Революционный Совет. Заняв Алагир, Ардон и Архонку, отряд двинулся во Владикавказ, вступив туда на день позднее отряда т. Гикало. Во Владикавказе был создан Областной Ревком.

Во главе кабардинского отряда стоял Тагоев Х. А., Хаулаев и Б. К. Буцаев.

Двинутый в Кабарду отряд керменистов, во главе с т. Тагоевым, к которому примкнула кабардинская беднота, к 20-му марта занял Нальчик, где был создан Кабардинский Ревком. К другой группе кабардинцев, направившейся на освобождение Кабарды из Тифлиса (через Азербайджан, Дагестан, Чечню и Ингушетию) примкнули кабардинцы, бывшие в дагестанских повстанческих войсках, а также из отряда т. Гикало (около 200 чел.).

В Ингушетии беднота восторженно приветствовала этот отряд. „Особенно радостной и торжественной была встреча нас у села Назрань,—пишет т. Калмыков („Революционное движение в Кабарде“).

„Вся Ингушетия собралась сюда для встречи.

Тысячи народа приветствовали нас. Тысячи сердец слились в одном радостном порыве..

Уже испуганные контр-революционеры надели лживую маску преданности: они собрали между собой пожертвования и деньги и поднесли эти деньги кабардинскому отряду.

Но кабардинские бойцы гордо заявили:

Не надо нам денег от палачей.

И отказались принять этот лживый дар.

Тогда ингушские бедняки разостлали по земле несколько бурок...

— Мы сами дадим денег,—заявляли бедняки.—Вы наши товарищи.

Через несколько времени куча денег возвышалась на бурке. То ингушская беднота оказала братскую помощь своим братьям-красным кабардинцам.

Ингуши до самых границ провожали наш отряд“.

В Кабарде первым было занято сел. Исламово (15-го марта 1920 года), а затем сел. Астеминово. С занятием Нальчика закончилась освободительная борьба в Кабарде. В назначенный Реввоенсоветом XI армии кабардинский Ревком вошли: т. т. Калымов, Катханов, Нагуев, Энеев и друг. (В. Калмыков „Революционное движение в Кабарде“).

Кабардинские князья и уздени, во главе с Бековичем-Черкасским

и Анзоровым, бежали в Грузию, многие из них были убиты восставшими кабардинскими крестьянами, а дома их сожжены.

К 20-му марту во Владикавказе был образован Областной Ревком и, таким образом, на Тереке была восстановлена Советская власть. Закончилась борьба горцев за свое освобождение.

В воззвании командующего фронтом Тухачевского, члена Революционного Военного Совета Орджоникидзе и членов Северо-Кавказского Ревкома С. Киров и П. Шдивани „К горцам Северного Кавказа“ мы, читаем:

„Братья, горцы! От имени победоносной Красной армии и Центральной Советской власти приветствуем вас, горцы. Ныне, все живущие в пределах Северного Кавказа, вновь увидели себя сынами Великой рабоче-крестьянской Советской России. Добровольческая армия уничтожена и жалкие остатки ее ищут спасения, кто где может.

Умолк свист добровольческих нагаек, не слышно больше в ваших ущельях и долинах варварских расправ врагов трудящихся и угнетенных племен, истерзанные народы Северного Кавказа освободились от жестоких палачей“.

Особого внимания заслуживает партизанское движение черноморских крестьян, получивших название „красно-зеленых“. „Красно-зеленые“ сыграли немаловажную роль в борьбе за освобождение Кубани и Черноморья от деникинщины. „Зеленая армия“ все время тревожила тыл белых, создавая постоянную угрозу их непрочному владению и помогая Красной армии добить отступающего противника.

По свидетельству участников, основные кадры „зеленой армии“ составляли черноморские крестьяне, уклонявшиеся от мобилизации, — между прочим крестьяне тех селений, жители которых были высланы в Сибирь после восстания 1905 года. Были там и красноармейцы, оставшиеся в горах, а также рабочие Новороссийска и Екатеринодара.

Зеленоармейцы пользовались среди мирного населения Кубани и Черноморья симпатиями и поддержкой.

Краснозеленые во времена деникинщины были фактическими хозяевами побережья от Новороссийска до границы меньшевистской Грузии. Добровольческая армия пыталась бороться с зелеными, но безуспешно. В Сочинском районе карательный отряд во главе с полковником Петровым, в селении Воронцовке, где образовался отряд партизан, расстрелял и повесил массу крестьян, оставив трупы „для остратки“ висеть несколько дней. Другой отряд полковника Чайковского ограбил и сжег селение Пластунку.

О расправе Деникина с дезертирами говорит приводимый ниже приказ:

ПРИКАЗ

главнокомандующего вооруженными силами на юге России от 18 марта 1919 г., № 500.

Дальше этого терпеть нельзя: города, деревни и станицы переполнены дезертирами и уклоняющимися от воинской повинности, в то время, как армии истекают кровью в последней, быть может, борьбе. Коменданту Главной квартиры, начальникам гарнизонов организовать поверку документов и облавы с целью истребить эту плесень. Одновременно организовать полевые суды, чтобы можно было разобрать дело и в случае обнаружения преступления без задержки предавать виновных смертной казни.

Подлинный подписал:

Генерал-Лейтенант Деникин.

О том, как расправлялись с зелеными белогвардейцы рассказывает в своей книжке „Распад добровольцев“ Георгий Виллиам:

„—Застукали его на слове „товарищ“—передает Виллиам рассказ белогвардейского офицера об аресте интеллигента—„зеленого“. Это он, милашка, мне говорит, когда пришли к нему с обыском.

—Товарищ,—говорит,—вам что тут надо? Добились, что он организатор их шаек. Самый опасный тип. Правда, чтобы получить сознание, пришлось его слегка поджарить на вольном духу, как выражался когда-то мой повар. Сначала молчал: только скулы ворочает; ну, а потом, само собой, сознался, когда пятки у него поддружились на мангале.. Удивительный аппарат этот самый мангал. Распорядились с ним после этого по историческому образцу, по системе английских кавалеров. Посреди станицы вырыли столб; привязали его повыше; обвили вокруг черепа веревкой, сквозь веревку просунули кол и кругообразное вращение. Долго пришлось крутить. Сначала он не понимал что с ним делают, но скоро догадался и попробовал вырваться. Не тут-то было. А толпа,—я приказал всю станицу согнать для назидания,—смотрит,—не понимает, то же самое. Однако, эти раскусили и было—бега, их—в нагайки, остановили. Под конец солдаты отказались крутить, господа офицеры взялись. И вдруг слышим—кряк,—черепная коробка хрястнула. Конечно, сразу вся веревка покраснела, повис он как тряпка. Зрелище поучительное. Что же? В благодарность за даровой спектакль подходит ко мне девица, совершенно простая, ножища в грязи—харк мне в физиономию. Ну, а ее рабу божью шашкой. Рядом с товарищем положил: жених и невеста, ха, ха, ха...“ (стр. 63).

Зеленоармейское движение началось летом 1918 года. К концу 1919 года на Черноморском побережье действовали две группы „зеленых“. Одна группа, так называемая „Зеленая Крестьянская армия“ под командой тов. Моренец, занимала район между Новороссийском и Туапсе (Геленджик—Архипо-Осиповка) и состояла из 1200—1400 партизан. Местоположение другой группы находилось в районе Сочи—Адлер на грузинской границе. Кроме этого, отряды „зеленых“ были разбросаны по Черноморскому побережью и на Кубани (селение Георгиевское, сел. Пластунское, станица Горячий Ключ и другие пункты). К северу от Геленджика действовало шесть групп. Некоторые из них носили имена своих начальников: группа Павленкова, группа Пугачева, а некоторые носили „устрашающие названия: „Террор“, „Гром и Молния“.

Грузинское правительство пыталось использовать партизанское движение черноморских крестьян в целях создания „буфера“, точно так же, как муссаватисты пытались использовать движение горцев в Дагестане и Чечне. Грузия услужливо посылала в помощь дагестанцам против советских войск отряд генерала Кереселидзе, а Узун-Хаджи—свой штаб. На Черноморском побережьи роль Узун-Хаджи исполняли эсеры.

В начале не без успеха вели работу среди „зеленых“ эсеры, организовавшие комитет освобождения Черноморья (сокращено „КОЧ“). Организационным Комитетом эсеров под председательством эсера Б. Спивака 18-го ноября 1919 года в Гаграх был создан съезд делегатов крестьян Черноморской губернии, который проходил под эсеровским лозунгом: „Борьба за народовластие...“ Съезд постановил:

1) Поставить ближайшей целью борьбы образование Черноморской Республики, с установлением федеративной связи с другими демократическими государственными образованиями, для совместной

с ними борьбы против реакции и за конечные цели; Российскую Федеративную Республику, которую мы мыслим как свободный союз свободных народов. За народовластие и социальные завоевания революции.

2) Выбрать Комитет Освобождения Черноморской губ., ответственный перед крестьянским съездом. Означенный Комитет осуществляет всю полноту власти на территории Черноморской губернии по мере ее освобождения впредь до созыва ее чрезвычайного съезда.

3) При наступлении более благоприятных условий, Комитет Освобождения должен созвать чрезвычайный крестьянский рабочий съезд, который окончательно решит борьбу Черноморской демократии.

4) На время, до чрезвычайного съезда Комитету Освобождения предлагается: а) организовать планомерную вооруженную борьбу с реакцией до полного изгнания добровольцев из пределов губернии; б) немедленно приступить к переговорам с Кубанской Радой на предмет вхождения Черноморья, как автономной единицы, в состав Кубани, но при непрременном условии полного разрыва Кубани с Добровольческой армией и пополнения Рады свободно избранными представителями граждан Черноморской губ.; в) обратиться ко всей трудовой демократии, как к третьей силе, с призывом сорганизоваться, выявить свою волю и биться с реакцией под своим знаменем; г) обратиться к Совету Народных Комиссаров и партии коммунистов с предложением отказа от партийной диктатуры и требованием образования коалиционного социалистического Правительства; д) обратиться к трудовой демократии Европы и Америки с протестом против помощи, оказываемой ею правительством Российской реакции, против экономической блокады, обрекающей широкие массы народа на голодную смерть, болезни и нищету.

Деятели Комитета Освобождения Черноморья являлись эсеры В. Н. Самарин-Филипповский—бывший представитель Совета Министров Уфимского правительства, Н. В. Воронович, Родзевич, Чайкин и другие, а также меньшевик Цвангер.

Грузинское правительство оказывало „КОЧ“у всяческое содействие и материальную помощь. Как видно из воспоминаний одного из руководителей борьбы черноморских крестьян коммуниста И. Шевцова („Пролетарская революция“, № 8, 9, 10, стр. 49), Грузинское правительство отпустило эсеровскому Комитету Освобождения Черноморья около миллиона рублей грузинских денег, 250 винтовок, пулеметы, обмундирование и правительство Жордания прикомандировало Комитету Освобождения Черноморья политического комиссара Л. Рухадзе. К концу 1919 года в Гаграх, где находился КОЧ, был организован под председательством эсера Вороновича „Главный Штаб Черноморского Крестьянского ополчения“.

Закавказский Краевой Комитет РКП в свою очередь отправил группу работников из Тифлиса в распоряжение Комитета Освобождения Черноморья в январе м-це 1920 года (левые эсеры Томашевский и Лысикевич, коммунист Шевцов, позднее прибыл тов. Ивницкий и др., при чем Лысикевич входил в Комитет Освобождения Черноморья). До поры до времени было решено помогать КОЧ'у в организации вооруженного восстания на Черноморье.

28-го января крестьянское ополчение разоружило на грузинской границе расположенный там отряд Добровольческой армии, численностью превосходивший ополчение в десять раз. После ряда успешных боев, 3-го февраля зеленые заняли Сочи, куда переехал Комитет

Освобождения Черноморья. Началось продвижение на Туапсе, и Деникин неожиданно увидел в своем тылу врагов, которые угрожали отрезать важные для Деникина порты—Туапсе и Новороссийск. Против крестьянского ополчения Деникиным были брошены свежие части, но после неудачного для белых боя на реке Шахе, „зеленые“ заняли Туапсе, вечером 24-го февраля.

Настроение зеленоармейцев далеко не соответствовало настроению эсеровского Комитета Освобождения Черноморья; руководство над зеленоармейцами перешло к коммунистам, политическим комиссаром фронта был назначен коммунист Шевцов.

Деятельность Комитета Освобождения Черноморья и его успешная борьба с Добровольческой армией напугали стоявших за спиной Деникина англичан. Английские генералы Коттон и Киз пытались войти в переговоры с КОЧ'ем и даже просили прекратить наступление на Туапсе. После занятия Туапсе английский крейсер бомбардировал порт, но ушел оттуда с пробоиной, нанесенной из английской же пушки, захваченной у Деникина.

В этот период времени на севере Черноморского побережья вели также партизанскую борьбу отряды „зеленых“, о которых мы упоминали выше, составлявшие „зеленую Советскую армию“.

В этом районе (до Геленджика), по словам М. Доброницкого („Пролетарская революция“ № 89, 1924 г. стр. 75). зеленоармейскими лозунгами были: „Власть рабочим и крестьянам“, „Вся власть Советам.“ Эти отряды были связаны с организациями РКП в Новороссийске, Краснодаре и Ростове и выполняли их задания. (См. воспоминания Владимира Черного „Подполье“, „Путь Коммунизма“ книга 3-я, Краснодар 1922 г.). Северо-Кавказским Краевым Комитетом в Новороссийске для руководства зеленой армией был создан Военно-Революционный Штаб, во главе с тов. Вороныным. В ведении Черноморского Главного Штаба находилась также, так называемая, пятая группа, наиболее анархически настроенная, где был верховный главнокомандующий, верховный политический комиссар и т. д. На ряду с Черноморским Штабом, который находился влевой Шели, во главе с тов. Маслиевым, существовали и районные штабы.

В конце февраля 1919 года зеленоармейцы шестой группы „Террор“, возникшей в районе Абрау-Дюрсо, помогли побегу заключенных из Новороссийской тюрьмы. По сговору арестованными зеленоармейцы подошли к самому Новороссийску (Новороссийская тюрьма находилась далеко за городом), арестанты перебили тюремную администрацию и в количестве 500 человек бежали в горы, под прикрытием отряда.

Еще на состоявшемся в Сочи в конце февраля крестьянском съезде коммунисты и левые эсеры (Казанский и Томашевский) открыто выступили против КОЧ'а.

Политика КОЧ'а сводилась к тому, „чтобы поставить Советскую власть перед совершившимся фактом: Черноморье принадлежит Грузинской Республике“. Однако, Реввоенсовет Красной армии Черноморья состоял из коммунистов, в руках которых была реальная сила. Решено было добиться с КОЧ'ем соглашения. 9-го марта на совещании в Туапсе, на котором присутствовали члены КОЧ'а Самарин-Филипповский, Воронин и другие, было постановлено разграничить сферу влияния: прифронтовая полоса и территория тыла до Лазаревской была передана в ведение Реввоенсовета, а территория к юго-востоку от Лазаревской до Пиленково, была передана в ведение Коми-

тета Освобождения, которому было вменено в обязанность приступить к организации Советской власти.

Об этой борьбе внутри Зеленой армии в своих воспоминаниях говорит Э. Богатов („Красно-зеленые в Сочинском округе“, „Путь коммунизма“, кн. 3-я, стр. 146 и далее). Когда большевиками было организовано в Сочи бюро, пытавшееся взять власть, то представители Комитета Освобождения арестовали руководителей бюро и выпустили их лишь после требования рабочих.

После взятия Туапсе черноморским крестьянским ополчением последнее слилось с „Зеленой советской армией“, образовав Красную армию Черноморья. Членами Реввоенсовета были избраны: т.т. П. Соркин, Л. Ивницкий, И. Шевцов (от Черноморского крестьянского ополчения), А. Цымбалист (от „Зеленой советской армии“).

Приводим копию приказа (из архива тов. Ивницкого):

ПРИКАЗ № 1

гор. Туапсе марта 11 дня 1920 года.

Сего числа Реввоенсовет вступил в управление действующим Черноморским Крестьянским Ополчением, которое переименовывается в Красную армию Черноморья.

Реввоенсовет: П. Сорокин (в подлиннике ошибочно напечатано „Сорокин“, вместо „Соркин“), Ивницкий, Шевцов, Цымбалист (Арсений).

Командующим армией был назначен Д. С. Казанский, а начальником Штаба—Фовицкий В. К 15-му марта Красная армия Черноморья насчитывала более 12.000 человек, была хорошо организована, вооружена и связана с кубанскими партизанскими отрядами („Гром и Молния“—в районе ст. Крымской, отрядом тов. Огурцова и других). Политотдел издавал газету „Фронтвик“ и „Освобождение Черноморья“ в Туапсе и „Черноморский Крестьянин“ в Сочи.

17-го марта Красная армия Черноморья взяла Геленджик, отряд тов. Моренец подошел к Новороссийску и к 20-му марта укрепился на цементных заводах. Оставив мысль о взятии Новороссийска, в виду превосходства противника, Красная армия Черноморья вышла на линию Майкоп—Белореченская, где столкнулась с главными силами отступавшей Добровольческой армии. Город Майкоп был занят незначительным отрядом тов. Шевцова, который оставался там до прихода 1-й Конной армии т. Буденного. Красная армия Черноморья вынуждена была отступить и, после боя 24—25 марта за обладание Гойтинским перевалом, отошла на Туапсе, а затем по Новороссийскому шоссе—на левый берег реки Агуй. Попытка наступления белых на Новороссийск была остановлена подошедшей 29-го марта 50-й Таманской дивизией, в которую влилась Красная армия Черноморья.

Часть белых эвакуировалась из Туапсе в Крым и Константинополь; а главные силы отошли к грузинской границе (Кубанская армия, под начальством генерала Морозова).

Группа „Террор“ вместе с Красной армией вступила в Новороссийск. Крестьяне-партизаны разошлись по домам, и 20-го марта Реввоенсовет и Штаб Черноморья перестали существовать.

Повстанческое движение казачества на Кубани является заострением и продолжением борьбы с Деникиным кулацкой оппозиции Кубанской Рады. Не случайно, однако, и центром повстанческого движения явился не только кулацкий, но и украинский Таманский отдел, а идеологическими выразителями—кубанские „федерали-

сты-республиканцы“. Еще в августе 1919 года походный атаман Науменко в Законодательной Раде заявил, что Таманский отдел дает большой процент дезертиров и что он будет посылать карательные экспедиции для борьбы с дезертирами и карать их смертной казнью и розгами. Тогда же группа членов Законодательной Рады внесла запрос о расстрелах, повешениях и арестах в Таманском отделе без суда и следствия. Казачество в самом начале деникинщины отказывалось сражаться за помещиков, „голосуя ногами“ против Деникина. Но лишь после повешения Покровским Калабухова, это движение получило идеологическое оформление, и во главе его стали некоторые члены Рады. В станице Полтавской во главе восставших казаков стал член Рады Крикун, а в станице Елизаветинской—член Рады Пилюк. Борьба „только за Кубань“ стала лозунгом казачьего повстанческого движения. А Рада одновременно говорила о разрыве с Добровольческой армией и посылала карательные отряды против казаков.

Под конец деникинщины, Кубанские войска совершенно разложились, образовав зеленые отряды, которые вели с добровольцами партизанскую борьбу.

Идеологически оформили это движение „федералисты-республиканцы“. В программе и тактике „федералистов-республиканцев, („Вольная Кубань“ от 30 августа ст. ст. 1919 г., № 191) мы читаем: „Лозунг—враги казачества и народа все время через свои многочисленные газеты и прокламации и через продажных людей сеют смуту в среде простого, честного и доверчивого народа. Они стараются создать вражду между линейцами и черноморцами и этим нас разединить.“

В силу народного избрания, в силу любви к народу и во исполнение торжественного клятвенного обещания, мы еще теснее сожмем наши ряды для более дружной и энергичной работы на пользу народа.

Стойко и смело в кровопролитной повседневной работе, мы должны идти вперед и прокладывать дорогу к лучшему будущему нашего народа. Мы будем бороться за Великую Единую Федеративную Российскую Республику и в этой борьбе за долю народную, за его права мы будем братски едины.

Единая Кубань в Единой Федеративной Российской Республике—вот наш лозунг, вот что будет постоянно служить нам путеводной звездой“.

Федералисты-республиканцы ставили своей задачей „в первую очередь“ победить большевизм, и лишь во вторую, „чтобы победить большевизм“, федералисты-республиканцы признавали необходимым вести борьбу „с стремлением слуг царского режима—помещиков и капиталистов, установить диктаторскую власть в освобожденных от большевиков местностях России“. „В программе и тактике“ мы находим даже такой революционный лозунг, как немедленную передачу казенных и иных земель в пользование трудящихся. Но мы знаем цену этой демократии, мы знаем, что передача земель в пользование трудящихся на языке федералистов означало оставление земли у кулацкой части казачества, с сохранением за ним права на эксплуатацию арендатора и батрака. Революционная фраза прикрывала здесь интересы казачьего кулачества.

Северо-Кавказский Краевой Комитет (В. Черный и другие) пытались использовать казачье-повстанческое движение и установить связь с левой частью Рады—черноморцами. По словам В. Черного („Путь

Коммунизма" № 3, 1922 г., стр. 137), велись даже переговоры с членами Рады Саввой Крикуном и Н. З. Федоренко, с которыми удалось установить контакт под лозунгами: „Мир казаков с большевиками и борьба с Деникиным“. Основным политическим соображением в пользу соглашения являлась задача вовлечения казачьих масс в борьбу против Деникина. Однако, по этому вопросу среди екатеринодарских большевиков не было единогласия, и некоторые члены высказывались против такого соглашения на том основании, что „черноморцы“ являлись политическими флюгерами, прикрывающими революционными лозунгами казачье-сословные интересы. (См. там же, стр. 137—138).

В прокламации екатеринодарских большевиков, выпущенной в январе 1920 г. мы читаем: „Товарищи-казаки хорошо понимают действия Рады, из вас кто еще и до сих пор идет за нею? Видите-ли вы ту пропасть, в которую, по желанию Деникина, высказанному Богаевскому, вас гонит Рада?

Мы знаем чем живет сейчас казачество. Мы знаем, что вы хотите мира с Советской Россией, вы хотите уничтожить генеральские деникинские банды, без чего этот мир невозможен... Мы знаем, что не для выражения желания итти на фронт вы организовались вокруг станицы Елизаветинской, а для того, чтобы оказать революционное давление на Раду, чтобы предъявить требование мира с большевиками и охранить ее от возможных при таком решении покушений Деникина. Но как поступила Рада? Что ответил вам новый атаман? Рада сказала, что охрана ей не нужна, что на нее никто не посягает. Она права. Конечно, из-за чего и почему посягнет на нее Деникин со своими черными сотнями, раз Рада делает его, деникинское дело? Атаман же обещал вас отправить на фронт. Это ли ваше желание? В этом-ли ваши требования? Вот, казаки, тот тупик, о котором говорил Тимошенко и из которого ни Рада, ни Верховный Круг не находят выхода, кроме самоубийства из шалости.

Массы казачества сейчас революционны. Верхи его трусливы и реакционны: они стараются задерживать ход событий, удержать колесо истории. И неизбежно события сомкнут их и колесо отшвырнет вон. Иного не может быть, иного они не заслужили. А революционные массы казачества, крестьянства, рабочих и горцев—народные массы революционным путем пойдут дальше, вперед к созданию новой свободной жизни. И этот путь мы, партия пролетариата и революционных народных масс, должны указать и мы указываем его вам, казаки, горцы, вам, крестьяне, и вам, товарищи рабочие.

Слушайте!

Революционное фронтовое казачество Кубани и Терека должно понять, что возлагать дальше надежды на Раду, Круги и правительства—бесполезно, ибо они не способны повести массы против ненавистного виновника пролитой казаками крови—Деникина и его генеральско-помещичье-капиталистических банд, что верхи бессильны дать мир и не только не могут прекратить продолжающееся на фронте кровопролитие, но не хотят прекращать его, хотят продолжать войну, обманывать народ, требуют от казаков новых бесчисленных жертв кровью и имуществом. Поэтому, казаки и горцы становятся на другой путь. Они должны, по примеру станицы Елизаветинской, немедленно организоваться, создать вооруженные части на местах, составлять приговора в станицах, связываться с соседними станицами и каждая станица, аул, хутор отдельно, или по соглашению нескольких станиц

вместе, посылать тысячи новых и новых делегаций к правительствам, атаманам, с грозным категорическим требованием немедленного мира с большевиками, полной амнистии политических заключенных, уничтожения вожаков и главарей контр-революции, заблаговременно удирающих от расправы и разоружения их черносотенных шаек. Приговора и делегации должны заявлять правительствам, что если эти требования не будут немедленно выполняться, то за последствия ответят сами правительства. Поверите, товарищи-казаки, что раз у нас в станицах будут вооруженные силы, то какие бы требования вы не предъявили ваши делегации останутся неприкосновенны. И если этот открытый мирный путь не заставит правительства удовлетворять ваши требования, тогда вы с чистой совестью можете отшвырнуть эти бюрократические правительства, свергнуть их.

Тогда вы должны в каждой станице составлять приговора об отзывании своих станичников с фронта и посылать с такими приговорами делегатов в боевые части. Если же правительство посмеет подавлять это ваше организованное революционное народное движение вооруженной рукой добровольцев или черносотенных казаков, если оно обнажит меч и против вас, тогда вы сможете дать должный отпор всем лгунам и предателям. В этом вам поможем мы и поможет Советская армия. Тогда вы организуйте Советы“.

Деникин и Кубанская Рада боролись с восставшим казачеством карательными экспедициями, порками и расстрелами. Но даже наиболее революционные из членов Рады—Крикун и Пилюк, стоявшие во главе отрядов после падения деникинщины, отказались от союза с рабочими и крестьянами, ведя за собой обманутое казачество. По словам В. Черного (цит. соч., стр. 143) за несколько дней до эвакуации Екатеринодара белыми, туда пришел отряд Крикуна из казаков Таманского отдела, чтобы вести переговоры с большевиками о мире, опираясь на вооруженную силу. Казаки хотели мира, но Крикун, еще вчера воевавший с Добровольческой армией, предпочел союз с Деникиным и Кубанской Радой, неоднократно предававшей казачество, и вместе с другими членами Рады, создает „Кубанское Временное Повстанческое правительство“ и во главе „Кубанской Повстанческой армии“ выступает против Советской власти. Но масса казачества осталась глуха к призыву обанкротившихся „федералистов-республиканцев“.

На ту же неустойчивость настроения революционного казачества, свидетельствует и революционное движение казачества на Дону весной 1919 г. при наступлении Краснова.

Во главе этого движения стоял казак ст. Усть-Медведовской, войсковой старшина Мионов, которому удалось собрать во время наступления Деникина из казаков Усть-Медведицкого и Хоперского округов несколько тысяч казаков. Ему было поручено сформировать особый казачий корпус. На почве недоразумений с Реввоенсоветом Штаба южного фронта он повел агитацию против коммунистов. Отказавшись выполнить требование штаба фронта о явке в Пензу, он приказал корпусу двигаться на фронт с целью установить на Дону советский порядок, но „без коммунистов“. Мятеж Миронова удалось ликвидировать, он был арестован, предан суду трибунала, а затем раскаялся и был помилован. Осенью 1920 г. он отличился на врангельском фронте, а затем снова изменил в 1921 г. Советской власти. Между прочим он

был лишен Войсковым Кругом казачьего звания, о чем издан особый указ.

Деникинщина не имела глубоких корней на Северном Кавказе. Небольшой вес помещичьего землевладения и слабость буржуазии, отодвинутой казачеством тотчас же после Февральской революции, лишали Деникина здесь прочной опоры. Лишь очутившись под сапогом Деникина, казачество поняло, что опасность грозит ему со стороны помещичье-буржуазной контр-революции.

Оперегочное эмирство Узун-Хаджи и столь-же опереточная Черноморская республика были жалкими карриатурами.

Только рабочий класс и его партия довели борьбу до конца, в союзе с крестьянством и горской беднотой. Казачество раскололось на три части, но кулацкая часть была смята в борьбе. Мельница гражданской войны перемолола казачьи массы, история выбила из под казачества экономический фундамент, внутри самого казачества резко наметилось классовое расслоение.

Само собой разумеется, решающим фактором освобождения Северного Кавказа от белогвардейцев явилась Красная армия. Деникину сначала посчастливилось. Захватив Царицын и Харьков в конце июля 1919 г., он отдает приказ войскам идти на Москву. В октябре он занимает Воронеж, Орел, Чернигов и Киев. К этому времени его армия состоит из 80.000 штыков, 30.000 сабель, 1.500 пулеметов и 400 орудий.

Против Деникина сражались на Юго-Восточном фронте 9 армия и Особая группа—между Камышиным и Воронежом, в районе Воронежа—конный корпус Буденного, между Воронежом и Орлом 8 армия, в районе Орла—13 армия, на Черниговском направлении—14 армия и на Киевском—12.

Момент расцвета деникинщины был в то же время и началом ее конца. 14 ноября инициатива переходит в наши руки. Разгром Буденным корпуса Шкуро и Мамонтова заставили Добровольческую армию отступить. Красная армия преследует белых. 15 декабря Красная армия занимает Богучар, 30—ст. Каменскую. Армия Деникина покатила на Юг. Разногласия между Деникиным и Кубанской Радой повлекли за собой уход с фронта кубанских частей. Под влиянием побед Красной армии и в силу целого ряда других причин, деникинский тыл начинает разлагаться. 1 января 1920 года Красная армия заняла Лихую, 6—Александровск-Грушевск, 7—Новочеркасск и 8 января 1920 г. конница Буденного, переброшенная с Донбасса и Азовского моря, заняла Ростов на Дону. Вместе с конницей Буденного здесь боролась и 13 Кубанская дивизия, под командой Левандовского. Занятие Ростова имело не только стратегическое, но и политическое значение: оно мешало Деникину говорить с Кубанской Радой и вынудить последнюю двинуть против Красной армии кубанские части.

Насколько неожиданно было появление в Ростове Красной армии, видно из следующих эпизодов, имевших место при взятии Ростова, передаваемые со слов товарища Буденного. („Советский Юг“ № 5—710, 1923 г.). В Нахичевани буденновцы остановили офицера, возвращавшегося с женой из театра. Офицер принял их за добровольческий патруль, показал свое удостоверение с отпуском из части до 2-х час. ночи и предложил: „если не верите, то идите в мою сотню, она здесь расположена, здесь рядом“... Буденновцы пошли вместе с офицером и обезоружили казаков. В дом, где поместился один из

наших комбригов, явился полковник в пьяном виде. Увидел комбрига и начал кричать: „Вон! На каком основании в чужую квартиру забрались. Вон отсюда“. Узнавши же в чем дело, полковник быстро отрезвился: „Винovat, простите пожалуйста, располагайтесь как вам удобнее будет“... Вот еще случай. В управление инспектора артиллерии звонят с вокзала: „Здесь скопилось до 400 офицеров, но не отправляют почему-то эшелона. Как быть?“ Буденновцы, занявшие уже управление отвечали: „Подождите до утра“. Утром все 400 человек были взяты в плен.

А вот рассказ о взятии Ростова тов. Ворошилова. („Советский Юг“ № 5, 710—1923 год).

„Наскоро пишем приказ тут-же в поле, 4 дивизии сегодня же вступить в Нахичевань со стороны Генеральского моста.

6-й—войти ночью в Ростов с северо-запада.

Снова устные распоряжения, наставление—все по своим местам. Мы с Буденным в темноте двигаемся вместе с одним из полков 4-й дивизии.

Подошли вплотную к Нахичевани. Ни застав, ни охранения. Жуткая тишина. Только на вокзалах нервные свистки паровозов. Остановили войска. Нужно обследовать, входить нельзя. Гнездо контр-революции.

Отсюда она началась, здесь ее родина.

Отправляем небольшой раз'езд в разведку. Долго не возвращаются. Надоело ждать. Тихо двигаемся и постепенно вливаемся в город.

Ровно в 23 часа мы уже сидели за столом какого-то конозаводчика, а любезная хозяйка угощала нас „праздничным гусем и чаем“. Тут-же расположились и на ночлег. Приводили каких-то офицеров и др. пленных.

Приходили сами офицеры, прибывшие из Новочеркаска и разыскивавшие штабы своих частей. Донесли, что город переполнен белогвардейцами, что почти никто не знает о катастрофе, постигшей белых на фронте“.

Между прочим, при отступлении из Ростова белые предложили меньшевикам взять власть в городе в свои руки, но те отказались. (А. Васильев-Шмидт, Подпольная работа на Дону при белогвардейцах, „Труд. Дон.“ № 489, 1923 г.).

Взятие Ростова имело решающее значение. Приводим в качестве исторического документа приказ войскам 1-й Конной армии.

ПРИКАЗ

по войскам 1-й Конной армии

г. Ростов на Дону. 10 января 1920 г.

№ 3.

Доблестными Красными орлами 1 Конной армии, в боях 7 и 8 января с. г. на подступах к Ростову и Нахичевани на-голову разбиты банды белых.

Врагу нанесен сокрушительный удар, от которого ему уже не оправиться.

Нами уничтожено огромное количество живой силы противника, одних пленных взято больше 10.000 чел.

Нам сдались полки в полном боевом составе во главе со своими командирами.

Взято 36 орудий, множество пулеметов, 9 танков и весь обоз двух дивизий.

В результате полного разгрома врага, поздно вечером 8 января, наши части вступили в Ростов и Нахичевань.

Красные бойцы, как и прежде, отличались беззаветной храбростью и доблестью. Командиры и комиссары с честью и полным самоотвержением выполнили свои ответственные задачи.

Честь и слава вам красные герои!..

Революционный Военный Совет Конармии от лица Советской республики приносит глубокую благодарность героям Красной кавалерии.

Красная армия окончательно побеждает врагов рабочих и крестьян.

Скоро наступит желанный мир, а с ним свободный и радостный труд.

Прочь с дороги все подсобники Деникина, грабежами и темными деяниями поддерживающие черное дело белых генералов!..

Долой бандитов и воров!..

Да здравствует Красная Конная армия!..

Да здравствует Советская республика!..

Да здравствует Мировая революция!

Революционный Военный Совет:

Ворошилов.

Буденный.

Для поручений Шнитман.

Одновременно с наступлением на Ростов развиваются операции и на Волге. После взятия Царицына, а затем Сарепты (8-го января 1920 г.) ведутся операции по линии железной дороги Царицын—Тихорецкая. Однако, 14-го февраля белые под Ростовом перешли в наступление. 27-го февраля им даже удалось занять Ростов, но на следующий день они вынуждены были его оставить. 2-го марта Красная армия заняла Батайск (под Ростовом), 9-го марта Тихорецкую. Добровольческая армия бежала по трем направлениям: Екатеринодар—Новороссийск, Майкоп—Туапсе и по Владикавказской жел. дор.—в Терскую область.

Между прочим, по воспоминаниям участников, у задержанного в Ингушетии при попытке перехода через грузинскую границу начальника штаба армии Северного Кавказа полковника Дорофеева, был найден договор, заключенный главнокомандующим Эрдели с грузинским правительством о пропуске армии через Грузию в Батум, а оттуда в Крым, в котором было предусмотрено устройство питательных пунктов и прочее. Арест Дорофеева, у которого был найден договор, восставшими ингушами, помог нам, задержав отступление белых у границ Грузии на два дня. (Восп. Сотникова. С.-К. Истпарт).

17-го марта 22-я дивизия и конный корпус тов. Жлобы заняли Екатеринодар, превратившийся в Краснодар. Белые в панике отступили в Новороссийск. В то время, как с одного конца города отступали белые, следом за ними, с другого конца, входили красные части. В Екатеринодаре было взято в плен 27 тыс. солдат и 9 тыс. офицеров. 22-го марта Красная армия заняла Майкоп, а в ночь с 26 на 27-е марта Новороссийск, где было захвачено 20 тыс. солдат и 2 тыс. офицеров.

Отступление Добровольческой армии носило характер панического бегства. Вот как описывает это отступление белогвардейский литератор Георгий Виллиам. („Распад добровольцев“, Госиздат. 1923 г. стр. 78):

„Эвакуация Таганрога захватила меня в Екатеринодаре. Паника и бестолочь начались и там. Квартальеры правительственных учреждений захватили главную улицу города, Красную. Выбрасывали целые магазины. В это самое время начальник гарнизона издал приказ, воспрещающий реквизицию. Да и сами учреждения не знали, куда они едут, где останутся. Уже начинало действовать двоевластие, после вынужденного примирения с кубанским правительством. Да, собственно говоря, не двоевластие, а безвластие, военный террор и бюрократическая анархия. Обыватели замерли в страхе, горя ненавистью к добровольцам. Те видели это и с отчаянием, сжимая в руках оружие, трепетали. Царило взаимное озлобление, вражда и предательство. Сказывались результаты произвола и хищничества. Железнодорожные власти продавали поезда правительственным учреждениям. Машинисты везли только за деньги и спирт или с приставленными к их вискам револьверами. Нескончаемые вереницы пешеходов, экипажей, автомобилей и всадников тянулись по невылазной грязи дороги—к „Большой Воде“, к Новороссийску.

На ст. Екатеринодар я встретил дежурного генерала ставки Деникина. Он только что вышел из вагона, в котором ехал в ставку,— с дамами, с детьми, с собаченками. Я спросил, куда он едет. Он ответил:

— Я сам не знаю.

Для меня стало ясно, что все кончено“.

А вот положение в Новороссийске:

„Что-то невообразимое творилось в „Большой Воде“. Улицы Новороссийска были переполнены офицерами с винтовками, с револьверами, с ручными гранатами. Растерянность и испуг их, однако, таковы, что не будь в городе горсти английских войск и английского броненосца за молот, какой-нибудь десяток головорезов захватили-бы власть без сопротивления, и это несмотря на то, что по ночам ходили по улицам караульные офицерские роты с песнями

На Стандарте, в рабочей слободке около заводов, уже не стесняясь, действовали большевистские агитаторы. Собиравшиеся кучками оборванцы, пленные красные, посматривали на проходящих весьма недвусмысленно. Работаешь в редакции вечером, случайно подымеешь голову, а в окно тебе показывают кулак или револьвер“.

Кубанская армия под начальством генерала Морозова катилась по направлению Майкоп—Туапсе—Сочи. Армия насчитывала в своих рядах 60 тысяч человек, а наши войска, гнавшиеся за ними, по пятам, всего 3 тысячи. Однако, Морозов сдался (штаб Красной армии, случайно соединившись с Морозовым по телефону, предложил ему сдаться и тот, после переговоров, согласился). Здесь сдалось 40 тыс. человек, но среди них не было ни одного калмыка; они ушли в Крым, и рассказывают, перед уходом из Туапсе бросали своих детей в море. Так была ликвидирована белогвардейщина на Кубани.

В первых числах марта Красной армией был занят Ставрополь, 17-го Армавир, 23-го Минеральные Воды, 24-го Грозный, а 30-го Владикавказ, куда в тот же день пришли партизаны. В конце марта в Пятигорск приехало Бюро по восстановлению Советской власти на Кавказе. В „Известиях“ Пятигорского Ревкома от 4-го апреля 1920 г.

было опубликовано постановление Реввоенсовета Кавказского фронта об образовании Северо-Кавказского Революционного Комитета (Кубань, Черноморье, Ставропольская губерния, Терская область и Дагестан) в составе: председатель—Орджоникидзе, зам. пред.—Ян Полуян, члены: Мдивани, Стопани, Нариманов и Сеид Габиев. В своем первом приказе Северо-Кавказский Ревком объявил о создании Партийного Бюро в составе: председателя члена ЦК РКП т. Смилги, членов: Мдивани и Кирова.

„К 20-му марта 1920 года город Нальчик и Владикавказ были в наших руках,—пишет тов. Гарданов и тов. Такоев объявил во Владикавказе Областной Ревком и во всей территории Терской области была восстановлена Советская власть“ (Известия Осетинского Научно-Исследовательского Института, № 1, стр. 221).

Деникинщина была ликвидирована, но гражданская война не закончилась, она приняла лишь формы бандитизма, т. е. партизанской борьбы.

Добровольческая армия отступала под натиском Красной армии по трем направлениям: донские казаки и часть Кавказской армии—по направлению Екатеринодар—Новороссийск, кубанцы на Майкоп—Туапсе—Сочи, терцы и добровольцы—по линии Владикавказской жел. дороги. Далеко не вся армия смогла эвакуироваться в Константинополь или в Крым. Добровольческие вожди бежали в первую голову, бросив значительную часть армии, которая частью сдалась, частью рассосалась по Северному Кавказу, частью отступила в Грузию. Эти остатки армии Деникина продолжали на Северном Кавказе вести партизанскую войну, вовлекая в эту войну казачество.

Единым центром Северо-Кавказской контр-революции в период с 1920 г. являлась меньшевистская Грузия. В Тифлис бежало Кубанское правительство во главе с Тимошенко и Гиреем и Терское правительство во главе с Букановским. Здесь же обосновалось и Горское правительство (Тапа Чермоев и другие) и, наконец, белогвардейцы во главе с князем Меликовым и Тумановым, организовали здесь „Комитет по освобождению Края от большевиков“. Таким образом, меньшевистская Грузия превратилась в центр заговоров против Советской России, и с благословения французских и английских империалистов, казачьи изгои вместе с обанкротившимися горскими националистами создали в Париже Северо-Кавказское правительство (История Революционного движения на Тереке, № 1, 1924 г., Пятигорск, стр. 129).

Заклучив 7-го мая 1920 г. мирный договор с Советской Россией, грузинские меньшевики продолжали войну, но чужими руками. Лишь провозглашение в Грузии Советской власти 24-го февраля 1921 г. положили конец белогвардейским авантюрам на Северном Кавказе.

Гражданская война, как мы выше указывали, продолжалась с 1920 г. по 1922 г., но каждое выступление контр-революционных сил было уже по размаху и ничтожнее по результатам, пока, наконец, вооруженная борьба против Советской власти не обанкротилась идейно и, утратив свой политический характер, не превратилась в уголовный бандитизм. Остановимся на более значительных моментах гражданской войны этого периода.

Осевшие в горах Кавказа остатки Добровольческой армии, в виде бело-зеленых банд, иногда достигали значительной численности. Например, отряд Короленко насчитывал в своих рядах 600 человек при 2-х пулеметах. Начало усиленной деятельности этих банд относится к июню 1920 г. В контакте с Врангелем, с которым атаманы Дона, Кубани и Терка заключили соглашение, и при содействии грузинских

меньшевиков на Кубани и на Тереке генерал Фостиков (он же Хвостиков) приступает к организации из этих банд „Армии возрождения России“, пытаясь в то же время привлечь в ряды армии казачество. Само по себе название армии указывает на то, что эта авантюра являлась продолжением авантюры Деникина. Но лозунг „Единой Неделимой“, точно так же, как и сами добровольцы, были ненавистны Кубанскому казачеству.

К августу 1920 г. относится открытое выступление белогвардейских отрядов на Тереке, в Пятигорском отделе, которым удалось даже нанести поражение нашей 8 бригаде. Под начальством полковника Гирея, Крым-Шанилова и эсера Серебрякова, белогвардейские отряды ведут партизанскую борьбу на Тереке и на Кубани, разрушая телеграфно-железнодорожные пути и убивая коммунистов. Была даже попытка занять Ессентуки и Кисловодск, закончившаяся неудачей.

В этот период Врангель, оказавшийся в „крымской бутылке“, сколачивал на французские деньги армию на предмет „возрождения России“. Заманчивая мысль всколыхнуть контр-революционное болото на Кубани заставило союзников и Врангеля высадить на Кубани десант в надежде, что его поддержит кубанское казачество.

14-го августа 1920 г. на побережье Азовского моря в районе станицы Приморско-Ахтарской южнее Ейска, высадился десант под командой Улагая, в состав которого входили отборные офицерские и казачьи части. 18-го августа врангелевские войска заняли узловую станицу Тимашевскую. Но население Кубани не оказало Врангелю поддержки, на которую он рассчитывал. 27-го августа Красная армия заставила врангелевский десант попятиться к морю, и 5-го сентября десант погрузился на суда.

При операции по ликвидации десанта Врангеля исключительную роль сыграл отряд Ковтюха, бывшего командующего Таманской армией, спустившийся на судах из Екатеринодара по Кубани в тыл противника и разбивший в станице Ново-Нижнестеблиевской дивизию Казановича. В бою было убито со стороны противника 1000 человек и 600 чел. взято в плен.

Подобные же попытки высадки десанта были на Черноморском побережье—на Таманском полуострове и у Анапы.

Другой отпрыжкой Добровольческой армии, связанной с Врангелем, является восстание в мае 1921 г., вспыхнувшее точно также на Кубани, где полковник Серебряков (эсер) создал из отдельных бело-зеленых банд, так называемую, „Народную армию на Северном Кавказе“. Эта попытка точно также окончилась неудачей. „Народная армия“, состоявшая частью из кулацкого казачества, частью из бандитствующих элементов, была к 25-му мая 1921 г. разгромлена, а сам Серебряков пойман.

К этому же времени, т. е. к весне 1921 г. относится белогвардейско-эсеровский заговор на Тереке, опиравшийся на казачество. Находившийся в Пятигорске „Реввоенсовет“ зеленой армии, в который входили правые эсеры и офицерство, на 18-е марта готовили восстание в 11-ти станицах. Но восстание не удалось. Губчечкой было арестовано около 200 человек, при обысках были найдены типографии, шрифты, печати и секретные документы. Таким образом, и белогвардейско-эсеровский заговор потерпел неудачу.

На смену монархистам-добровольцам и бело-эсерам пришли „федералисты-республиканцы“. Еще в октябре 1920 г. председатель Кубанской миссии в Варшаве И. Белый обратился к капитану Мар-

шалъ с просьбой поддержать Кубанское правительство в борьбе с Советской властью.

„Мы хотели бы, чтобы могущественная Англия оказала нам свою моральную и материальную помощь и прежде всего:

1) В случае признания ею Советской власти, настояла бы на не-включении Кубани в состав Советской России.

2) Не помогала бы всякого рода русским военно-политическим организациям и их стремлениям покорить или подчинить себе Кубань.

3) Помощь Кубани в ее борьбе с большевиками. Такой помощью явились бы:

а) предоставление в распоряжение Кубанского правительства вооружения и снабжения (боевого, техникой, санитарного и аммуницией) для кубанской армии по расчету в первую очередь на 60.000 человек;

б) поддержка английского флота при создании базы для Кубани в Новороссийске;

в) организация при помощи английского флота постоянной связи Кубани с ее союзником Украиной через украинскую базу—Одессу;

г) отпуск необходимых материалов и средств для восстановления железнодорожного движения на Кубани.

Не менее существенной и необходимой помощью нам было бы установление непосредственного товарообмена Англии с Кубанью. Кубань—страна сырья и жила до сих пор привозными фабрикатами. В настоящее время мы особенно остро нуждаемся в мануфактуре и сельско-хозяйственных машинах.

Такая помощь явится лучшей гарантией дружбы и мирного сотрудничества в будущем, несомненно, выгодного обоим сторонам.

Настоящую просьбу мою об оказании этой помощи, обращенную мною от имени Кубанского правительства, я честь имею просить вас, г. капитан, довести до сведения английского правительства и военного и дипломатического представительства Англии в Варшаве.

Председатель Кубанской миссии И. Белый.

г. Варшава. 7-го октября 1920 года.

(Пионтковский. „Гражданская война в России“. Стр. 494).

Новая струя контр-революционного движения возникает на Кубани под знаменем „федералистов-республиканцев“ и при непосредственном участии члена Рады Пилюка, организовавшего ранее партизанское движение кубанского казачества против Деникина, и эсера полковника Савицкого.

Предварительно велась широкая агитационная и организационная работа. Из представителей Кубанской Краевой Рады в лесах Майкопского и Екатеринодарского отделов было создано „Кубанское Временное Повстанческое правительство“, в составе: полковника Савицкого, (эсера), Пилюка и Малиновского. Из разрозненных банд и восставшего казачества под командой монархиста генерала Марченко (он же Пржевальский) Серебрякова, Афросимова и Лукьянова-Степнова, была организована „Кубанская повстанческая армия“.

Район действия Кубанской повстанческой армии охватывал Кубанскую и Терскую области. К маю 1921 г. на Тереке в белогвардейских отрядах насчитывалось до 4.000 человек. Надо заметить, что Кубанская повстанческая армия пыталась заменить партизанщину организованной армией.

В армии были отделы оперативный, разведки, пропаганды, связи, инженерных частей и т. д. В мае отряду полковника Серебрякова удалось даже захватить Невинномысскую, но он оттуда был выбит. Серебряков был разбит и попал в плен 25-го мая. Поражение его внесло деморализацию в ряды повстанческих отрядов, действовавших на Тереке.

К осени центр, борьбы повстанческой армии переместился на Кубань. 15-го сентября части повстанческой армии появились в окрестностях станицы Абхазской и к 17-му сентября были в 20-ти верстах от Краснодара. Однако, повстанческая армия была разбита подоспевшими к этому времени частями 1-й Конной армии. 22-го сентября повстанческая армия потерпела окончательное поражение у села Белого, Краснодарского отдела, и расплылась на мелкие отряды. К 17-му октября 1921 г. повстанческая армия была ликвидирована, а руководители ее Савицкий, Пилюк, Малиновский и другие преданы суду. Марченко ушел в Грузию, а казаки его армии разошлись по домам.

Таким образом, ставка контр-революционеров на казачество была бита.

Провозглашение 24-го февраля 1921 года Советской власти в Грузии и разгром главных сил повстанцев заставляет их перейти от нападения к обороне.

В 1922 году на Северном Кавказе оперировали раздробленные банды, не преследовавшие широких задач. Это была агония контр-революции, сводившаяся к грабегам, убийствам, разрушениям, поджогам. Наиболее значительными бандами были: в Ставропольской губ.—Гробоваш, в Терской губернии—Мордачева, Марченко, Малукова, на Кубани—Дубины, Белого-Рутецкого, Святки и Нелюбы.

От рук бандитов погибли народный комиссар внутренних дел Горской республики—тов. Настуев, начальник Северо-Кавказских жел. дор. тов. Марков и многие другие.

Для характеристики бандитизма этой эпохи весьма колоритны фигуры главарей повстанческих отрядов Логвинова и Супрунова.

„Логвинов, красный командир 16-й кавдивизии, передался на сторону белозеленых осенью 1921 г. по причинам автору неизвестным. В течение осени 1921 г. Логвинов объединяет деятельность Супрунова и Хмары и приводит Пятигорский уезд своими действиями в состояние достаточного боевого напряжения. Он несколько раз грабит поезд Кисловодской ветки, борется с частями 16 кавдивизии и иногда с успехом, убивает совработников, делает налеты на станицы, входит в связь с отрядом кн. Джентимирова, словом, действует с такой решительностью и смелостью, что становится в белой среде авторитетным лицом. Политических лозунгов он никаких не выбрасывает, кроме шаблонного: „Долой Советскую власть“, но вред приносит большой, объединением белых, которым импонирует его красное офицерское звание, восставшее против Соввласти.

До Логвинова, душою отрядов белозеленных, группирующихся в Пятигорском уезде, был некто есаул Супрунов. Из дневника Супрунова, захваченного в одной из боевых операций видно, что он является совершенно непримиримым к Соввласти или законченный националист, или типичный казак.

К началу зимы 1921 года Логвинов раскаивается, возвращается в Красную армию и перед уходом белых убивает Супрунова и истребляет его отряд. (История революционного движения на Тереке № 1, Пятигорск, 1924 г., стр. 134).

Помимо общих экономических причин, содействовавших повстанческому движению казачества—голод 1921 г.—здесь имела значение и продразверстка, и объявление мобилизации казаков, и аннулирование деникинских денежных знаков, и неумелые действия местных властей.

Иной характер носило контр-революционное движение среди горцев. В начале 1920 г. в Чечне и Дагестане было поднято восстание под лозунгом: „Имамство и шариат“. В организации этого движения принимала меньшевистская Грузия, снабжавшая повстанцев оружием и руководителями.

Во главе этого движения стояли Нажмуддин-Гоцинский, объявивший себя имамом Дагестана и Северного Кавказа, и Алиханов. Декоративной фигурой являлся внук Шамиля, офицер французской службы, Саид-Бей.

Вначале движение приняло широкие размеры, охватив Гунибский, Аварский и часть Андийского округа. Немногочисленные красные отряды, сосредоточившись в крепостях Хунзахе и Гунибе стойко выдерживали осаду фанатиков.

По словам Нажмуддина Самурского („Октябрьская революция в Дагестане“ и Прол. рев., № 10, стр. 98, и далее) значительную роль в первоначальном успехе восстания сыграли наши ошибки. В органы Советской власти в Дагестане попало не мало контр-революционеров, которые своими действиями восстановили население против Советской власти. Например, издавались приказы об учете деревьев, о сборе яиц, о сдаче бурок и хлеба, которого у самого населения не хватало. Все эти недочеты были использованы Гоцинским.

Однако, горская беднота далеко оказалась не на стороне Гоцинского,—дагестанские партизаны сражались против имама рука об руку с Красной армией.

К весне 1921 года восстание было ликвидировано.

Один из моментов этой борьбы описывает в журнале „Новый Восток“ (№ 1 и 3, 1923 г.) тов. Павлович:

„...В Левашах, на площади под открытым небом, выступали мы перед собравшимися делегатами от горской бедноты. Пешие делегаты уселись по восточному краю на землю, всадники расположились позади пеших на своих конях. Почти все были вооружены. Съезд открылся под председательством тов. Тахо-Годи.

В своих речах мы указывали на тяжелое положение советской федерации, выяснили план международной контр-революции и ее агента на Востоке—меньшевистской Грузии, призывали дагестанскую бедноту с оружием в руках итти немедленно на освобождение Гуниба и разгромить шайки Нажмуддина-Гоцинского, изменника, предателя, агента во-первых, Деникина, во-вторых, меньшевистской Грузии.

После наших речей выступили представители собравшихся делегатов, подлинные бедняки, оборванные, изможденные, слова которых хватили прямо за сердце. Вот что говорил такой оборванец, истый представитель бедноты, который не раз с красными партизанскими отрядами под командой Дахадаева, Буйнакского, Коргмасова и других, прошел путь от Гуниба до Темир-Хан-Шуры и Петровска, побывал чуть ли не во всех ущельях, ночевал под дождем на всех скалах Красного Дагестана.

„Вы говорите, Советская власть воюет со всем миром. Капиталисты уже три года не дают ей отдыха. Мы тоже не отдыхаем, и три года льем свою кровь за Советскую власть. Мы не требуем, чтобы нам прислали помощь из Москвы или Петербурга. Дайте хоть нам то, что лежит под рукой. Почему нам не дают керосина? Мы знаем, что

на складах у нас же в Даргинском округе имеется и керосин и мануфактура. А когда мы просим, чтобы нам дали немного керосина и мануфактуры, нам отвечают: „предписано: пока не выполните наряда, не дадите требуемого количества скота, не получите ни одного фунта керосина, ни одного аршина мануфактуры“. А где нам достать этот скот, где взять этих кур и масла, которые у нас требуют. Мы можем дать только свою кровь—и мы ее даем“.

Совмещая в одном лице богатого скотовода и имама, Нажмуддин Гоцинский олицетворял в сущность горской контр-революции—сочетание религиозного фанатизма с туземным капиталом.

В эпоху Шамиля перед лицом колониальной политики царского правительства панисламизм объединял разрозненные горские народы для борьбы с царским правительством и горскими феодалами, и эта борьба была освободительной. В нашу эпоху панисламизм мог объединить только горскую буржуазию, но не весь народ, а горская беднота как это было в Дагестане, давшем 2.000 добровольцев на борьбу с Врангелем, боровшаяся с войсками имама, вопреки даже собственному фанатизму, оказалась на стороне русского пролетариата и крестьянства.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Советские республики на Северном Кавказе в 1917—19 г.	3
Падение Советских республик на Северном Кавказе	43
Краснов. Кубанская Рада. Добровольческая армия. Горское правитель- ство	75
Деникинщина.	98
Борьба за освобождение Северного Кавказа	125

СЕВЕРО-КАВКАЗСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СЕВКАВКНИГА“

ПРАВЛЕНИЕ—Ростов на Дону, улица Энгельса, № 98.

ЛИТЕРАТУРА
К ДЕСЯТОЙ ГОДОВЩИНЕ
ОКТЯБРЯ

- Б О Р Ь Я Н—
В борьбе за Октябрь 15 к.
- Д Е Л Л Е Р Т—
Дон в огне 15 к.
- ДОБРОВОЛЬСКИЙ—
Куды вела Кубаньска Рада казаків . . . 20 к.
- ЛИМАНСКИЙ—
Заложники у белых 15 к.
- Я К О В Л Е В—
Так было 15 к.
- Я Н Ч Е В С К И Й—
Гражданская борьба на Северном Кавказе,
т. I 2 р.
- Я Н Ч Е В С К И Й—
Гражданская борьба на Северном Кавказе, т. II

СЕВ.-КАВКАЗСКАЯ КРАЕВАЯ ЮБИЛЕЙНАЯ КОМИССИЯ
ПО ПРОВЕДЕНИЮ 10-й ГОДОВЩИНЫ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ